

Russian-Armenian (Slavonic) University

*Printed by the decision of the
Academic Council of RAU*

V E S T N I K
OF RUSSIAN-ARMENIAN (SLAVONIC) UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)

(50)
RAU University Press
No. 3/2024

Российско-Армянский (Славянский) университет

*Печатается по решению
Ученого Совета РАУ*

В Е С Т Н И К

**РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО (СЛАВЯНСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА**

(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ)

(50)

**Издательство РАУ
№ 3/2024**

Вестник РАУ, № 3. – Ер.: Изд-во РАУ, 2024.– 184 с.

Главный редактор – д.эконом.н., профессор **Сандоян Э.М.**

Заместитель главного редактора: д.филол.н., проф., к.ф.-м.н. **Аветисян П.С.**

Ответственные секретари: к.филол.н., доц. **Саркисян О.Л.**, к.филол.н., доц. **Авакян М.Э.**

Редакционная коллегия

Юридические науки

Т.В. Епифанова – д.э.н., к.ю.н., проф. Кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Россия).

В.Л. Толстых – д.ю.н., проф. Кафедры международного права МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО (Россия).

В.М. Баранов – д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (Россия).

В.В. Ярков – д.ю.н., проф., заведующий Кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

С.С. Аветисян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, проф. Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета, судья уголовной палаты Кассационного суда РА.

А.С. Гамбарян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, заведующий Кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета.

Политические науки

М.М. Лебедева – д.п.н., к.псих.н., проф., заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы (Россия).

С.М. Маркедонов – к.ист.н., доц. Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика» (Россия).

И.С. Семенов – д.п.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Россия).

И.И. Кузнецов – д.п.н., проф., проф. Кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

С.П. Поцелуев – д.п.н., к.филол.н., доц., проф. Кафедры теоретической и прикладной политологии Института Философии и Социально-политических наук Южного-Федерального университета (Россия).

А.П. Енгоян – д.полит.н., проф., проф. Кафедры политологии Ереванского государственного университета.

Экономические науки

А.А. Широ – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия).

А.К. Моисеев – д.э.н., исследователь Междисциплинарного исследовательского центра кибербезопасности им. Блаватника Тель-Авивского университета.

М.А. Абрамова – д.э.н., проф., руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).

М.Ю. Головин – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Россия).

С.А. Кристиневич – д.э.н., доц. Кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) (Белоруссия).

А.М. Суварян – д.э.н., проф., заведующий Кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета.

М.А. Восканян – д.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета.

И.Б. Петросян – к.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета.

Филологические науки

А.К. Егиазарян – д.филол.н., проф., проф. Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Симонян – д.филол.н., проф., заведующая Кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

К.С. Акопян – к.филол.н., доц., заведующий Кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

Л.С. Меликсетян – к.филол.н., проф., заведующая Кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Т. Золян – д.филол.н., проф.

Н.В. Поплавская – к.филол.н., доцент Кафедры массовых коммуникаций РУДН, заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН (Россия).

И.С. Леонов – д.филол.н., проф. Кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Россия).

Исторические науки

Е.Г. Маргарян – д.ист.н., проф., директор Института международных отношений и общественно-политических наук Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Мелконян – д.ист.н., проф., академик НАН РА, директор Института истории НАН РА.

Психологические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф., заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц., первый заместитель директора, проф. Кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала ГГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Россия).

Философские науки

Г.Э. Галикян – к.филос.н., доц., заведующий Кафедрой философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Г. Оганесян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

Р.З. Джиджян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна.

Востоковедение

Е.И. Зелнев – д.и.н., проф., директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия).

Г.С. Асатрян – д.филол.н., проф., директор Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

В.А. Аракелова – к.и.н., проф. Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2024г.

ISSN 1829-0450

© Издательство РАУ, 2024

Vestnik of the RAU, No. 3. – Yer.: RAU Publishing House, 2024. – 184 p.

Editor-in-Chief: Doctor of Economics, Professor **Sandoyan E.M.**

Deputy Chief Editor: Doctor of Philosophy, Professor, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, **Avetisyan P.S.**

Responsible Secretaries: Candidate of Philosophy, Associate Professor, **Sarkisyan O.L.**, Candidate of Philology, Associate Professor, **Avakyan M.E.**

Editorial Team

Legal Sciences

T.V. Epifanova – Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Professor. Chair of Civil Law, Rostov State Economic University (RINH) (Russia).

V.L. Tolstyh – Doctor of Juridical Sciences, Professor. Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Chief Researcher at the Laboratory of International Legal Studies, MGIMO (Russia).

V.M. Baranov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Chief of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center “Legal Technology” (Russia).

V.V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Russia).

S.S. Avetisyan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia.

A.S. Gambaryan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Head of the Department of Legal Theory and Constitutional Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Political sciences

M.M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes at MGIMO (Moscow State Institute of International Relations), Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education (Russia).

S.M. Markedonov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at MGIMO, Senior Researcher at the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO, Senior Researcher at the Institute of International Studies at MGIMO, Chief Editor of the journal “International Analytics” (Russia).

I.S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Research at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (Russia).

I.I. Kuznetsov – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russia).

S.P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University (Russia).

A.P. Engoyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science, Yerevan State University.

Economic Sciences

A.A. Shirov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

A.K. Moiseev – Doctor of Economics, researcher in Blavatnik Interdisciplinary Cyber Research Center (ICRC), Tel Aviv University.

M.A. Abramova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Financial Markets at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia).

M.Yu. Golovnin – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia).

S.A. Kristinevich – Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, Belarusian State Economic University (BSEU) (Belarus).

A.M. Suvaryan – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Business at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

M.A. Voskanyan – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

I.B. Petrosyan – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Issues of the Economy in the Transitional Period at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Philological sciences

A.K. Eghiazaryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Simonyan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and Intercultural Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

K.S. Akopyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

L.S. Meliksetyan – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and World Literature and Culture, Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.T. Zolyan – Doctor of Philological Sciences, Professor.

N.V. Poplavskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Mass Communications, RUDN University, Deputy Dean of the Philological Faculty for International Activities at RUDN, Head of Educational Programs “Multimedia Journalism”, “Global and Digital Media” at RUDN (Russia).

I.S. Leonov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of World Literature at the State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin (Russia).

Historical Sciences

E.G. Margaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Melkonyan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Armenia (NAS RA), Director of the Institute of History at NAS RA.

Psychological Sciences

A.S. Berberyan – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

O.A. Kornilova – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, First Deputy Director, Professor at the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University (Russia).

Philosophical Sciences

G.E. Galikyan – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.G. Oganesyanyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

R.Z. Djidjyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy and Logic at the Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan.

Oriental Studies

E.I. Zelenev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies and African Studies at the National Research University Higher School of Economics (HSE), Saint Petersburg (Russia).

G.S. Asatryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

V.A. Arakelova – Candidate of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

Russian-Armenian (Slavonic) University, 2024

ISSN 1829-0450

© RAU University Press, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мирумян Р.А. Армянская модель национального просвещения (образования и воспитания) как механизм сохранения культурной самобытности нации. От Второго армянского просвещения (XIX в.) до современности (XXI в.) (политико-философский аспект).....12

Аванесян М.Г. Энерготранспортная значимость «Курдского коридора» в геополитических процессах региона Большого Ближнего Востока.....47

Тер-Варданян А.А. Проблемы истоков демократии: на основе теоретического анализа афинской практики57

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Манукян М.А. Парламентаризм как форма представительной демократии69

Аветисян Д.П. Проблемы уголовной ответственности за преступления с бланкетными уголовно-правовыми нормами83

ЭКОНОМИКА

Галстян А.Г., Вардгесян Э.М.Г. Анализ и оценка воздействия поведенческих факторов в банковской системе (на примере РА).....90

Есяян А.В. Теоретические подходы к трансформации финансовой сферы в эпоху цифровых валют: перспективы и модели реализации.....101

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Сандоян Э.М., Восканян М.А., Степанян И.К. Проблемы нормирования времени профессорско-преподавательского состава в высших учебных заведениях: адаптация и внедрение в РАУ113

ФИЛОСОФИЯ

Полежаев Д.В. Ментальные основания гражданской идентичности: социально-философское осмысление131

АРМЕНОВЕДЕНИЕ

Мкртчян Г.Г. Научное понимание циклов (периодичность) Среднеармянского языка (на арм.яз.)144

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мерангулян И.А. Автор и герой: нарративная организация в «Жизни Арсеньева».....162

ЖУРНАЛИСТИКА

Авакян М.Э. Снижение речевой культуры журналистского текста: особенности употребления русского языка в современных СМИ Армении.....172

CONTENTS

POLITICAL SCIENCE AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Mirumyan R.** Armenian model of national enlightenment (education and upbringing) as a mechanism for preserving the cultural authenticity of the nation. From the Second Armenian enlightenment (19th century) to the present day (21st century) (political and philosophical aspect).....12
- Avanesyan M.** The energy and transport significance of the “Kurdish corridor” in the geopolitical processes of the greater Middle East region. The Turkish factor in energy and transport projects in the post-conflict phase47
- Ter-Vardanyan A.** Problems of the origins of democracy: on theoretical analysis of Athenian practice57

JURISPRUDENCE

- Manukyan M.** Parliamentarism as a form of representative democracy69
- Avetisyan D.** Problems of criminal liability for crimes with blanket criminal law norms83

ECONOMICS

- Galstyan A., Vardgesyan A.M.** Analysis and assessment of the impact of behavioral factors in the banking system (case of RA).....90
- Yesayan A.** Transformation of the financial sector in the era of digital currencies: prospects and implementation models..... 101

PROBLEMS OF EDUCATION

- Sandoyan E., Voskanyan M., Stepanyan I.** Problems of time regulation for professorial teaching staff in higher educational institutions: adaptation and implementation in RAU..... 113

PHILOSOPHY

- Polezhayev D.** Mental foundations of civic identity: socio-philosophical understanding 131

ARMENIAN STUDIES

- Mkrтчyan G.** The scientific understanding of Middle Armenian periods (periodical stages)..... 144

LITERARY STUDIES

- Merangulyan I.** The author and the main character: narratory organization in “Arsenyev’s life” 162

JOURNALISM

- Avakyan M.** The fall of the speech culture of the journalistic text: the features of the use of the Russian language in the modern media of Armenia 172

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-12-46
УДК 1

Поступила: 17.05.2024г.
Сдана на рецензию: 20.05.2024г.
Подписана к печати: 30.05.2024г.

АРМЯНСКАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ) КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ НАЦИИ. ОТ ВТОРОГО АРМЯНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (XIX в.) ДО СОВРЕМЕННОСТИ (XXI в.) (ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Р.А. Мирумян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
rimta.mirumyan@gmail.com
ORCID: 0009-0005-3794-590X*

АННОТАЦИЯ

Предлагаемая вниманию читателя статья является третьей, последней статьёй, посвящённой вопросу становления и развития армянской модели национального просвещения (образования и воспитания). Затрагиваемые в рамках этой проблематики вопросы рассматриваются в статье через призму авторской методологической концепции исследования истории армянской национальной культуры. На материале, охватывающем период от XIX века, названного автором «Веком Второго Армянского просвещения», до начала XXI века, анализируются детерминированные специфическими для отмеченного периода условиями национального бытия трансформации в армянской педагогической мысли и школьно-образовательном деле. Смысловой стержень данной статьи составляют две взаимосвязанные идеи:

1. Творческий гений армянского народа в XIX–XX веках в очередной раз проявился через мощный подъём национальной культуры, в которой архетипы национального сознания были органично вплетены в новые, соответствующие духу времени, формы культуротворчества нации.
2. Только на основе армянской национальной модели образования и воспитания можно выстроить пространство жизнедеятельности армянской нации в современных условиях.

Главным выводом статьи является положение о том, что лишь через формирование и развитие армянского национального духа – глубин-

ной, духовной сущности, самости нации – обеспечиваемых через основанное на вековых национально-культурных традициях национальное просвещение, возможно сохранение и развитие специфики армянского национального бытия. Сохранение культурной самобытности армянской нации (через распространение идеалов национального просвещения), являющейся органической составляющей армянского национального бытия, есть условие и гарантия сохранения армянской нации, Армении и армянской государственности.

Ключевые слова: Век Второго Армянского просвещения, развитие арменоведения, культурная миссия «Базмавепа», просветительская парадигма армянской теоретической мысли, консервативная парадигма армянской теоретической мысли, идеологическая борьба «грабар-ашхарабар», идеологическая борьба «наука-религия», воспитание патриота как цель образования/ воспитания, воспитание человека-творца как цель образования/воспитания, национальное просвещение как предусловие сохранения нации, культурная самобытность как основа национального бытия.

Просвещение и педагогическая мысль в эпоху Второго Армянского просвещения (XIXв.)

В XIX век Армения вошла, будучи разделённой между Царской Россией (Восточная Армения) и Османской Турцией (Западная Армения). В этот период жизнедеятельность армянского народа осуществлялась в условиях отсутствия национальной государственности, разделённости нации между двумя государствами и влияния чужеродных мировоззренческих установок и политических идеологий. Если Восточная Армения главным образом была пропитана духом новоевропейского либерализма, то в Западной Армении, кроме этих идей, за право «обладания» сознанием армян открыто конкурировали ещё две – католическая и протестантская, идеологии.

В этом веке, однако, творческий гений армянского народа выразился через третий мощный подъём культуры после «Золотого века» или «Века Просвещения» (V–VI вв., период перехода от Античности к Средневековью) и «Серебряного века» (IX–XIV вв., период развитого феодализма). XIX век по праву можно назвать «Веком Духовного пробуждения армянской нации» или «Веком Второго Армянского просвещения» (конец XVIII–XIX вв.), вектор, стиль и характер которого был предзаданы ещё в начале XVIII века основателем Ордена мхитарянцев в Венеции Мхитаром Себастиани. Как и в предыдущие периоды культурного подъёма армянской нации, этот период характеризуется развитием школьного образования. В одной только Западной Армении к 1870 году было более 800 школ, а к началу Первой Мировой войны в Армении и армянских общинах в приходских школах практически все дети получали начальное образование. В этот период было открыто много средних учебных заведений, в том числе готовивших специалистов высокой квалификации. Это были епархиальные школы, функционирующие во всех крупных

культурных центрах Восточной и Западной Армении, женские средние учебные заведения в Ереване, Тифлисе, Шуше, Ахалцихе, Ване, Константинополе, Измире и т.д.

К этому времени относится и функционирование целого ряда культурных и научно-образовательных центров, где армяне получали арменоведческое образование. Вот далеко не полный перечень таких центров:

а) основанная ещё в 1717 году основателем Конгрегации мхитарянцев – Мхитаром Себасти (Венеция, остров Св. Лазаря) школа, впоследствии названная Армянской духовной семинарией Св. Лазаря;

б) основанная в 1815 году (Москва) государственным деятелем Российской империи и крупным армянским меценатом Иваном Лазаревым Армянская духовная семинария («Լազարյան ճեմարան»), впоследствии названная «Лазаревским институтом восточных языков»;

в) основанная в 1824 году (Тбилиси) главой Грузинской епархии Армянской Апостольской церкви, будущим Католикосом Всех Армян Нерсесом Аштаракци Нерсисянская апостольская семинария;

г) основанное в 1858 году (Феодосия) великим армянским просветителем, архиепископом, богословом, учёным и педагогом Габриэлом Айвазовским Халибьянское училище;

д) основанная в 1874 году (Св. Эчмиадзин) Католикосом Всех Армян Георгом IV Духовная семинария Геворгян.

Армянская культура воспроизводилась в формах, соответствующих условиям общественной и интеллектуально-духовной жизни нации того времени: издании многочисленных общественно-политических и литературно-художественных журналов, открытии десятков театров и театральных трупп, множества типографий. Если армянская старопечатная книга (XVI–XVIII вв.) насчитывала всего лишь более 1000 названий, то до 1820 года было напечатано около 15 тысяч названий армянских книг и около 1800 названий армянских периодических изданий [1]. Развитие традиционных для армянской культуры и рождение новых форм культуротворчества нации: поэзии, прозы, драматургии, литературной критики, публицистики, научной литературы (классической филологии и истории, философии, теории общественного развития, логики, истории естествознания), было обусловлено потребностями общественной и интеллектуально-духовной жизни нации и, в первую очередь, потребностями национального просвещения (образования и воспитания).

Из всех, функционирующих в этот период крупных армянских культурных и научно-учебных центров, самым известным в мировом масштабе и заслуженным является Академия мхитарянцев на острове Св. Лазаря в Венеции. В рассматриваемый период мхитаряне успешно реализовывают сформулированную Мхитаром Себасти политическую концепцию армянской национальной культуры.

Так, почти век спустя после издания словаря армянского языка Мхитара Себастиани тремя представителями Ордена (Мкртич Абебян, Габриэл Айвазян, Хачатур Сюрмелян) был издан словарь армянского языка «Новый Айказян бараран» (тт. 1–2, Венеция, 1836–1837гг.), а также многочисленные двуязычные словари. Первым из таких словарей стал армяно-латинский словарь (1621г.). Словарь «Новый Айказян» переиздан и до сегодняшнего дня используется армянскими учёными, преподавателями, переводчиками, аспирантами и студентами вузов. Многовековая история Армении ещё в предыдущем веке была запечатлена в монументальном труде Микаэла Чамчяна (1738–1823гг.) «История Армении» (тт. 1–3, Венеция, 1784–1786гг.). За М. Чамчяном возвышается фигура Гукаса вардапета Инджиджяна (1758–1833гг.), капитальные труды которого («Древняя Армения», Венеция, 1822г., трёхтомная книга «Древняя история страны Армянской», Венеция, 1853г.) были результатом его многолетних серьёзных исследований в Западной Армении. Но воистину неповторимым явлением в первой плеяде Мхитарянцев является Гевонд Алишан (1820–1901гг.), исследования которого (опубликованные и рукописные) составляют целую библиотеку и включают все сферы арменоведения.

Отмеченные работы Мхитарянцев по праву считаются лучшими памятниками не только армянской, но и европейских филологической и исторической наук того времени. Эти труды и сегодня являются ценными источниками для арменоведческих исследований и учебным материалом для преподавания определённых университетских курсов (армянский язык, история армянского народа и т.д.).

Начиная с 1820 года, в типографии братства начинают издаваться труды древнеармянских авторов, переводы на армянский язык письменных памятников античной культуры, а также – основанные на подражании античным образцам труды представителей европейского классицизма. В этом проявляется переключка двух великих эпох в истории армянской культуры – «Золотого века» и «Века Возрождения». Перед инициаторами Армянского Возрождения стоял вопрос обеспечения равноправного диалога между имеющей вековые традиции и восстанавливаемой из исторических «руин» армянской духовной культурой и набирающей темпы европейской. «Встреча» двух культур, по их замыслу, должна была способствовать «восстановлению» армянской национальной самобытности. С этой целью, завершив начатую ещё Мхитаром Себастиани работу по обновлению армянского языка, Мхитаряне осуществляют работу по обогащению армянского языка новой научной терминологией, шлифовкой научного стиля (Арсен Багратуни, Манвел Дчахдчакян, Артюн Авгерян и др.).

Следуя одному из главнейших принципов политической концепции национальной культуры Мхитара Себастиани: (школа есть важнейшее условие духовного возрождения нации) Мхитаряне в 1820 году открывают первое

училище в армянской общине Трансильвании. За первой ласточкой появляются и другие – в Константинополе, Венгрии, Италии, Грузии, Крыму, Симферополе, Париже, Иране, Иерусалиме, Алеппо, Египте, Бейруте, Буэнос-Айресе и других местах. Обладающие высоконравственным обликом европейски образованного армянина, выпускники этих научно-учебных центров, начиная особенно с XIX века, сыграли важную роль во всех сферах жизнедеятельности армянского народа. Интеллектуальную элиту нации, к примеру, представляли Серовбэ Паткян, Церенц, Акоп Воскан и др. Художественную элиту – Акоп Папазян, Петрос Экимян и др. Политическую же элиту – Якуб Артин паша, Карапет Карагаш, Микаэл Портулак паша и др.

Когда в XIX веке специальным указом Наполеона Бонапарта в Европе стали закрываться все религиозные конфессии, и угроза закрытия нависла над Орденом мхитарянцев, его главе – Степаносу Адонцу, удалось отменить этот указ. Более того, 27 августа 1810 года императорским указом Мхитарянское аббатство не только было признано культурным центром, но и был утверждён его статус как *Accademia Armenia Sancti Lazari – Հայկազգանի Ճեմարանի Սր. Ընթացիչ* – Армянская духовная семинария Св. Лазаря.

Такое событие не могло остаться незамеченным со стороны Западного мира: многим Мхитарянам и, в первую очередь, Гевонду Алишану, было предложено стать членами европейских Академий наук. Кроме того, многие видные западные учёные почли за честь стать членами Армянской Академии наук.

С целью «пробуждения» и развития национального самосознания армянской нации Мхитарянце используют как традиционные, так и специфические для своей эпохи механизмы, в том числе периодическую печать. Рассматривая армяноязычную периодическую печать как мощное информационное средство просвещения армянской нации, они превратили её в высокую трибуну формулирования и обсуждения актуальных для национального бытия мировоззренческих и идеологических вопросов. Эту великую историческую и культурную миссию был призван осуществить издаваемый с 1843 года по настоящее время журнал «Базмавеп» («Բազմաբեպ», «Полигистр»), основателем и первым редактором которого был (до 1848г.) выдающийся представитель братства Габриэл Айвазовский (1812–1880гг.). Издание по его инициативе журнала «Базмавеп» открыло новую эпоху не только в истории армянской периодической печати, но и в истории армянской духовной культуры. Начиная с 1843 года и благодаря «Базмавепу», было положено начало течению «ашхарабара». В результате вардапетам Ордена удаётся сделать доступными для армянского читателя памятники национальной истории, литературы и искусства, выполняя, таким образом, направленный на сохранение

культурной самобытности нации нациоцентричный духовный проект Мхитара Себастиана [2]. «Базмавеп» является одним из старейших армянских и старейший из всех, издаваемых сегодня в мире журналов¹.

Ещё один крупный армянский научно-учебный центр функционировал в Измире (Западная Армения). На протяжении всего XIX века и до 1922 года Измир был (наряду с Константинополем) важным центром развития армянской культуры, армянской школы и армянской педагогической мысли в Западной Армении. Широкий размах просветительскому движению здесь сообщили типографии, в которых публиковалась богатая измирская периодика («Аршалуйс Араратян», 1840–1887гг., «Айренасер», 1843–1846гг., «Арпи Араратян», 1853–1856гг., «Тцахик», 1861–1867гг., «Миутюн», 1860–1862гг., «Аревелян мамул», 1871–1921гг. и др.), учебные пособия, переводная литература. В армянских школах Измира начинают преподавание на ашхарабаре. Так, в 1850–1851 годах в частной школе «М. Агабекян» на ашхарабаре начинают преподавать: один из отцов армянской исторической романистики, публицист и педагог Маттеос Мамурян (1830–1901гг.), а также публицист, историк и педагог Маркос Агабекян (1830–1908гг.), хотя отдельные попытки преподавания на ашхарабаре ещё раньше были осуществлены в публичной школе Измира [3]. Большую роль в культурной жизни Измира играл «Армянский дом для чтения», имеющий читальню и богатую библиотеку (3 000 наименований книг на армянском и иностранных языках, газет, журналов). В 30–

¹ В контексте сказанного считаю необходимым отметить следующее. Ещё до издания «Базмавепа» в Венеции под редакцией видного представителя Ордена мхитарянцев Гукаса Инджиджяна на ашхарабаре стал публиковаться ежегодник «Тарегрутюн» («Տարեգրություն» – «Хроника», 1799–1802гг.). Это было второе по времени армянское периодическое издание после издаваемого в Мадраसे армянским священником и просветителем Арутюном Шмавоняном армянского журнала «Аздарар» («Ազգաբարձր» – «Вестник», 1794–1796гг.). В 1821–1823 годах в индийском городе Калькутта под редакцией Мкртчяна выходил в свет журнал «Штемаран» («Տնտեսաբան» – «Хранилище»). В 1832–1850 годах в Константинополе издавался журнал «Лрагир» («Լրագիր» – «Вестник»). В 1854–1864 годах в Москве под редакцией Степаноса Назарянца издавался журнал «Юсисапайл» («Տիպագրություն» – «Северное сияние»), а в 1872–1920 годах под редакцией либерального мыслителя и публициста Григора Арцруни издавалась газета «Мшак» («Մշակ» – «Труженик»). На территории Восточной Армении в Св. Эчмиадзине с 1868 года начал публиковаться журнал «Арарат» («Արարատ»). Внесённые в этот, далеко не полный, перечень армянские периодические издания служили мощным средством распространения идей национального просвещения, национального единства, национально-освободительной борьбы армянского народа. В публикуемых в этих изданиях материалах осмысливались проблемы, связанные с решением армянского вопроса, развитием армянской науки и культуры, национального образования и воспитания. Тем не менее, издаваемый Мхитарянами журнал «Базмавеп» надолго стал эталонным образцом армянской периодической печати, на страницах которого публиковались самые серьёзные работы по разным направлениям арменоведения.

50-х годах XIX века самыми известными в Измире и далеко за его пределами были Месроповская мужская и Рипсимьянская женская школы.

С 20-х гг. XIX века наблюдается беспрецедентное оживление культурной жизни Арцаха. В его торговом, ремесленном и культурном центре – Шуши – возрождаются традиции национального просвещения. Армянские школы Арцаха управлялись Синодом Св. Эчмиадзина. Первыми просветителями Арцаха в XIX веке были представители армянского духовенства. Одним из таких выдающихся людей был Овсеп Арцахеци – вардапет Шушинской епархии. Арцахеци занимался изданием церковно-религиозной литературы, армянской азбуки, учебных таблиц, руководств по грамматике. Он является автором «Краткого изложения армянской грамматики» (1829г.), «Первой части философии, называемой логикой» (1840г.), «Логики» (1841г.), «Маштоца».

Одним из наиболее значимых учебных заведений в Шуше была Шушинская епархиальная школа. Она была открыта в 1848 году и закрыта в 1852 году по указанию католикоса Нерсеса Аштаракеци. В 1855 году она была вновь открыта и с небольшими перерывами функционировала вплоть до 1920 года. Усилиями назначенного в 1863 году инспектором этой школы Петроса Шаншяна и его помощника Перча Прошяна, преподававшего в школе армянский язык, армянскую литературу и армянскую историю, школа превратилась в первоклассное учебное заведение, где, кроме упомянутых лиц, преподавали видные деятели армянской культуры: Седрак Мандинян, Газарос Агаян, Хорен Степанэ и др. В Шушинской школе обучались: будущий руководитель Первой Республики Армения Арам Манукян (1879–1920гг.), крупный деятель армянской культуры, педагог, арменовед и католикос Киликии Гарегин I Овсепян (1867–1952гг.), классик армянской литературы Мурацан (1854–1908гг.) и др. Примечательным является то, что Седрак Мандинян ввёл в учебную программу школы предмет «педагогика», а из выпускников четвёртого класса был создан специальный педагогический класс с целью подготовки преподавателей для местной приходской школы.

Беспрецедентный культурный подъём Арцаха (1823–1920гг.) сделал Шуши одним из крупнейших культурных центров Закавказья. Такой духовный подъём явился логическим продолжением сложившихся ещё в раннем армянском средневековье традиций школьно-образовательного дела в Арцахе. Этому процессу способствовало и беспрецедентное развитие издательского и типографского дела.

В этот период Шуши становится важнейшим армянским центром книгопечатания наряду с Эчмиадзинским (1771г.) и Тбилисским (1823г.) центрами. Первая книга на армянском языке («Священная книга истории», 1828г.) была издана в открытой швейцарскими миссионерами в Шуши типографии, которую вскоре выкупил духовный лидер Арцаха митрополит Багдасар Хасан-

Джалалян. Здесь издавались труды религиозно-церковного, научного, исторического и дидактического характера. В 1881 году в Шуши была открыта типография Мирзаджана Махтеси Акопяна, в которой на протяжении 25 лет было издано огромное число художественной и историографической литературы, учебников и учебных пособий, газет и журналов. Именно здесь отдельными томами были опубликованы труды армянского историка Лео, романиста Раффи и А. Багатуряна. В 1828–1920гг. в Шуши функционировало 5 издательств, в которых было опубликовано 170 наименований книг. С 1874 по 1920гг. было издано 28 наименований газет и журналов (25 на армянском и 3 на русском). Первенцем армянской периодической печати Арцаха стал журнал «Айоц ашхар» («Армянский мир», 1874г.), миссией которого было содействие делу национального просвещения, стимулирование тяги к знанию и учёбе. Наиболее значимым событием в культурной жизни Арцаха стало издание с 1896 года «Этнографического журнала». Редактором-издателем этого уникального издания, в котором публиковались статьи по археологии, фольклору и этнографии, был один из самых образованных людей своего времени филолог Ерванд Лалаян. В этом журнале публиковались именитые армянские учёные Гр. Ачарян, А. Манандян, М. Абемян и др.

В 2005 году в Ереване на двух языках – армянском и русском – была издана книга «Образование в Арцахе» 405–2005 («Կրթութիւնը Արցախում» 405–2005). Как отмечено в аннотации к книге, в ней в краткой форме представлена 1600-летняя история Арцахской школы и системы образования Карабаха. В книге нашли место и следующие разделы: «Видные деятели науки», «Народные и заслуженные учителя», «Видные организаторы школьного дела», «Погибшие в Арцахской войне учителя-освободители». Книга посвящена 1600-летию создания армянской письменности и основанию Амарасской школы².

Программа учебного курса Лазаревского института восточных языков содержала все изучаемые в русских гимназиях предметы, а также армянский язык, армянскую словесность и ряд восточных языков. Необходимость изучения восточных языков объяснялась наличием многочисленной армянской общины в Персии и Турции. За весьма короткий срок это высшее учебное заведение стало одним из лучших учебных центров Москвы. Его посещали многие известные европейские и русские учёные и писатели (А. Гумбольдт, М. Броссе, А. Грибоедов, А. Пушкин и др.). Слава этого учебного центра достигла проживающих в Персии, Турции и Индии армян.

² Известно, что в IV веке Креститель Армении и её первый католикос Григор Лусаворич основал в Арцахе монастырь Арамас. А в начале V века создатель армянской письменности и Первоучитель Армении монах Месроп Маштоц основал при этом монастыре первую армянскую школу.

Лазаревский институт стал крупным центром подготовки учителей для армянских школ Астрахани, Нор-Нахичевани, Тифлиса и т.д. Работающая с 1830 года типография института издавала литературу на 13 языках (европейских, восточных и армянском). Особенно значимыми являются: «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков», «Этнографический фонд Н.О. Эмина», «Древности восточной комиссии». В библиотеке Лазаревского института было собрано 40 000 тысяч книг, из которых 13 000 – по востоковедению.

Лазаревский институт по праву считался крупным центром армянского просвещения. Из его стен вышли многие выдающиеся государственные и политические деятели, а также крупные представители науки и культуры: будущий государственный деятель Российской империи, генерал от кавалерии и министр внутренних дел граф Лорис Меликов, будущий министр Народного просвещения Российской империи И.Д. Делянов, будущий посол Российской империи в Стамбуле И.А. Зиновьев, будущий Член-корреспондент Императорской Академии наук Российской империи К.П. Патканов, будущие армянские поэты Рафаэль Патканян, Смбат Шахазиз, Ваан Терян, будущие арменоведы Мкртич Эмин, Григорий Халатян и многие др.).

Лазаревский институт просуществовал до 1921 года. С 1849 года в статусе профессора персидско-арабской словесности в институте преподавал видный армянский просветитель, востоковед, яркий представитель армянской либеральной общественно-политической мысли, издатель, публицист и педагог Степанос Назарянц (1812–1879гг.).

Самым известным учебным заведением в Восточной Армении было основанное главой Грузинской епархии Армянской Апостольской церкви, будущим Католикосом Всех Армян Нерсесом Аштаракецци армянское высшее учебное заведение, названное Тбилисской Нерсисянской апостольской семинарией (1824–1924гг.). Первым её инспектором был видный армянский писатель и педагог Арутюн Аламдарян (1795–1834гг.). Выпускники этой школы стали символами армянской культуры XIX века. К их числу относится основатель новой восточно-армянской литературы, армянский просветитель Хачатур Абовян, редактор-издатель публикуемого в Санкт-Петербурге армяноязычного журнала «Гюсисапайл» («Северное сияние», 1858–1864гг., Москва), публицист Степанос Назарян, писатель Перч Прошян, скульптор Ерванд Кочар, историк Никол Агбалян и др. Нерсисянская школа сыграла исключительную роль в образовании армян Восточной Армении и развитии там новоармянского языка (ашхарабара).

В границах XIX века вопрос национального просвещения (образования и воспитания) необходимо рассматривать в контексте происходящего на протяжении всего века мировоззренческого противостояния и обусловленной этим про-

тивостоянием идеологической борьбы двух направлений армянской философско-исторической, политико-философской и педагогической мысли: так называемой просветительской (либеральной) и консервативной (религиозной).

С точки зрения армянских просветителей XIX века, отсутствие национальной государственности отрицательно сказывается на всех сферах жизнедеятельности нации, в том числе и на духовной сфере. Другой стороной вопроса, однако, является то, что гарантией политической свободы является желание и стремление нации осуществлять государственную жизнь, что обеспечивается обусловленным национальным воспитанием высоким самосознанием нации. Национальное просвещение – путь восстановления политической жизни – есть направленное на усвоение результатов научного прогресса духовное «исправление» нации.

По утверждению армянских консерваторов, главное в истории нации/человечества – обусловленное истинным восприятием соотношения «право-обязанность» развитие нравственности. Нравственное воспитание нации (как гарантия её свободы) является сверхзадачей национального просвещения [4].

Известными представителями первого направления, внёсшими большой вклад в развитие армянской педагогической мысли и школьно-образовательного дела, являются С. Виченян-Сервичен (1815–1897гг.), Газарос Агаян (1840–1911гг.), Никогаос Зораян (1812–1859гг.), Маттеос Мамурян (1830–1901гг.), Ретеос Перперян (1848–1907гг.) и др.

Блестящую плеяду армянских мыслителей и педагогов второго направления, внёсших неocenимый вклад в развитие армянской педагогики и школьного дела, представляют Гевонд Алишан (1830–1901гг.), Габриэл Айвазовский (1812–1879гг.), Хорен Степанэ (1840–1900гг.), Погос Овнанян (1802–1884гг.), Магакия Орманян (1941–1918гг.) и др.

Отмеченные позиции являются тем мировоззренческим основанием, на котором выстраивается восприятие армянских мыслителей ключевой проблемы века: вопроса о соотношении «религия-наука» («вера и знание»).

Следуя господствующей в XIX веке тенденции, а именно: идеи об изначальной связи науки и общественного прогресса, в том числе объективной необходимости и безконечности последнего, армянские просветители считали развитие науки элементом, условием, результатом и выражением общественного прогресса, куда они вписывали и развитие нации. Развитие науки они называли главным фактором, определяющим содержание образования.

Так, согласно Ст. Назаряну, религия есть первое выражение творческого потенциала человека, первоисточник науки и искусства. Вера, знание и политико-правовые нормы развиваются параллельно и, следовательно, обусловленная наличием демократических принципов свобода мышления сводится к свободе совести. Без свободы мышления невозможен прогресс; одними рели-

гиозными идеалами невозможно занять прочное место в ряду имеющих будущее наций. Поэтому самым приоритетным является вопрос создания государства, поскольку лишь в нём возможна реализация национальных идей. А главным средством создания национального государства является национальное просвещение.

Особое значение в этом процессе армянский мыслитель придаёт воспитанию души, что, по его мнению., должно быть осуществлено при помощи религии. Для этого необходимо правильное соотношение нравственности с каждой ступенью развития познания. Нравственность и образование Ст. Назарян воспринимает как способствующие совершенствованию человека/общества/ нации мощные факторы, первый из которых должен находиться под управлением Церкви, а второй – под управлением Школы. Из этого следует, что для осуществления своей миссии Церковь должна принять факт научного прогресса, понимаемого, в первую очередь, как развитие естественнонаучного знания: «Та церковь, которая имеет причину бояться просвещения души, та церковь, которая прилагает все усилия, чтобы оставить человечество на низшей ступени (развития. – Р.М.), значит, желает разрушить все цели человечества и его стремление добиться этих целей» [5].

В отличие от Ст. Назаряна, М. Налбандян отрицает религию, подвергая критике все её принципы. Гарантией удовлетворения присущего человеку стремления к истине он называет полемику, которая должна реализовать «определение свободного свидетельства сердца, определение слова и разума. Никакая внешняя и грубая сила не имеет места в этой борьбе» [6]. Исходя из этого, Налбандян считает неприемлемым основанный на авторитете традиции религиозный метод, который уступает научно-критическому методу. Религиозный метод сковывает человеческую мысль и, следовательно, развитие науки (знания). Такой вывод предопределяет следующий девиз М. Налбандяна: «религия есть нравственный плен». По его убеждению, истина не может быть чьей-то собственностью; она исходит из жизни нации и призвана улучшать её. Средством осуществления этой миссии М. Налбандян называет национальное просвещение. Он полагает, что ни одна нация не может достичь высокого уровня просвещённости при помощи духовных наставников. Без науки и просвещения религия не имеет никакого влияния на нравственность. Между тем наука и просвещение без религии имеют большое влияние [7].

В этот период господствующей среди армянских просветителей была идея о том, что основой улучшения национального бытия является исследование природы, результаты которого необходимо распространять посредством национального просвещения. При этом ценность научного знания определялась степенью его практической применимости, а в конечном счёте – степенью его способствования общественному прогрессу.

Такой теоретико-методологический подход отразился и в конкретных вопросах касательно организации школьного дела и составления учебных программ. В армянской либеральной прессе периодически обсуждался вопрос о необходимости серьёзного изучения в школе естественных наук по примеру европейских стран. Так, газета «Аревелян мамул» в статье «Классическое преподавание» отмечала, что естественным наукам в школе нужно уделять больше времени и внимания. Журнал «Пордз» в статье «Преподавание географии в начальных школах» подчёркивал необходимость обучения химии. К этому вопросу обращался и М. Налбандян. Во вводной части состоящего из трёх книжек работе «Полный курс науки» М. Налбандян утверждал, что невозможно представить школу без «уроков науки» (естественнонаучные дисциплины) и что очень мало отраслей, которые с точки зрения воспитания молодого поколения могут иметь ту же ценность и важность, что и «уроки науки». Он отмечал также, что в подготовительных классах уроки по естественнонаучным дисциплинам должны быть связаны с природой и окружающей средой.

Очевидно, что армянские просветители XIX века лишили религию её сущностной характеристики – быть источником естественного (божественного) закона. Что касается науки, то за ней они оставили способность производить условное и преходящее знание, что породило в человеке/обществе/нации психологию приспособленчества. Это означало отказ от принятия идеи о нравственной и познавательной природе человека, о наличии духа в человеке, сущностью которого является ориентация на трансцендентный мир, и утверждение существования, познаваемости, ценности, смысла и значения лишь мира чувственного.

Что касается армянских консерваторов, то они в очередной раз утвердили защищаемую армянскими мыслителями ещё с эпохи раннего средневековья идею генетической связи науки и религии, а также идею целостности мировоззрения. В этом контексте становится закономерным данная ими характеристика национального воспитания: христианское воспитание может дать новую кровь и здоровье армянским детям и, следовательно, вести армянский народ по пути истины и света. Требование христианского воспитания обусловлено не только восприятием консерваторами христианства как великой воспитывающей и образующей силы, но и их пониманием того, что армянская нация воспринимается в мире как нация религиозная. Действительно, и в Османской Турции, и в царской России армяне воспринимались именно как представители армянской религиозной общины. Поэтому понятно утверждение консерваторов о том, что, как представитель армянского духовенства, так и светский по своим убеждениям армянин, по сути, служат одной и той же цели – защите Армянской нации и Армянской церкви. Этим объясняется то, что в деле национального воспитания консерваторы считали

необходимым не акцентирование различий между церковным и светским воспитанием молодого поколения, а воспитание его в национальном духе. Блестящими выразителями этих идей были, в частности, Ованес Тероец и Хорен Ашыгян.

Ованес Тероец (1801–1888гг.) – крупный западноармянский религиозный мыслитель, богослов, педагог, публицист. Родился в городе Пруса (Западная Армения). Первоначальное образование получил в уездной школе. Затем обучался у обосновавшегося в Прусе по приглашению архиепископа Погоса Гарагочяна знаменитого Ованеса вардапета Тер-Абраамяна из Константинополя. Под его руководством Ованес Тероец (Чамурчян) освоил основы религии и древнеармянского языка. Уроки церковного песнопения он брал у известного музыканта Мурада Мурадяна. В это же время Тероец начал изучать итальянский и турецкий языки. Под руководством Мкртича Саркавага он ознакомился с исторической, философской и религиозной литературой, причем, как армянской (древней и современной), так и античной, средневековой, новоевропейской.

В 1817 году в статусе писца он сопровождал архиепископа Погоса Гарагочяна в Армашский монастырь, где по совету своего друга – вардапета Степаноса Агавни, начал изучение древнеармянского языка, латыни, текстов Священного Писания, рукописей Иоанна Златоуста, Евсевия Кесарийского, Василия Кесарийского и др. Отказавшись принять духовный сан, Тероец возвратился в Прусу и здесь в течение полутора лет (в 18 лет) перевёл на турецкий язык Четыре Евангелия, возможно, для туркоязычных армян. Параллельно с этим он проводил научные исследования, давал частные уроки и посещал греческую школу. В 1822 году архиепископ Погос вновь пригласил Тероеца в Армаш для преподавания там латинского и турецкого языков. В 1825 году он перебрался в провинцию Атабазар и начал работать там в статусе переводчика и учителя. С 1826 по 1828 годы он преподавал в школе при Армашском монастыре, а в 1828 году – в школе при церкви Св. Архангела Николая.

Серьёзные научные исследования в области философии и литературы, классического средневекового богословия, истории древних верований и мировой религии принесли Тероецу громкую славу далеко за пределами Армении.

Армянскому обществу XIX века он сослужил большую службу и как педагог (теоретик и практик). В 1836 году Тероец основал в известном районе Константинополя – Скютаре – особый класс для 20 юношей, которым преподавал историю, армянский и французский языки. Благодаря его стараниям, этот класс в скором времени превратился в знаменитую Скютарскую семинарию. С 1839 по 1841 годы Тероец был советником учителей и преподавателем истории в самом крупном и развивающемся учебном центре Константинополя – Скютарской школе – первой армянской светской школе. В 1846 году

он был назначен завучем (по некоторым сведениям, директором) Скютарской школы, где проработал до 1849 года. В этот период он вновь включил в учебную программу предмет «Христианское учение», для которого в очередной раз написал учебник «Краткое изложение христианского учения для школьников». Он освободил от должностей некоторых преподавателей школы – носителей либерального мировоззрения.

Большую роль в формировании умонастроения эпохи сыграла деятельность Тероенца как редактора. Начало этой деятельности было положено в издаваемой при поддержке Армянского патриархата Константинополя газете «Айастан». Как публицист он продолжал начатую ещё в раннем возрасте борьбу против быстро распространяющегося в армянских кругах Константинополя идей протестантизма и либерализма. В 1855 году он стал издавать в основанной им типографии журнал «Зогал» («Զոցալ»). Материалы журнала публиковались на турецком языке с использованием армянского алфавита. В 1857 году он стал издавать на ашхарабаре журнал «Еревак» («Երևակ»). С некоторыми перерывами «Еревак» издавался до 1866 года. В нём публиковались материалы, охватывающие все стороны жизни армянской нации. Особенного внимания заслуживают статьи самого Тероенца об образовании и воспитании нации.

Представители армянской культуры (как современные ему, так и более позднего времени), назвали Ованеса Тероенца одним из самых влиятельных (в духовно-интеллектуальном плане) лиц поколения «Пробуждения» («Զարթոնք»).

Вопрос национального просвещения (образования и воспитания) является стержнем национальной концепции Ованеса Тероенца, в котором сочетаются его рассуждения о современном ему состоянии нации и её будущем. Систему образования и воспитания Тероенец, как, впрочем, все армянские консерваторы, считает главной конструкцией вписывания молодого поколения в созданную Григорием Просветителем и Месропом Маштоцем и сохранённую благодаря вековой целенаправленной деятельности Армянской Апостольской церкви богатую национально-культурную традицию. В соответствии с этим важнейшим средством формирования и сохранения в молодом поколении национального облика и, следовательно, обеспечения в жизненном пространстве армян культурной однородности, является основанная на Традиции национальная школа. Именно культура обеспечивает предусловие независимого существования нации – её интеллектуально-духовную самобытность.

Согласно Тероенцу, главное в истории нации/человечества – обусловленное правильным восприятием соотношения «право-обязанность» нравственное развитие. Гарантией свободы нации является её нравственное развитие, что, собственно, и является сверхзадачей национального просвещения (образования и воспитания). При этом лишь образование и воспитание армянина в

религиозном духе может способствовать превращённому в нравственный императив эпохи процессу, а именно: «...отделению истин, которые со специальным умыслом в науках смешаны с заблуждениями» [8].

По глубокому убеждению мыслителя, главной причиной роста преступности в обществе как в национальном, так и в общечеловеческом масштабах, является материалистическое мировоззрение, главным средством преодоления которого является духовное воспитание нации. Именно духовное воспитание должно стать основой не только школьного, но и семейного образования/воспитания и даже специализированного высшего образования. Специализированное высшее образование возможно лишь на основе всестороннего школьного образования, в противном случае нарушается основа воспитания, и образование становится ущербным. Более того, даже для становления великого естествоиспытателя необходимо прежде всего изучение общественных дисциплин и, в первую очередь, нравственного учения христианства.

По существу, сверхзадачей национального просвещения Тероенц считает формирование в человеке личности, то есть человека, не ставящего свой разум выше божественных тайн Бытия и приобретающего необходимые для своей жизнедеятельности знания из духовных источников человеческой культуры. Вопрос в том, что, как полагает мыслитель, развитие в человеке духовных качеств предопределяет перспективу развития нации, а, следовательно, и человеческой цивилизации. Поэтому национальное просвещение должно быть направлено на сохранение и укрепление национального чувства, в противном случае извращается сама сущность просвещения. Для сохранения национального чувства национальное просвещение должно коррелировать с предосновами национального бытия. Для этого в армянских школах нужно изучать историю Армянской Православной церкви, национальную историю и национальный язык. Разработанная Тероенцем программа национального просвещения, по существу, сводится к осмыслению национальной истории, а на этой основе – воспитанию чувства патриотизма.

Национальный язык армянский мыслитель считает средством обеспечения между членами нации внутренней, устойчивой духовной связи. Активно обсуждаемая на протяжении всего XIX века проблема «ашхарабар-грабар» осмысливается им следующим образом. Ашхарабар и грабар – исторически сложившиеся в одном культурном поле две формы одного национального языка. При этом знание грабара является необходимой составляющей образования каждого армянина. Проблема видится в том, что, как древний вариант национального языка, грабар способен развить мысль и формировать мышление армянина, способствовать систематизации новообразованного ашхарабара и формированию целостного мировоззрения нации. Армянское общество не нуждается в следовании европейцам, которые в известное время отказались от преподавания в школах латинского языка, начали разрабатывать свой язык и преподавать его в своих

школах. Для европейца латынь – всего лишь древний язык, с помощью которого он приобщался к духовной культуре древнего мира. В отличие от латыни, сформировавшийся в древности грабар является языком армянской нации. Она же является наследницей и носительницей созданной ею на грабаре богатой духовной культуры.

Тероенц обращается и к другой стороне языковой «борьбы» – вопросу о чистоте армянского языка. Он утверждает, что для выражения некоей мысли каждый представитель национального сообщества должен использовать лишь языковые возможности своей нации. Говорящий на иностранном языке человек проявляет комплекс неполноценности, тем самым тормозя как собственное развитие, так и развитие своей нации. Вместе с тем взаимообмен идеями в мировом масштабе весьма способствует интеллектуальному развитию человека/нации. Этим объясняется стремление человека к изучению иностранных языков, в результате чего осуществляется приобщение его к идеям наций – носителей этих языков. Однако, это не должно осуществляться за счёт национального языка и любви к богатому духовному наследию своей нации. Увлечение чужеродными идеями чревато ослаблением национального чувства, а в перспективе – и гибелью нации.

Таким образом, рассуждения мыслителя о национальном образовании и воспитании направлены против одностороннего и усечённого европейского идеала просвещения и на защиту исходящего из глубин национальной души и архетипов национального сознания национально-культурного, органического целостного строя. Такой подход есть выражение стремления армянского консерватора «защитить» самобытность армянской нации от притязаний Запада, а именно: вписать неевропейские народы в собственное цивилизационное пространство. Это обусловлено пониманием Тероенцем того, что исторически сложившиеся механизмы (социальные, политические, юридические, экономические, образовательно-воспитательные) самозащиты западноевропейских наций отличаются от механизмов самозащиты армянской нации [9].

Тероенц является автором учебных пособий по грамматике армянского языка, по этике, древней истории, а также по некоторым религиозным учебным дисциплинам.

Хорен Ашыгян (1842–1899гг.) – видный западноармянский религиозный мыслитель, педагог, публицист, основатель и глава знаменитой школы-монастыря в Армаше и глава Армянского Патриаршего престола в Константинополе. Родился в селе Керемет уезда Никомедия (Западная Армения). С 9 лет начал учиться в школе Армашского монастыря Св. Богородицы, где получил блестящее религиозное и светское образование у Ованеса Мавяна. По окончании учёбы шестнадцатилетний Ашыгян был рукоположен в саркаваги

(дьякон) настоятелем монастыря Степаносом Магакяном. В 21 год в Кафедральной церкви Константинополя он был рукоположен в вардапеты (архимандрит). В 29 лет в Св. Эчмиадзине Католикосом Всех Армян Георгом IV Ашыгян был рукоположен в епископы.

В середине XIX века Армашский монастырь превратился в крупнейший центр духовной жизни армян Западной Армении. При настоятеле монастыря Степаносе Магакяне был дан новый, соответствующий духу времени, импульс развитию школьного образования в монастыре, создана типография, в которой начал издаваться журнал «Уйс» («Չնյւ»). В издании этого журнала Ашыгян принимал самое деятельное участие как редактор и автор статей, касающихся всех сфер жизнедеятельности армянской нации. Особое внимание он уделял вопросу о роли национального просвещения (образования и воспитания) в деле сохранения и развития нации.

В 1866 году при настоятеле Авлутчяне Ефреме начинается ознаменованный реформами в учебно-воспитательной работе новый этап духовной жизни монастыря Армаша. Ашыгян разрабатывает для духовного училища новые правила. Через некоторое время он становится инспектором этого училища. В 1871 году в Армаше издаётся его учебник «Краткая логика». В следующем году Ашыгян избирается настоятелем Армашского монастыря, где вскоре открывает высшее духовное училище. Кроме религиозных предметов, в программу училища были включены исторические дисциплины, естествознание и языкознание. Сам Ашыгян преподавал философию, церковную историю и христианское вероучение. Его перу принадлежит учебник «Краткая философия» (Измир, 1885г.).

В 1888 году он избирается Патриархом Константинополя. В следующем году в Армаше Ашыгян открывает ставшую впоследствии знаменитой школу – Высшее духовное учебное заведение с семилетним курсом обучения. По свидетельству современников, эта школа стала лучшей в Турции школой для подготовки армянских священников. Основание этого учебного центра, названного «Церковным училищем Патриаршества К. Полиса», стало первым и весьма удавшимся мероприятием в направлении реализации той программы, которую Хорен Ашыгян сформулировал в своём первом патриаршем официальном послании: «...наказываю всем, чтобы трудились в направлении воспитания отроков, поскольку корень всех безчинств и зол является невежество и необразованность; невежество ослепляет и не позволяет видеть, какое готовое провиденциальное благо находится очень близко и почти в наших руках; а необразованность свращает наши сердца, и мы не можем понять, какое благо может возникнуть из любви к Богу, из любви к нации и другу» [10].

Наблюдаемое в его время расширение интеллектуального горизонта человека, сопровождаемое нивелированием значения национально-церковных

традиций, что европейские либералы называли победой света, Ашыгян называет «страшной революцией» цивилизации. По его мнению, истинное просвещение является корреляцией религиозных принципов и идеи прав человека. Но воспринимаемое как процесс осознания прав человека просвещение опасно с точки зрения существования человеческого общества, поскольку ставит под сомнение возможность применения основанного на нравственном законе идеологии «право-обязанность» и строго необходимого для обеспечения человеческого общежития принципа справедливости. Духовно-нравственное воспитание он называет важнейшим источником «спокойствия и счастья» для всех общественных объединений – от семьи до государства.

Хорен Ашыгян был убеждён в том, что воспитание души человека (нации, общества) первично по отношению к основанию государства – закону; даже способность человека следовать закону обусловлена его нравственным воспитанием. С другой стороны, закон действует в границах «запрет-наказание». В отличие от этого, воспитание является не средством ограничения человеческих желаний и стремлений, а способом прививки молодому поколению добродетели. Поэтому образование нации прежде всего должно обеспечить нравственное воспитание детей, без чего образование превращается в большое зло. Мыслитель выступает против стремления идеологов армянского национально-освободительного движения политизировать школу. По его глубокому убеждению, миссией школы является нравственное воспитание человека. Без нравственного чувства нация погибает, а общество впадает в варварство. С другой стороны, действующий свободно, но без нравственного чувства, человек похож на машину и не способен сделать нравственный выбор.

Ашыгян защищает принцип постепенного развития и наследования языковых форм, что коррелирует с его идеей необходимости защиты духовного единства нации. Он определяет язык как мощное средство духовной независимости нации и первичный элемент национальной культуры. Необходимость использования древнеармянского языка – грабара – объясняется им тем, что для обеспечения неизменности проповедуемого апостолами, а также принятого и сохранённого веками Армянской Апостольской церковью учения нужен неизменный язык. Тем самым мыслитель опровергает многочисленные попытки корректировки армянского языка – от униатов (XIV в.) до армянских либералов XIX в. Поэтому главной целью Национального Учебного совета, по его убеждению, должно стать сохранение чистоты армянского языка. С точки зрения Ашыгяна, отношение самих армян к своему национальному языку коррелятивно отношению к армянскому языку и армянскому народу других наций и иностранных государств. Более того, издаваемая на армянском языке литература должна развивать интеллектуальные способности армянского читателя, формировать в нём соответствующее мышление. Между тем армянские издатели стремятся издавать не развивающие вкус и

мысль своего читателя произведения, а дающую большую прибыль низкопробную литературу. Распространение европейской идеологии в армянском обществе не способствует распространению искусства «правильно рассуждать и правильно действовать». Разнообразие и изменчивость муссируемых в печати мнений он называет источником политического радикализма.

По существу, сверхзадачей национального образования Хорен Ашыгян считает воспитание полноценного человека, что осуществимо через усвоение достижений науки своей эпохи и духовно-нравственных ценностей нации с акцентированием последних. Копирование западных моделей образования нивелирует национальную самобытность. Будучи инструменталистскими, эти модели извращают суть образовательно-воспитательного процесса.

Осмысление армянским религиозным мыслителем роли национального образования и воспитания в обеспечении полнокровного существования и плодотворного развития человека и нации удивительным образом коррелирует с быстро развивающейся в наши дни тенденцией критики идеи общества, основанного на современных «технологиях» образования, ценностях и идеалах и, в частности, концепции «товарного» образования [11].

Хачатур Абовян (1809–1848гг.) – армянский просветитель, основатель восточноармянской литературы, педагог, этнограф. Родился в селе Канакер. Происходил из старинного и знатного рода Абовенц. С 1819 года обучался в Эчмиадзинском монастыре. В 1822 году был отправлен в Тифлисскую Нерсисянскую школу, которую окончил в 1826 году. Здесь он изучал арменоведение, риторику, русский и персидский языки. Полгода (1827–1828гг.) преподавал в Санаинском монастыре, а через год начал работать в должности переводчика и секретаря католикоса и Эчмиадзинского синода. В 1829 году по приглашению царского правительства в Эчмиадзин приехал профессор Дерптского университета Фридрих Паррот. Целью приезда профессора было восхождение на гору Арарат. Вместе с экспедицией Ф. Паррота на Арарат поднялся и Х. Абовян. При содействии Паррота Х. Абовян с 1830 по 1835 годы обучался в Дерптском университете, где по специальной программе его готовили к преподавательской деятельности. В Дерпте Х. Абовян изучал немецкий, французский, английский языки, латынь, европейскую литературу и философию, музыку. По окончании университета ему предложили стать членом Петербургского естественнонаучного общества. В 1836 году будущий армянский просветитель вернулся на родину. С 1837 по 1843 годы Х. Абовян работал в Тифлисе смотрителем местного уездного училища, открыл частную школу для подготовки учителей народных школ. Таинственно исчез в апреле 1848 года.

Педагогические взгляды Ж. Абовяна сформировались на основе идей И.Г. Гердера, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Луи де Монтескье, И.Г. Песталоцци и других

представителей европейской философской и педагогической мысли. В своей педагогической деятельности, написанных им учебных пособиях, многочисленных статьях и докладных записках он ставил вопрос о необходимости обеспечения всеобщей грамотности армянского народа, возможной лишь на основе широкой сети народных школ. Х. Абовян полагал, что процесс обучения и нравственного воспитания учащихся должен быть сопряжён с изучением окружающей их природы и трудовой деятельностью. Кроме того, он предлагал заменить духовное образование светским как более соответствующим духу времени, обеспечить всестороннее бесплатное образование и воспитание армянских детей обоих полов. Особое внимание армянский просветитель уделял эстетическому воспитанию, способствующему духовной трансформации человека.

Вопросы нравственного воспитания армянский просветитель рассматривал в своей работе «История о Тигране или нравственные наставления армянским детям», написанной под сильным влиянием идей Ж.-Ж. Руссо.

В истории духовной культуры армянского народа особое место занимает исторический роман Х. Абовяна «Раны Армении». Написанный на восточноармянском (араратском) диалекте, этот роман ознаменовал начало нового периода армянской литературы (в Восточной Армении) и оказал большое влияние на творчество многих армянских писателей (П. Прошяна, Г. Агаяна, Раффи, А. Исаакяна, О. Туманяна и др.). В романе «Раны Армении», посвящённом национально-освободительной борьбе армянского народа во время Русско-персидской войны 1826–1828 годов, стержневой является идея нации. Согласно идеологическому кредо армянского просветителя, нация всегда должна стремиться к свободе и независимости. Для достижения этой цели нация должна развиваться до уровня самопознания, что осуществимо лишь при помощи распространения национального просвещения (образования и воспитания).

Х. Абовян активно выступал против преподавания в школе древнеармянского языка – грабара. С его точки зрения, обучение в школах должно вестись на новоармянском языке, ашхарабаре, и на таком материале, который будет способствовать воспитанию в молодом поколении чувства патриотизма. Особую роль в воспитании человека армянский просветитель отводит традиционной армянской семье, а в семье – матери.

Главный педагогический труд армянского просветителя – «Первая тропинка образования» («Предтропье», 1838г.), который долгие годы служил в качестве учебного пособия для начальных классов армянских школ. Он написал также учебные пособия «Сборник арифметических задач» (1838г.), «Новая теоретическая и практическая грамматика русского языка для армян» (1839г.), «Учебник грамоты для армянской школы» (первая часть издана в 1862г., а вторая часть – в 1950г.), «Начальные знания для школьников», учеб-

ник по истории и пособие по географии «Открытие Америки». Его перу принадлежит сборник басен «Развлечения на досуге» (1864г.), а также «Книга рассказов».

Перу Х.Абовяна принадлежат переводы работ Гомера, В. Гёте, Ф. Шиллера, Н. Карамзина, И. Крылова и других известных авторов.

Социально-политические и педагогические взгляды Х. Абовяна представляют собой некую органическую целостность. Последовательно проводимая им борьба против грабара была борьбой за новую (светскую) армянскую литературу и школу, а его усилия в направлении просвещения армянского народа имели целью как улучшение политико-экономического, так и интеллектуально-духовного состояния армянского народа.

Степанос Паласанян (1837–1889гг.) – видный восточноармянский либеральный мыслитель, педагог, публицист, литературный критик. Родился в Румынском городе Ботушан. Первоначальное образование получил на родине у священника Погоса Акопяна. С 1852 по 1858 годы учился в Парижском Мурадяновском училище. По окончании учёбы работал в основанном Габриэлом Айвазовским Халифянском училище в Феодосии, затем – в основанной Степаносом Шишликяном школе в Нор-Нахичевани, а впоследствии – в Нерсисянской школе в Тифлисе.

Здесь он начал изучать восточноармянский язык и вскоре стал одним из лучших его разработчиков. В 1870 году он опубликовал грамматику восточноармянского языка («Общая теория восточного нового письменного армянского языка»). Он изучил русский язык и начал преподавать французский в Тифлисской реальной школе. В Нерсисянской школе Паласанян преподавал армянский язык, армянскую историю, армянскую литературу, всеобщую литературу, всеобщую историю и французский язык. В 1835 году он издал учебное пособие по французскому языку («Французский алфавит и книга для первоначального чтения»).

В 1869 году вместе с группой молодых людей Паласанян основал в Тифлисе женскую школу имени Св. Гаянэ. В 1881 году по приглашению католика Георга IV он начал преподавать историю Армении и французский язык в Геворгянской духовной семинарии в Св. Эчмиадзине. В 1883 году в семинарии отмечался 25-летний юбилей преподавательской деятельности Степаноса Паласаняна. На юбилее известный армянский поэт и общественный деятель Рафаэл Паткян прочитал посвящённое Паласаняну стихотворение «Армянский учитель», которое впоследствии было опубликовано в журнале «Лума» («Լումա»).

Паласанян является автором нескольких учебных пособий, которые, по свидетельству его современников, являются работами опытного учёного и

теоретика-педагога. Кроме уже упомянутых учебных пособий, Паласян издал «Историю армянской литературы» (том I, Тифлис, 1865г.), «Граматику родного языка» (части 1–3, Тифлис, 1874г.), «Практическую грамматику армянского языка» (тома I–II, Тифлис, 1874г.), «Армянскую историю от начала до наших дней» (Тифлис, 1889, 1890, 1895, 1902, 1911, 1919, 1920гг.). Будучи блестящим выражением определённого этапа развития арменоведения, эти учебные пособия долгие годы считались лучшими учебными пособиями не только в Восточной, но и в Западной Армении. Вершиной творчества Паласяна считается выдержавшая 7 изданий многотысячными тиражами его «Армянская история». Этот труд Паласяна стал, по выражению его ученика и биографа, видного армянского философа, публициста и педагога Исаака Арутюняна (1863–1928гг.), «украшением стола каждого армянина».

С 1858 по 1888 годы Паласян периодически публиковался в известных армянских изданиях: «Мегу Айастан», «Масеац агавни», «Крунк айоц ашхари», «Мшак». С самыми глубокими статьями и исследованиями он выступал на страницах журнала «Пордз», издаваемого широко известным армянским публицистом, переводчиком, философом и общественным деятелем Абагаром Ованесяном (1849–1904гг.). Публикуемые в этом журнале (в разделе «Литературная критика») рецензии Паласяна развивали в армянском обществе литературно-критический вкус. Стремясь расширить интеллектуальный горизонт армянского читателя, он перевёл целый ряд сочинений европейских философов, учёных, романистов.

Богатое теоретическое наследие Паласяна является своеобразным выражением умонастроения его эпохи, проявлением армянского национального самосознания и осмыслением специфики армянского национального бытия на известном этапе исторического существования армянской нации. И не случайно, что особое место в его мировоззрении занимают рассуждения о национальном просвещении.

Национальное просвещение (образование и воспитание) армянский мыслитель рассматривает как одно из самых значительных задач Нового времени и особенно XIX века. Целью национального просвещения он называет оздоровление нравственного чувства нации, формирование способных реализовать свои права и обязанности нравственно высоких личностей. Мыслитель выражает характерную для XIX века тенденцию – идею о необходимости создания народной школы. С точки зрения Паласяна, благодаря народной школе образование станет доступным для каждого члена национального общества. Он защищает идею практической направленности народной школы, соответствия методов школьного преподавания духовным запросам нации. Соответственно, целью народной школы армянский мыслитель считал не развитие способствующей усвоению некоторого объёма знаний механической памяти, а, главным образом – формирование мышления (национального

мышления). Паласян полагал, что воспитание нравственного человека в каждом представителе армянской нации также должно быть связано с приоритетами нации. В результате нравственные качества каждого армянина послужат развитию духовной основы национального бытия – укреплению национального духа.

Методологическим основанием рассуждений армянского мыслителя по вопросу национального просвещения можно считать следующее его положение: «Страну созидает человек. Но для этого нужно, чтобы он получил образование. Самая неплодородная страна превратится в рай, если её жители просвещены» [12]. Данное положение является следствием понимания мыслителем той истины, что будущее наций зависит от степени их образованности.

По мнению Паласяна, результативность национального просвещения обуславливается, в первую очередь, осуществлением правильной политики в отношении национального языка. Поскольку возрождающееся национальное самосознание укоренено в прошлом нации, то в школе надо обязательно изучать древнеармянский язык. Кроме того, обеспечение необходимой духовно-нравственной связи между учителем и учеником необходимым образом предполагает, чтобы преподаватели всех предметов были армянами.

Вторым важным звеном национального образования мыслитель называет национальную историю, поскольку считает её изучение основой существования нации и моделирования желаемого ею будущего. Паласян полагает, что знание истории своей нации воспитывает в её представителях патриотическое чувство, что придаёт нации духовную силу, тем самым обеспечивая духовную же по своей сути сплочённость нации. В конечном счёте целью изучения национальной истории является формирование высоконравственного облика армянина.

Третьим важным звеном национального образования Паласян считает национальную религию.

В национальном воспитании Паласян выделяет две сферы – семейную и общественную, причём первой сфере он придаёт особое значение. Армянский либерал полагает, что именно в семье начинают развиваться генетические способности и склонности человека, формироваться его характер и жизненные принципы. В системе сформированного Паласяном идеала национального государства семья определяется как основа существования нации, сохранения и трансляции национальных традиций и, следовательно, как гарантия сохранения национальной самобытности. Вопрос семьи, соотносящийся с вопросом женщины, связывается им с проблемой прогресса и свободы нации. В этой плоскости женщина рассматривается как душа общества, которой уготована миссия предопределения судьбы человека/нации [13].

VI. Современная школа и педагогическая мысль (XX–XXI вв.)

Развитие школьно-образовательного дела и педагогической мысли в новейший период истории армянской нации было обусловлено следующими факторами: образованием Армянского спюрка (диаспоры) в результате организованного Турецким правительством Геноцида армян, созданием в результате распада Закавказского Сейма Первой Армянской Республики, установлением Советской власти в Армении и созданием Армянской Советской Социалистической Республики, созданием в результате распада Советского Союза Третьей Республики Армения.

Известно, что армянские колонии и поселения в различных регионах мира существовали ещё со времён прародителя армян Айка. Но образование Армянской диаспоры (спюрка) в арменоведении считается следствием организованного Турецким правительством Геноцида армян (1894–1923гг.). Выжившие после этой ужасной трагедии и поселившиеся в различных странах части армянского народа первоначально решали вопросы физического выживания. В дальнейшем перед Спюрком встали вопросы сохранения национальной самобытности и противостояния угрозе ассимиляции. Большую роль в решении данной задачи сыграли функционирующие в этих странах епархии Армянской Апостольской церкви, армянские школы и армянская периодическая печать, различные национальные культурно-просветительские организации.

В программу обучения армянских школ Спюрка входили следующие основные дисциплины: армянский язык (ашхарабар и грабар), иностранные языки (в обязательном порядке язык страны проживания), армянская литература и история армянского народа, история Армянской церкви, христианское вероучение, каллиграфия, арифметика, черчение, география, естественные науки, рисование, музыка, физкультура.

В период существования Первой Армянской республики (май 1918г. – ноябрь 1920г.) создаются определённые условия для развития школьного дела, восстановления среднего и высшего образования. Своей первоочередной задачей правительство новопровозглашённой Республики Армения называет создание Народной школы. По принятому в 1918 году закону армянский язык признаётся государственным языком и основным в сфере образования. Восстанавливается школьная система. Учебные заведения становятся государственными, хотя были разрешены и частные школы. Несмотря на тяжёлые условия существования Первой Республики Армения, в январе 1920г. в Александрополе (современный Гюмри) открывается университет, который вскоре переносится в Ереван. Первым ректором университета становится С. Гамбарян, а первыми преподавателями – А.Манандян (в дальнейшем – ректор, историк, академик АН СССР и Армянской ССР), Манук Абемян – лингвист и литературный критик, академик АН Армянской ССР, заслуженный деятель

науки Армянской ССР), Т. Авдалбекян (историк-археолог, лингвист, экономист). При активном участии этих и других титанов армянской науки после почти 500-летнего перерыва в Армении восстанавливается университетское образование. Открытием университета закладывается краеугольный камень высшего образования в Армении. Преподаватели и выпускники этого университета обогатили армянскую науку, культуру, педагогическую мысль. Всё это послужило хорошей основой для нового интеллектуально-духовного подъёма армянского народа.

С установлением Советской власти в Армении в ноябре 1920 года (в тяжёлых условиях Геноцида и после армяно-турецких войн) в Армении создаётся новая – советская – система образования. Все культурные и образовательные центры Армении были огосударствлены; религиозные предметы были исключены из школьной программы; была утверждена единая система школьного образования. С 1921 года стала осуществляться грандиозная общегосударственная политика ликвидации неграмотности населения – уникальная и непревзойдённая в мировом масштабе программа, в которую были вовлечены десятки тысяч лиц в возрасте от 16 до 50 лет. За 10 лет процент грамотности в Армении увеличился вдвое, достигнув 65–70 процентов, а в середине 1935-го года безграмотность была в основном преодолена.

Расширение сети школьных заведений привело к тому, что в 1930 году Армения перешла на обязательное начальное образование, а в Ереване готовились к переходу на обязательное семилетнее образование. Параллельно с общеобразовательной школой начали функционировать и средние специальные учебные заведения – училища и техникумы. За открытием университета последовало открытие консерватории, медицинского, сельскохозяйственного, нескольких педагогических институтов и других вузов. Армянская экономика, культура, а также армянские школы стали обеспечиваться высокопрофессиональными национальными кадрами. По числу специалистов с высшим образованием Армения превратилась в одну из передовых стран мира.

До установления Советской власти в Армении армянские типографские центры находились вне пределов Армении. С 1920-го года столица Армянской Советской Социалистической Республики город Ереван превратился в самый крупный центр армянской культуры, науки и издания армяноязычной литературы. Большими тиражами стали публиковаться книги, газеты, журналы, в том числе и педагогические («Советская школа», «Советский учитель»). За период с 1920 по 1986 годы в Армении было издано около 60000 наименований книг на армянском языке. В 1950 году принимается программа обязательного восьмилетнего образования. В 1966 году было принято решение до 1970 года перейти на обязательное десятилетнее образование. В 60–

70-ые годы XX века в различные учебные заведения Армении было вовлечено 28 процентов её населения. Армения, таким образом, превратилась в страну высокой науки и культуры.

Советская система народного образования была призвана эффективно решать не только общеобразовательные задачи, знакомя учащихся с законами развития природы, общества и мышления, но и воспитывать их в духе высокой нравственности и патриотизма, а также готовить их к трудовой деятельности. Отличительной чертой советской системы образования стала ориентация на военно-патриотическое и трудовое воспитание. Соответственно этому Советская школа в Армении придавала преподаванию основ современных наук идейно-патриотическую направленность.

Именно такая ориентация школьно-образовательного процесса позволила Советскому Союзу подготовиться к Великой Отечественной войне, выиграть её – самую страшную войну в истории человечества, а после неё в немыслимо быстрых темпах восстановить разрушенную войной страну. В этой войне активное участие принимали воспитанные армянской советской школой бойцы и командиры Красной Армии. Советская Армения дала 5 маршалов Победы (дважды герой Советского Союза Иван Христофорович Баграмян, главный маршал бронетанковых войск СССР Амазасп Бабаджанян, адмирал флота СССР Иван Исаков (Ованес Тер-Исаакян), маршал авиации Сергей Худяков (Арменак Ханферянц), маршал инженерных войск Сергей Аганов) и 107 героев Советского Союза. Первокласные специалисты Армении помогали восстановить разрушенную войной экономику страны, а также многочисленные города и сёла. Идейно-патриотическая установка образования способствовала развитию общественных наук, поскольку именно на их основе и было возможно осуществление патриотического воспитания.

Целевой установкой Советской школьно-образовательной системы было воспитание человека-творца, и этому соответствовала советская педагогическая мысль. В соответствии с этой установкой в советской системе образования, в том числе и армянской школе, реализовывались три следующих принципа:

1. Формирование мировоззрения (формирование личности).
2. Фундаментальное образование (формирование человека-творца).
3. Специализация.

Советская система образования была ориентирована на формирование духовно ориентированного человека. На осуществление этого идеала человека была заточена вся советская образовательная система. Кроме того, теоретическая составляющая советской системы образования была первична по отношению к её практической составляющей. Подготовка профильных специалистов начиналась лишь после того, как был изучен необходимый блок

фундаментальных наук. Советская педагогическая мысль достигла понимания того, что без изучения фундаментальных наук невозможно подготовить не только первооткрывателей в науке, но даже профильных специалистов.

В советский период открывается Ереванский народный университет, ставший центром подготовки научных кадров и научных исследований. Его первым ректором становится известный учёный-арменовед Акоп Манандян. На базе этого университета создаются новые научные центры. Первым Научно-исследовательским институтом (НИИ) в Армении был созданный в 1921 году Эчмиадзинский культурно-исторический институт, основанный на базе конфискованных правительством Армении у Св. Престола историко-культурных артефактов, музейных экспонатов и древних рукописей. В разгар Великой Отечественной войны (1943г.) основывается Академия наук Армении, обеспечившая развитие собственно армянской науки, факт, не имеющий аналогов в истории. Советская Армения дала миру многих выдающихся учёных (В.А. Амбарцумян, А.И. Алиханьян, Ю.Ц. Оганесян, А.И. Микоян, Р.А. Ачарян, Я.А. Манандян и др.).

Виктор Амазаспович Амбарцумян (1908–1996гг.) – армянский и советский астрофизик и астроном, один из основоположников теоретической астрофизики, основатель школы теоретической астрофизики СССР. Автор теории о происхождении звёзд и звёздных систем. Виктор Амбарцумян является основателем кафедры астрофизики Ленинградского университета (1934г.), которую возглавлял до 1947 года, Бюраканской астрофизической лаборатории (Армения), а также одним из учредителей Академии наук Армянской ССР, президентом которой был с 1947 по 1993 годы. Он является автором первого в СССР учебника по теоретической астрофизике (1939г.) и соавтором переведённого на многие языки курса «Теоретическая астрофизика». В 1944 году он основал кафедру астрофизики в Ереванском университете.

Яков Амазаспович Манандян (1873–1952гг.) – один из основоположников армянской советской исторической науки. Выпускник Йенского университета имени Фридриха Шиллера, Санкт-Петербургского и Тартусского университетов Я.А. Манандян становится первым ректором Ереванского государственного университета (1921г.), деканом востоковедческого и историко-филологического факультетов (1921–1923гг.), заведующим кафедрой истории армянского народа Ереванского государственного университета (1921–1925гг.), членом Института науки и искусства Армянской ССР (1925г.). С 1926 года он является профессором кафедры древней истории Армении Ереванского государственного университета. Манандяну присвоены учёные степени академика АН СССР (1939г.) и академика АН Армянской ССР (1943г.). Он сыграл значительную роль в разработке социально-экономических проблем древней и средневековой Армении. Его перу принадлежат многочисленные работы по филологии, метрологии и исторической географии.

Одним из наиболее значимых трудов Манандяна является «Критический обзор истории армянского народа» (тт. I–III, 1945–1952 гг.).

Очевидно, что таких высот армянская наука могла достичь лишь при предметно ориентированной советской системе образования и воспитания.

Советский период истории армянской культуры ознаменован беспрецедентным развитием арменоведения. В 1943 году в Армении были основаны академические институты: Институт языка имени Р. Ачаряна, Институт литературы имени А. Манандяна, на базе Института истории и материальной культуры Армянского отделения Академии наук СССР был основан Институт истории.

Армянская археологическая национальная школа стала формироваться буквально через год после установления Советской власти в Армении, изначальной целью которой было создание целостной картины культурного развития Армянского нагорья. Проводимые в течение 50 лет (начиная с конца 1920-го года) археологические раскопки завершились написанием и изданием 8-томного академического труда «История армянского народа». В 1959 году был основан институт археологии и этнографии АН Армянской ССР.

Самой молодой отраслью арменоведения является история армянской философии. И в этом неоспоримая заслуга армянских советских учёных (В.К. Чалояна, А.А. Адамяна, Г.Г. Габриэляна, С.С. Аревшатяна, К.А. Мирумяна). Первые работы, раскрывающие основные черты армянской философии (от древних мыслителей до Нового времени) и систематически излагающие многовековую историю армянской философии, появились в 40–50 годах XX столетия. Благодаря исследованиям армянских советских учёных философское наследие армянского народа вышло на широкую арену. Это наследие нашло отражение в работах по всеобщей истории философии («История философии» в шести томах, том I, М., 1957 г.), истории философской мысли народов СССР («История философии в СССР», том I, М., 1968 г.) «Антологии мировой философии» (том I, часть II, 1969 г.), Большой советской энциклопедии, Философской энциклопедии и т.д. Научной общественности была предоставлена возможность приобщения к дотоле неизвестной ей области древнеармянской культуры.

С установлением Советской власти в Армении постепенно начинают развиваться и педагогические науки. В 1922 году был основан Армянский педагогический институт (ныне университет) имени Хачатура Абовяна. Хотя вопросы методологии и методики преподавания в школах и вузах в общем совпадали с общесоюзными установками, но разработка методологии и методики преподавания армянского языка, армянской литературы, армянской истории проводилась в Армении армянскими специалистами и с учётом специфики национальной культуры. Объектами же исследования собственно педа-

гогической науки были вопросы развития армянской школы, истории формирования системы образования, педагогические теории прославленных армянских педагогов. Была исследована и изложена история армянской педагогической мысли (А. Шаваршян, А. Мовсисян, Г. Назикян, К. Мирумян и др.).

После развала Советского Союза и образования Третьей Республики Армения (1991г.) школьно-образовательная система в Армении была коренным образом реорганизована. Советские стандарты образования, учитывающие и традиционные для национальной системы образования принципы, были заменены на западные стандарты образования, в результате чего были «преодолены» не только советские, но и национальные нормы и принципы обучения и воспитания. В результате этих реформ была трансформирована как педагогическая мысль, так и академическая наука Армении. А цель всей современной армянской культуры была определена как «создание» человека – компетентного потребителя.

В создавшихся условиях возникла настоятельная потребность обеспечения надёжного идеологического, мировоззренческого и методологического «щита» на пути различных чужеродных и, по сути, западнотристских концепций, с начала 90-х годов заполонивших всё пространство арменоведческих исследований. Таким щитом могла стать национцентристская методологическая концепция исследования армянской духовной культуры, которая, будучи спроецирована на историю армянской педагогической мысли и на армянскую систему образования, могла бы способствовать сохранению армянской нацией своего нравственного облика, а через это – способствовать построению армянского национального государства. Такая концепция в начале 90-х годов XX века была сформулирована известным арменоведом Карленом Мирумяном.

Карлен Артаваздович Мирумян (1952–2022гг.) – видный армянский философ, политолог, педагог (теоретик и практик). Родился в г. Кировабаде (Азербайджанская ССР, СССР). Первоначальное образование получил в местной средней школе. Окончил философский факультет Ереванского Государственного университета (1975г.), аспирантуру в Институте философии и права АН Армянской ССР, защитил кандидатскую (1980г.), а затем докторскую (2002г.) диссертации по специальности «История армянской философии». В 2002 году ему было присвоено учёное звание профессора. В том же году он стал Действительным членом Армянской Философской Академии. С 1979 года и до конца жизни служил в Институте философии и права Академии наук Армении: с 1986г. – в должности заведующего Отделом истории армянской философии, а с 1997г. – руководителя научно-исследовательской группы «История армянской философской мысли». Десятки лет преподавал ряд философских и политологических дисциплин в Ереванском лингвистическом университете им. В. Брюсова.

Является основателем и первым заведующим кафедрой политической теории Российско-Армянского (Славянского) университета (с 2002г.). За многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность, за большой личный вклад в становление и развитие философской школы Российско-Армянского университета в 2017 году постановлением Учёного Совета университета К. Мирумян был награждён Золотой медалью университета.

С 1991 по 2004 годы К. Мирумян преподавал патристику, историю мировой философии и историю армянской философской мысли в Севанском духовном училище Вазгеньян, в становлении которого как духовного образовательного центра сыграл большую роль. В 2011–2022 годах читал курс истории армянской философской мысли и курс философии в Эчмиадзинской духовной семинарии Геворгян.

К. Мирумян является автором многочисленных научных трудов (монографий и статей) по истории армянской школы и педагогической мысли, из которых можно отметить следующие:

1. Просвещение. Армянская Советская энциклопедия, Ер., том 11, 1985 (на арм. яз.);

2. Просвещение, школа и педагогическая мысль в Армении и/ Очерки истории школы и педагогической мысли в Армении, М., 1989;

3. О роли школы и системы образования в контексте национального бытия в эпоху армянского высокого Средневековья // Вестник Российско-Армянского университета, Ер.: Изд-во РАУ, 2011, № 2;

4. Научно-педагогическая деятельность и учебно-образовательная концепция Анания Ширакаци // Вестник Российско-Армянского университета, Ер.: Изд-во РАУ, 2012, № 2;

5. О некоторых проблемах современной педагогической науки / Философия в современном мире. Книга IV, Ер., 2014;

6. Педагогическая концепция Ованеса Саркавага Имастасера / Философия в современном мире. Книга VI, Ер., 2016 (на арм. яз.);

7. Школьно-образовательная система в раннесредневековой Армении как фактор национальной политики// Вестник РАУ, 2017, № 2;

В 2000 году в армяноязычном журнале «Математика в школе» опубликовал серию статей, посвящённых математическим взглядам средневековых армянских мыслителей.

В богатом творческом наследии признанного не только в Армении, но и за её пределами арменоведа, кроме фундаментальных научных трудов, есть целый ряд учебных и методических пособий по различным дисциплинам:

1. Очерк античной философии, Ер., 1999 (на арм. яз.).

2. Из истории армянской политической мысли, Ер., 2002 (на арм. яз.).

3. Политология. Энциклопедический словарь, Ер., 2004 (на арм. яз.).

4. История политической науки. Часть I. Эпоха античности, Ереван, 2004.

5. История политической науки. Часть II. Средневековье. Возрождение. Реформация, Ер., 2005.

6. Политика и политология (методическое пособие), Ереван, 7 выпусков (2005–2011 гг.) (на арм. яз.).

7. Из истории политических учений (до XIX в.), Ер., 2006 (на арм. яз.).

8. История армянской философии. Древний период и раннее Средневековье, Ер., 2007 (на арм. яз.).

9. Средневековая армянская философия, Эчмиадзин, 2014 (на арм. яз.).

К. Мирумян является автором методологической концепции исследования истории армянской культуры, которую он проецировал на философскую, политико-правовую и педагогическую сферы арменоведения. По существу, впервые в арменоведении была сформулирована концепция исследования армянской национальной духовной культуры, в которой нашли отражение вековые армянские национальные традиции исследования и оценки армянской духовной культуры, а также обусловленные потребностями современного армянского национального бытия новаторские авторские подходы. Данная концепция, сформулированная К. Мирумяном в книге «Культурная самобытность в контексте национального бытия. К вопросу о политической концепции культуры в Армении» (Ереван, 1994 г.), затем была апробирована им в написанных после издания этой книги научных трудах.

В свете этой концепции он изложил и свой фундаментальный труд «Антология армянской педагогической мысли. С древнейших времён до XVIII в.» (Ереван, 2022 г.) – первый и единственный в своём роде научный труд в арменоведении.

Суть концепции исследования армянской духовной культуры К. Мирумяна сводима к следующему. В силу специфики исторического бытия армянской нации во внешней и внутренней политике царей Великой Армении (II век до н.э. – V в. н.э.) сформировалась тенденция выдвигания на первый план культурного фактора, впоследствии ставшая стержневой в политическом мышлении как духовных, так и светских предводителей нации. Сформировавшаяся со временем такая модель политического мышления проявлялась во всех областях армянской культуры и, в первую очередь, в системе образования и воспитания. Она нашла своё отражение как в исторических трудах, так и в педагогических теориях. Армянская школьная система, просветительская и педагогическая мысль развивались как некая органическая целостность: они имели внутреннюю логику развития, обеспечивая в своём развитии определённую последовательность и преемственность.

Жизнедеятельность общества и государства обусловлена функционированием системы школьной сети, моделью образования и воспитания, обеспечивающих духовно-нравственное и интеллектуальное воспроизводство в обществе, формирующих морально-этический облик, идейно-политическую

ориентацию и гражданскую позицию членов общества. Формы реализации этих функций соотносимы с поставленными государством перед школьно-образовательной системой задач и целей. Поэтому во многих педагогических теориях анализ школьно-образовательных вопросов вписан в контекст политики и идеологии. С другой стороны, касающиеся образования и воспитания политические принципы и доктрины трудно претворить в жизнь без предварительного осмысления их в педагогической теории. Педагогическая теория обуславливает системность государственно-политических и образовательно-воспитательных задач. Именно так определяется логика соотношения государственной, общественной (национальной) и школьно-образовательной систем и место педагогической теории в отмеченном соотношении.

На практике же вырисовывается совершенно другая картина. В последнее время в мире наблюдается навязывание школьно-образовательной системе определённых принципов, что деликатно обозначается как необходимость проведения реформ. При этом обходится важнейшая составляющая этого процесса – педагогическая теория. Между тем роль последней особенно ощутима в переломные эпохи, когда происходит переоценка ценностей, выбор новой жизненной и гражданской позиции.

Определение места и значения теоретического мышления, собственно научной теории и социально-политического заказа в широком и позитивном смысле слова необходимым образом требует осмысления истории теоретической мысли. В эпоху перемен идеологи обращались к прошлому и прежде всего к своему (национальному) прошлому, поскольку прошлое нации – это тот фундамент, на котором только и можно построить новое здание национального бытия. История всегда актуальна: она всегда обращена в настоящее и вместе с тем ориентирована на будущее. Всегда востребованная педагогическая теория способна развиваться лишь через осмысление истории педагогической мысли и её корреляции с современными потребностями нации.

Главную задачу современности К. Мирумян видит в восстановлении прерванных национальных традиций, обобщении накопленного в течение долгих столетий богатейшего опыта в области педагогической теории. Такая работа, по его мнению, обеспечит необходимую историческую и теоретико-методологическую базу для формулирования педагогических концепций, отражающих современные потребности армянской нации. На протяжении веков Армения была лишена политической независимости, и поэтому перед армянской нацией периодически вставала проблема выживания и сохранения её духовного облика. Армянской нации удалось справиться с этой задачей. Она не только выжила, но и создала общечеловеческую культуру, обогатив различные области теоретической мысли, в том числе и педагогической. Одной из «тайн» этого феномена К. Мирумян считает концептуальный подход идеологов нации к вопросам наци-

ональной школы, образования и воспитания нации, факт, который сегодня необходимо учитывать при определении стратегической программы развития армянской нации и строительства армянского национального государства [14].

Заключение

В истории армянской педагогической мысли (как минимум, в рамках христианской истории армянской культуры) вопрос образования рассматривался прежде всего и главным образом как вопрос духовно-нравственного совершенствования человека через усвоение им определённого объёма знания. Не случайно поэтому, начиная с V века по начало XX века, армянские мыслители и идеологи нации вопрос образования связывали с вопросом воспитания и называли этот процесс образования-воспитания просвещением. Именно такое восприятие вневременной и универсальной для социальной (цивилизационной) жизни проблемы образования обусловило ознаменовавшее высокий уровень армянского национального самосознания просветительское движение в Армении V–VI веков. И потому «Золотой век» армянской культуры (V–VI вв.) был весьма справедливо назван «Веком Просвещения». Период же духовного пробуждения нации (конец XVIII – XIX вв.) с полным основанием можно считать «Веком Второго Армянского просвещения».

Исторически сформированная и на протяжении долгих веков апробированная армянская модель национального просвещения (образования и воспитания) остаётся весьма актуальной для армянской нации и сегодня – в условиях ломки старого и формирования нового миропорядка, когда возникла угроза нивелировки национального своеобразия с одной стороны, а с другой – тенденция «конструирования национальной идентичности» не только новообразовывающихся наций, но и наций, имеющих древнейшую историю и богатейшую культуру. Но цивилизации и культуры однажды рождаются и развиваются, чтобы обеспечить рождение и развитие нации, и наоборот: однажды рождаются и развиваются нации, чтобы породить и развивать свою цивилизацию и культуру. Это означает, что выживаемость нации и обеспечение ею своего места в пространстве Истории/Культуры возможны лишь при сохранении ею в «жизненном состоянии» матрицы своей цивилизации и культуры. Единственным же механизмом вписывания человека в поле культуры нации, к которой он принадлежит, способом наследования им национальной культуры, а, следовательно, обеспечения континуальности последней, является национальная система образования и воспитания.

По этой причине полагаю, что императивом нашего времени является восстановление в правах понятия «национальное просвещение», поскольку оно предполагает, в первую очередь, «формирование» души, духовное развитие личности и нации в поле национальной культуры. Лишь в этом случае система образования может выполнить свою миссию – сохранение, развитие

и трансляция последующим поколениям национальной культуры. Система образования является специфической подсистемой национальной культуры, которая по своей природе консервативна. Она актуализирует прошлое нации и сохраняет его ценность, обеспечивает преемственность поколений и самобытность нации и на этой основе моделирует её будущее. Сохранение и развитие нации и национального государства обусловлено ориентированным на сохранение и развитие культурного самосознания национального сообщества национальным просвещением (образованием и воспитанием).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Բշխանյան Ռ.*, Հայ գիրքը. 1513–1920, Եր., ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1981: Է. 105, 153:
2. *Միրումյան Ռիմա*, Ազգի լուսաւորութեամբ հայ ազգային ինքնագիտակցութեան զարգացումը որպէս «Բազմավէպ»-ի պատմական առաքելութիւն // «Բազմավէպ», Վենետիկ, 2018, № 1–2. ՇՇ. 7–9; ժ. ե՛ յ: Բազմավէպը որպէս լուսաւորութեան ջանք // «Բազմավէպ», Վենետիկ, 2018, № 3–4: Էջ 132–139.
3. ՇՃ.: Գրիգորյան Ա., Բրուստյան Վ., Ակնարկներ Զմյուռնիայի կրթա-մշակութային կյանքի պատմության, Եր., 2007. Էջ 34:
4. ՇՃ.: *Միրումյան Ռիմա*, Պատմափիլիսոփայական հայեցակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ: Մեթոդաբանական վերլուծություն, Եր., «Նոյան տապան» հրատ., 2003: Էջ 234–235:
5. Նազարեանց Ստ., Մտածող հայերի յոյսերը եւ արդարացի ակնկալութիւնքը ներկայումս // «Հիւսիսափայ», Մոսկվա, 1859, № 7: Էջ 564:
6. Նալբանդյան Մ., Նկատողություն / ԵԼԺ վեց հատորով, հ. 2, Եր., ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1980: Է. 320:
7. ՇՃ.: *Միրումյան Ռիմա*, Պատմափիլիսոփայական հայեցակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ: Մեթոդաբանական վերլուծություն: Էջ 238–239:
8. *Տերտենց Հ.*, Կրօնքը վերցրնենք, տեղը ի՞նչ դնենք // «Երևակ», Կ. Պոլիս, 1861, № 121: Էջ 10–16:
9. ՇՃ.: *Միրումյան Ռիմա*, Հովհաննես Տերտենց («Իմաստասէրք Հայոց» մատենաշարից), Եր., 2011: Էջ 190–201:
10. *Աշրգյանց Խորեն*, Կոնդակ շրջաբերական Խորենայ սրբազան արքեպիսկոպոսի պատրիարքի հայոց, Կ. Պոլսոյ տուեալ յամի փրկչին 1888 նոյեմբերի 15 եւ Հայոց 1337 – ՌՅԼԷ-ի Պատրիարքական կոնդակը, Կ. Պոլիս, 1888, էջ 22:
11. ՇՃ.: *Միրումյան Ռիմա*, Խորեն Աշրգյան («Իմաստասէրք Հայոց» մատենաշարից), Եր., ՀՀ ԳԱ «Գիտություն» հիատ., 2015: Էջ 159–178:
12. *Պալասանյան Ստ.* Ազգային կրթություն / Ստ. Պալասանյան, Ազգային կրթություն. Կազմումը, առաջաբանը եւ ծանոթագր. Ռ. Միրումյանի, Եր., «Զվարթնոց» հրատ., 1991: Էջ 12.
13. ՇՃ.: *Միրումյան Ռիմա*, Ստեփանոս Պալասանյան («Իմաստասէրք Հայոց» մատենաշարից), Եր., 2009, էջ. 161–176:
14. ՇՃ.: *Мирумян К.А.* Антология армянской педагогической мысли. С древнейших времён до XVIII века, Ер., 2019. ՇՇ. 13–28.

**ARMENIAN MODEL OF NATIONAL ENLIGHTENMENT
(EDUCATION AND UPBRINGING) AS A MECHANISM FOR
PRESERVING THE CULTURAL AUTHENTICITY OF THE NATION.
FROM THE SECOND ARMENIAN ENLIGHTENMENT (19TH
CENTURY) TO THE PRESENT DAY (21ST CENTURY)
(POLITICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT)**

R. Mirumyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article presented to the reader's attention is the third and final article devoted to the issue of the formation and development of the Armenian model of national enlightenment (education and upbringing). The issues raised within the framework of this problematic are considered in the article through the prism of the author's methodological concept of studying the history of Armenian national culture. The author shows the transformations in Armenian pedagogical thought and school-educational affairs, determined by the conditions of national existence specific, analyzing the material covering the period from the 19th century, called by the author "The Century of the Second Armenian Enlightenment", to the beginning of the 21st century.

The semantic core of this article consists of two interrelated ideas:

1. The creative genius of the Armenian people in the 19th–20th centuries once again manifested itself through a powerful rise in national culture, in which the archetypes of national consciousness were organically woven into new forms of cultural creativity of the nation, corresponding to the spirit of the times.
2. Only on the basis of the Armenian national model of education and upbringing can we build the space of life of the Armenian nation in modern conditions.

The main conclusion of the article is the position that only through the formation and development of the Armenian national spirit – the deep, spiritual essence, the selfhood of the nation – provided through national education based on centuries-old national and cultural traditions, it is possible to preserve and develop the specificity of the Armenian national existence. Preservation of the cultural authenticity of the Armenian nation (through the dissemination of the ideals of national education), which is an organic component of the Armenian national existence, is a condition and guarantee of the preservation of the Armenian nation, Armenia and the Armenian statehood.

Keywords: The Second Century of Armenian Enlightenment, development of Armenology, cultural mission of "Vazmavap", educational paradigm of Armenian theoretical thought, conservative paradigm of Armenian theoretical thought, ideological struggle "grabar-ashkharabar", ideological struggle "science-religion", education of a patriot as the goal of education/upbringing, education of a creative person as the goal of education/upbringing, national education as a precondition for the preservation of the nation, cultural authenticity as the basis of national existence.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-47-56
УДК 339.98

Поступила: 17.08.2024г.
Сдана на рецензию: 19.08.2024г.
Подписана к печати: 29.09.2024г.

ЭНЕРГОТРАНСПОРТНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ «КУРДСКОГО КОРИДОРА» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ РЕГИОНА БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА¹

М.Г. Аванесян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
mikayelava@tutanota.com
ORCID: 0000-0003-4769-9026*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются ключевые вопросы формирования нового энерготранспортного коридора на территории Ближнего Востока, совместимость геоэкономических инициатив Турции в регионе. Несмотря на существенные вызовы в создании «Курдского коридора», возникает необходимость рассмотрения энергетического потенциала Сирии и Ирака в постконфликтных условиях. Наравне с этим усиливается влияние ТНК, в совмещаемых отчасти с геополитическими интересами РФ, США и стран членов ЕС. Постоянная трансформация интересов Турции в регионе нуждается в переосмыслении, продвижении собственных энерготранспортных инициатив и росте внутренних потребностей в ресурсах.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, Турция, Левантин, Киркук, нефтяная и газовая энергетика.

Введение

Замораживание гражданской войны в Сирии на современном этапе способствует рассмотрению геоэкономических особенностей региона в постконфликтный период. Территориально-административная разграниченность сирийского государства способствовала развитию тенденций энерготранспортной диверсификации, зачастую интегрируя многие другие акторы. Создание автономных единиц на территории Ирака со стороны курдов аналогично распространилось и на Сирию, где обе страны имеют огромный энергетический потенциал, а географическое пространство позволяет обходить интересы других сил, выводя готовую продукцию на более стабильные рынки. Под значением «других сил» подчеркивается развитие турецкого геоэкономического вектора, начиная с 2015

¹ Финансирование статьи осуществлено в рамках базового финансирования КВОН РА.

года, и утверждение собственно энергетической повестки геополитического вектора региона. Кроме того, интеграция других сил – ЕС, США, РФ и Ирана, нарастает из-за энерготранспортной составляющей.

В работе произведен качественный анализ энерготранспортных ресурсов региона в проекции безопасности и развития логистических путей в Левантине (Средиземное море). Также проведен сравнительный анализ с энерготранспортного вектора стратегии в регионе со стороны Турции в противовес «Курдскому коридору». Другим уровнем исследования является осмысление значения и потенциала западных ТНК также в противовес турецким инициативам. В заключение предполагается рассмотрение «нулевого баланса». Смысл этого значения заключается в оценке перспектив развития «Курдского коридора» в условиях относительного мира в регионе.

Методы и результаты

В результате исследования были использованы различные научные источники на различных языках. Среди англоязычных источников считаем важным отметить работу П. Ипека, где автор через призму геостратегических интересов Турции рассматривает энергетический контекст в регионе Сирии и Ирака. На самом деле, автор отмечает, что регион имеет колоссальную значимость для энерготранспортной безопасности Турции. Диверсификационная политика Турции способствует увеличению политического суверенитета – через расширение и на другие регионы: тут подразумевается нарастающая позиция национальной компании “BOTAS” в регионе, наличие широкого осмысления геоэкономического противоборства с РПК, исключая, конечно, традиционные боевые действия [1].

С точки зрения осмысления глобальных геоэкономических трендов, необходимо подчеркнуть работу Г.Н. Валиахметовой, в которой гражданская война в Сирии рассматривается исключительно сквозь призму энергетических противостояний [2]. Сочетая интересы глобальных и региональных держав, нами предпринимается попытка прикладного осмысления энергетического противостояния в Сирии, учитывая при этом большие запасы страны, а также, в некоторой степени, логистический контекст и коммуникативный аспект региона в целом.

В вопросах геоэкономического и геополитического детерминизма представляется рассмотрение потенциала иракской энергетики в постконфликтную эпоху. В действительности, контроль Иракским Курдистаном северных территорий Ирака наиболее ориентирован для политики энергетической диверсификации Турции, а также «хабовой» стратегии последних. Работа Р. Алаалдина посвящена актуальным процессам в энергетических взаимоотношениях между Турцией и Иракским Курдистаном, их особенностям в новую эпоху [3].

Комплексный анализ перспектив энергетического сотрудничества между Турцией и КРГ рассматривается в статье Дж. Робертса, где, кроме статистических показателей, проводится сравнительный анализ инфраструктурных возможностей. Кроме того, автором производится синтез геоэкономических инициатив Турции с энергетическим потенциалом КРГ, их перспектив взаимосотрудничества [4].

В работе использованы компаративистские, структурно-функциональные, а также исторические методы. Использование указанных методов позволяет комплексно и аналитически раскрыть тему исследования, а именно: учесть текущую обстановку и среднесрочные перемены. Учитывая важность показателей, в работе использованы статистические показатели для определения основных тенденций и направлений, в первую очередь, для показательности фактора «Курдского коридора», исходя из соображений энергетической безопасности Турции в региональном аспекте Большого Ближнего Востока.

Анализ и обсуждения

Значительные изменения в структурном балансе поставок нефтегазовых продуктов из Ирака и Сирии произошли после 2011 года. Если в случае с Ираком логистические векторы были в определенной степени известны, то реализация сирийской нефти не имела существенных наработок. Прецедент обогащения и переосмысления энерготранспортного компонента в Сирии в контексте внешнеполитических инициатив разрастался в традиционном русле классического «панарабизма». Временной интервал 2001–2010 гг. свидетельствовал о разработке крупнейшего регионального энерготранспортного проекта «Арабского газопровода», где в результате аккумуляции производственных потенциалов Египта и Иордании ожидалось слияние в более широкий проект «Набукко» [5]. Подписанное в 2005 году соглашение в городе Хомс свидетельствовало, в первую очередь, об определенной абсорбции различных региональных проектов в турецкие, а эти каналы в значительном контексте послужили резервными, в долгосрочной перспективе – диверсификационными. После обнаружения нефтегазовых залежей на территории Сирии (центральная и восточная часть страны, в будущем – эпицентр начала гражданской войны) Б. Асадом, в духе классического панарабизма, была предложена стратегия «Четырех морей», – с большей интеграцией региональных ТНК, нежели в международных [6]. С точки зрения политического реализма, данная стратегия ограничивала в дальнейшем позиции западных международных ТНК в диверсификации, а со стратегической точки зрения – лишения возможности вести георазведательные работы в восточной части Средиземного моря, соответственно, увеличения здесь новых компаний России и Ирана. Необходимо также учесть, что некоторые панарабские проекты не

имели общей согласованности с другими странами, в частности, с Саудовской Аравией и ОАЭ, а после лишения членства Сирии в ЛАГ преобразилась энерготранспортная повестка региона. Тем не менее, актуальные события по улучшению взаимоотношений в перспективе могут вывести арабский блок против турецких инициатив. Из-за ситуации вокруг исключительных экономических зон Кипра актуализируется повестка более компактной стратегии на выход на рынок ЕС. Кроме того, в прикладном аспекте необходимо переосмыслить значение энерготранспортного коридора в Сирии с курдскими инициативами. В данном аспекте в пользу невозможности кооперации сводится суждение о согласованности между курдами и американскими силами в стране. В интенсивный период гражданской войны в Сирии большинство месторождений были распределены между различными группировками, где в определенный момент монополия находилось у ИГИЛ или у протурецких боевиков. Доподлинно неизвестно, действуют ли месторождения в Хомсе на текущий момент, т.к. основной канал энергетической контрабанды протекал через Турцию. Так, временной отрезок 2014–2017гг. свидетельствует, что отток нефтяных продуктов составлял в среднем 75–80 тыс. баррелей в сутки, а газовые месторождения были ограничены из-за отсутствия соответствующих коммуникаций, где (в Сирии) в большей степени тратилось на содержание ТЭЦ-ей в регионе (50–70 МВт.ч). Достаточно примечательно, что в Ираке объем товарооборота со стороны боевиков не превышал 80 тыс. баррелей в сутки [7]. Немаловажным фактором является и то, что после разгрома ИГИЛ в Сирии установился определенный паритет между курдами и правительственными силами. Согласно некоторым оценкам, контролируя орошаемые территории (водный баланс Междуречья) и основные запасы нефти и газа, курдская сторона склонна к спекуляциям с Правительством Сирии, в частности, о легальности автономности (национальной) с американскими инвестициями в стране (“Delta CELLC”) [8].

С точки зрения структурного анализа, необходимо подчеркнуть, что запасы нефти и газа в Сирии достаточно объемные, но не такие колоссальные, как у Ирака. Так, нефтяные запасы Сирии составляют порядка 52 млрд. баррелей, а природного газа – от 8,5 до 9 млрд. м³, суточная же норма добычи – 25.000 баррелей (до войны данная цифра составляла порядка 400.000 баррелей, из которых 140.000 шло на экспорт в Европу) и 280.000 м³ (после начала боевых действий цифра уже не указана) [9]. Из-за того, что многие газовые и нефтяные месторождения отошли оппозиционным силам (в том числе и курдам) и боевикам, оценить точный энергетический потенциал не предоставляется возможным. Необходимо констатировать, что наиболее крупное месторождение «Аль-Омар» остается под контролем курдских и американских сил, что, в принципе, противостоит турецким геοэкономическим интересам в регионе.

В действительности, рассматривая геоэкономическую подоплеку Турции в Сирии и Ираке, необходимо констатировать некоторые аспекты. Первый, наиболее прерогативный фактор, – наличие иных акторов в регионе. Если исключить из этого списка США и ЕС (а также их энергетические ТНК), то в данный список необходимо включить Иран и Россию. Позиция Ирана, усиливающаяся после утверждения правительства Асада в Сирии, наиболее концептуально противостоит интересам Турции. Как и Иран, Турция имеет вооруженное представительство, ее интересы значительно превышают энергетические и логистические формы геополитического влияния. В данный контекст и входит активное противоборство в Ираке, входящее в широкие транс-региональные проекты. Объективно данный фактор оправдан, учитывая скрытую конкуренцию Турции и Ирана в проекте «Один пояс, один путь», где каждая из сторон пытается обеспечить собственную интегральную безопасность, региональный политический детерминизм. Наиболее объективной целью для Ирана в Сирии, является контроль северного и южного логистических потоков, и инфраструктуры, к которым стремятся также Турция [10].

В случае РФ ситуация отличается определенным аспектом, а именно: коммерционным. После соглашения 2016 года с Тегераном наблюдается активная интеграция российских энергетических ТНК, а именно: «Татнефти», которая с 2003 года активно разрабатывает месторождения «Южная Кишма-1» [11]. В отличие от турецкого сценария, в Сирии Россия демонстрирует явно преемственный характер разработки месторождений. География действий турецких энергетических компаний ограничена, где методология национальной компании «BOTAŞ» охватывает исключительно пространство ИЭЗ Турции. В случае с Сирией наблюдается иная ситуация, где освоение месторождений передано на содержание боевиков, возможно, как средство оплаты.

В случае с Ираком, как и с Турцией и другими «энергетическими» партнерами, наблюдается противоположная ситуация. Исходя из событий после свержения Саддама Хусейна, некоторые крупнейшие нефтегазовые месторождения, трубопроводная инфраструктура и системы остались на севере страны под контролем курдов. На самом деле современное геостратегическое позиционирование Иракского Курдистана нацелено на создание диверсификационной энерготранспортной системы региональной значимости. Соответственно, в отличие от сирийского примера, развитие «Курдского энерготранспортного коридора» в Ираке имеет явную ориентированность на международную поддержку. В контексте Турции важность нефтепровода «Киркук» является одним из элементов обогащения собственного коммуникативного потенциала (подписанное еще в 2013 году соглашение), однако с существенными ограничениями и неточностями. В определенном случае, проблематичным фактором являются взаимоотношения центрального правитель-

ства Ирака и курдской автономии, у некоторых до сих пор не выработана общая стратегия разделения нефтегазового потенциала страны. В результате всего этого сложилась ситуация, когда поставки из курдской автономии преобладают над значениями центрального регулирующего органа и появляются новые акторы. Примером может стать российская компания «Роснефть», имеющая крупные проекты в регионе с 2017 года [12]. Объективно отмечено, что для Турции важность наличия стольких конгломератов в большей степени регулирует и приоритезирует значение «Южного Газового Коридора» – с созданием более широкого хабового пункта в Джейхане, с дальнейшей переправкой на европейский континент. Учитывая ограниченность экономических возможностей России в действиях на современном этапе, в отличие от сирийского примера, намечается возможный этап кооперации с Турцией.

Учитывая присутствие турецких компаний в Ираке (газопровод «Киркук» в большей степени эксплуатируется турецкой национальной компанией «BOTAS»), правительством курдской автономии разрабатывается также проект передачи месторождения «Так-Так» турецкой стороне («Genel Energy»). В среднем, во временном интервале 2015–2019гг. через трубопровод «Киркука» в турецкий Джейхан было поставлено 400.000 баррелей в день чистого мазута – с дальнейшей переработкой уже турецкой стороной. В феврале 2022 года между правительствами Курдской автономии Ирака и Турцией было подписано соглашение об укрупнении текущих инфраструктур трубопровода «Киркука» и создание мультимодальных систем интеграции газового компонента [13]. С функциональной точки зрения, данный проект действительно является невозможным: в вопросах соглашения нет определенных наработок механизмов обеспечения 112-мильного газопровода. В дополнение, т.к. регион находится в стратегических приоритетах Ирана, позиция последних может не совпадать в создании альтернативных проектов в геоэкономической плоскости.

Ситуация в Ираке, когда фактор курдской автономии, тем не менее, значительно развивается, для Турции предстает в позитивном русле. Этому способствует не только энергетический контекст, но и определенная дистанцированность от РПК. По сути, разграничение создания широкого курдского коридора в рамках двух стран Междуречья способствует усилению геоэкономических инициатив. Структурно вопрос создания «Курдского коридора» ограничивается определенной территорией, зачастую имеет в себе внутренние противоборства, с одной стороны, а с другой ограничен позицией арабских стран по данному поводу. Несмотря на федерализацию Ирака, возможность создания механизмов целостной энерготранспортной стратегии не представляется возможным в ближайшее время. Положение Турции обуславливается нахождением новых нефтегазовых источников и дальнейшим рас-

пределением в оптимальной степени для решения и внутреннего спроса. Другой стороной вопроса для геоэкономической повестки Турции является максимальный контроль энергетических источников из стран Персидского залива. Если с Катаром позиции уточнены, нельзя не рассмотреть положение условного ОАЭ, который, начиная с 2022 года, пытается перевести сквозь морской путь нефтегазовые продукты в Европу. В случае появления общего панарабского проекта по энерготранспортной повестке увеличивается риск дискредитации «Южного газового коридора». Риск может усугубиться, если западные ТНК, действующие в Ираке и Сирии, смогут реализовать товары из занятых курдами регионов, создав третий альтернативный путь поставок через Левантин. Более того, политика энергетического либерализма ЕС имеет свое воздействие на реализацию иного рода сценариев.

В результате исследования необходимо было учесть позиции, близкие к политическому реализму, а именно: противостояние созданию «Курдского коридора» в пользу сотрудничества Турции с КРГ. После падения власти Саддама Хуссейна в Ираке турецкий капитал в стране набирал исключительные обороты (интервал 2008–2013гг.): действовали порядка 1600 компаний с турецким капиталом, доходящим до 12 млрд. долларов США [14]. Несмотря на наличие террористических угроз, КРГ на современном этапе стоит рассматривать как полунезависимое государство, а не как автономную единицу. Исходя из этого, новые проекты будут все больше подчеркивать суверенитет КРГ и сокращать тем самым перспективу развития «Курдского коридора».

Геостратегическая важность «Курдского коридора» в мировом масштабе: позиции текущих транс-региональных проектов сквозь курдские автономии

За исключением Турции, политический контроль за «Курдским коридором» осуществляется и иными силами, в том числе и международными. В статье указана основная подоплека интересов Ирана (зачастую совпадающая с идеологией Турции, но в пользу собственных геоэкономических интересов) с РФ, США. Для последней энергетическая составляющая важна исключительно с позиции мониторинга региональной обстановки. Позиции иных сил же – ЕС и Китая, будут рассмотрены далее. Во-первых, эти страны имеют взаимосвязанные логически проекты – “INOGATE”, “TRACECA” и «Один пояс, один путь», создание общих линий диверсификации энерготранспортных узлов, приверженность к либерализации курса в противовес РФ после начала военных действий и обширных санкций на последнюю. Во-вторых, как ЕС, так и Китай имели ограниченное присутствие в региональных конфликтах, а некоторые члены НАТО, наносившие воздушные удары, политически полностью отошли после разгрома ИГ. В случае с «Курдским коридо-

ром» примечательно то, что впервые начала наблюдаться конъюнктура сотрудничества в прямой перспективе, что не является желательным для Турции в рамках собственного «хабового» тезиса.

Положение транспортно-логистического коридора, объединяющее пространство Азии и Европы, определяет географическое положение «Курдского коридора» в приоритетное; однако, в равной степени, наносит удар по монополии турецких региональных инициатив. На текущем этапе, когда практически готова инфраструктура через Среднюю Азию (т.н. «Срединный коридор»), остается лишь вариант развития через Иран. Суммарно, дорога укорачивается, сокращается риск издержек строительства мультимодальных энерготранспортных инфраструктур.

Но турецкий вариант наиболее привилегирован из-за большего количества стран, проходящих через маршрут «Одного пояса, одного пути». Кроме того, энерготранспортный подтекст, возможно, определяющий – через него проходят как «Южный энергетический коридор» и «Транскаспийский газовый коридор», так и железнодорожная инфраструктура (Баку-Тбилиси-Карс), и портовая инфраструктура, соответствующая идеологии «Морского Шелкового пути» [15]. Обращая внимания на другой подтекст, возможно предположить, что энергетический компонент Иракского Курдистана может быть экспортирован в Китай. Несмотря на наличие иранского и туркменского вариантов, в проецируемом будущем невозможно исключить и данный контекст. Некоторыми исследователями выводится, что основной преградой для реализации данного фактора является отсутствие перспективы из-за идеологических нарративов Китая к региональным автономным единицам, приоритетность связи с центральной властью Ирака [16]. Тем не менее, наиболее важным фактором для Китая является баланс энергетического импорта из Ирана и Туркменистана, где нефтегазовые продукты из ИРК в лучшем случае будут иметь придаточный статус.

Кардинально иная ситуация наблюдается у «Курдского коридора» с ЕС в энергетическом подтексте. Как уже было указано, в транспортной геостратегии позиции ЕС и Китая совпадают, однако сохраняется важность импорта нефтегазовых ресурсов. Особым преимуществом данной компании также является и то, что практически все крупные западные энергетические компании (британский «BP», американские «Chevron» и «ExxonMobil», норвежский «DNO») присутствуют в ИРК, а через Турцию может быть перенаправлено порядка 20 млрд. м³ природного газа [17]. Важность Турции для ЕС заключается в поставках природного газа уже на действующей инфраструктуре и «Транс-Адриатический газопровод», не нуждающийся в дальнейшей реорганизации и реструктуризации. Но вопрос, почему не используется вариант экспорта через Сирию, многогранный. Во-первых, нет существенных блоков с сирийскими курдами по энергетической коммуникации, кроме того, потребуется официальное разрешение Дамаска и

Багдада. Во-вторых, использование логистических возможностей Восточного Левантина (Восточного побережья Средиземного моря) актуализировало бы повестку греко-кипрского “East Med”, что требует дополнительных финансовых вложений для ЕС. Соответственно, для ЕС, как крупного импортера нефтегазовых ресурсов мирового масштаба, турецкий вариант реэкспорта наиболее оптимальный, как и для ИРК (как поставщика).

Заключение

В условиях относительного мира в Сирии и Ираке наблюдаются значительные трансформации политического устройства стран. По сути, две страны находятся в ситуации усиления этнических или идеологических центров, автономные регионы получают значительные привилегии управления. Турция под эгидой борьбы с курдскими силами, произвела интервенцию, но без формального распределения территорий отмечать то, что существуют зоны влияния, не предоставляется возможным. В случае с Ираком турецкое правительство оставит в силе вариант мягкого влияния, уже установлены определенные геоэкономические границы взаимодействия. В Сирии же, напротив, ситуация неоднозначна из-за усиления позиций энергетических ТНК США, нарастающая сущность экономического присутствия Ирана. Вариант развития «Курдского коридора» возможен исключительно при более институциональном подходе стран Запада, так как на текущем уровне отсутствуют значительные политические гарантии извне. «Нулевой баланс» в указанных конфликтах отражает определенную ситуацию, где военные рычаги давления на создание или диверсификацию (как в случае с Турцией) энерготранспортных потоков не оправданы, а сохранение текущей неопределенной обстановки (как в Сирии) играет исключительно против предотвращения альтернативных проектов, наносящих ущерб уже действующим – таким, как «Южный газовый коридор» и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ipek P.* Oil and intra-state conflict in Iraq and Syria: sub-state actors and challenges for Turkey's energy security // “Middle Eastern Studies”, vol. 53, № 3, 2017. PP. 406–419.
2. *Валиахметова Г.Н.* Сирийский кризис как отражение трендов развития глобальной энергетической политики // “Tempuset Memoria”, Т. 11, № 1, 2016. СС. 81–91.
3. *Alaaldin R.* The geopolitics of Iraqi Kurdistan's gas reserves: challenges and prospects // The Middle East Council on Global Affairs, 2023.
4. *Roberts J.* Turkey and The Kurdistan Region of Iraq: Strained Energy Relations // Turkish Policy Quarterly, vol. 17, № 3, 2018. PP. 99–109.
5. *Гниломёдов Е.В.* Влияние революций, произошедших в государствах ближнего Востока и Северной Африки, на топливно-энергетический комплекс Турецкой Республики // Вестник университета, №1, 2015. СС. 22–23.
6. *Валиахметова Г.Н.* Сирийский кризис как отражение трендов развития глобальной энергетической политики // “Tempuset Memoria”, Т. 11, № 1, 2016. СС. 85–86.

7. Дегоев В.В., Сафарян Л.А. «Нефтью и газом едиными». Энергетические перипетии сирийского кризиса // «Свободная мысль», №. 4, 2022. СС. 86–88.
8. Там же. СС. 94–95.
9. *Al-Ghazi S.* The Syrian regime's oil and gas crisis // *Policy*, vol. 163, 2021. PP. 1–3 (see BP, IED Data).
10. *Azizi H., Çevik S.* Turkish and Iranian involvement in Iraq and Syria: Competing strategies, rising threat perceptions, and potentials for conflict. // *SWP Comment*, №. 58, 2022. PP. 2–6.
11. The Middle Eastern Expansion of Tatneft // “Special Eurasia”, 2021.
12. *Roberts J.* Turkey and The Kurdistan Region of Iraq: Strained Energy Relations // “Turkish Policy Quarterly”, vol. 17, №. 3, 2018. PP. 105–108.
13. *Alaaldin R.* The geopolitics of Iraqi Kurdistan's gas reserves: challenges and prospects // The Middle East Council on Global Affairs, 2023. PP. 3–5.
14. *Ipek P.* Oil and intra-state conflict in Iraq and Syria: sub-state actors and challenges for Turkey's energy security // “Middle Eastern Studies”, vol. 53, №. 3, 2017. PP. 410–413.
15. *Isik A., Zou Z.* China-Turkey security cooperation under the background of the ‘Belt and Road’ and the ‘Middle Corridor’ initiatives // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, vol. 13, №. 2, 2019. PP. 283–290.
16. *Mahmod H.* The Kurdish factor in China-Iraq relations // University of Halabja, 2020. PP. 1–10.
17. *Ismael H.M. et al.* Kurdistan's role in European energy security // *Journal of Geography, Politics and Society*, vol. 10, №. 1, 2020. PP. 36–38.

THE ENERGY TRANSPORT IMPORTANCE OF THE “KURDISH CORRIDOR” IN THE GEOPOLITICAL PROCESSES OF THE GREATER MIDDLE EAST REGION

M. Avanesyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article discusses the key issues of the formation of a new energy transport corridor in the Middle East, the compatibility of Turkey's geo-economic initiatives in the region. Despite the significant challenges in creating the “Kurdish Corridor”, there is a need to consider the energy potential of Syria and Iraq in post-conflict conditions. Along with this, the influence of TNCs is increasing, partly combined with the geopolitical interests of the Russian Federation, the United States and the EU member states. The constant transformation of Turkey's interests in the region needs to be rethought, the promotion of its own energy transportation initiatives and the expansion of domestic resource needs.

Keywords: energy security, Turkey, Levantine, Kirkuk, oil and gas energy.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-57-68
УДК 321.7

Поступила: 29.08.2024г.
Сдана на рецензию: 04.09.2024г.
Подписана к печати: 17.10.2024г

ПРОБЛЕМЫ ИСТОКОВ ДЕМОКРАТИИ: НА ОСНОВЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АФИНСКОЙ ПРАКТИКИ

А.А. Тер-Варданян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
aram.ter.vardanyan@gmail.com
ORCID: 0009-0006-2685-2414*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена теоретическому анализу двух подходов исследования проблемы первой демократии. Сторонники одной из них считают, что исторически первая демократия была установлена в Афинах, в то время, как вторые утверждают, что демократическая практика существовала намного раньше, чем появились первые города-государства, тем самым высказываясь против присвоения грекам эксклюзивного права на создания демократии. Ввиду этого, предметом исследования является анализ указанных подходов и их соотношение друг с другом.

Актуальность работы обусловлена двумя основными началами. Во-первых, дается возможность внести определенную ясность в дискурс относительно проблемы первой демократии, т.к. представленные подходы лишь внешне кажутся антагонистическими, но в результате проведенного анализа становится очевидно, что это далеко не так. И, во-вторых, в работе раскрывается непосредственно содержательная сторона понятия демократии, что, в свою очередь, является важным пунктом для определения термина «демократия».

Ключевые слова: афинская демократия, первая демократия, первобытная демократия, совместное принятие решений, субстанция демократии.

Введение

Несмотря на то, что демократия – одно из самых употребляемых в политическом лексиконе понятий, все же есть довольно многовопросов, которые ждут своего ответа. Одним из них является проблема первого исторического опыта демократии, чему и посвящена данная работа. Причем ее важность вызвана не только указанной целью, но и тем обстоятельством, что она выявляет суть и субстанцию самого понятия демократии, в отрыве от ее принципов и присваиваемых ей качеств и оценок.

В первой части работы представлены суждения целого ряда авторов, которые объединяются в две отдельные группы, в зависимости от схожести позиций

по поводу указанной проблематики. В результате такого разделения определяются два основных подхода, по мере представления которых анализируется также их обоснованность, выявляются сходства и отличия между ними.

Вторая часть работы посвящена теоретическому анализу корреляции этих подходов, степень их противопоставленности и обоюдной взаимоисключаемости.

В заключение делаются основные обобщения и выводы.

Исследование носит сугубо теоретический характер, и потому в нем не приводятся конкретные исторические датировки возникновения первой демократии.

Два подхода относительно проблемы первой демократии

Очень часто отправной точкой для изучения демократии берут опыт Древней Греции, которая по мнению некоторых исследователей является родиной демократии [1]. В то же время следует иметь в виду, что Эллада никогда не являлась единым государством, а такое название используется для единого обозначения множества полисных государств (Спарта, Коринф, Сидон, Милет, Самос, Олимпия и другие), заселенных преимущественно греческими племенами, которые не отличались единством государственного устройства. Например, если Самос, Милет, Абдеры или Аргос, в целом, придерживались демократии, то в Мегарах или Фивах власть принадлежала олигархии, и если в Сиракузах в V–IV вв. до н.э., где преобладала тирания, все же иногда временно устанавливалась демократия, то Спарта, по существу, всегда была антидемократичной.

Таким образом, в точном выражении, Древняя Греция никак не могла быть родиной демократии. Как название исторически собирательное употребляется в указанном контексте вряд ли корректно. Касательно же древнегреческой демократии, то она существовала в ряде греческих полисах, среди которых пальма первенства принадлежала Афинам.

Возможно, даже самые суровые критики не сочтут преувеличенным утверждение, что афинская демократия является самой известной из всех когда-либо существовавших демократических опытов в истории человечества. Более того, некоторые специалисты полагают, что исторически первая демократия была установлена именно в Афинах, в то время, как другие указывают на существование более ранних, догосударственных форм демократии, тем самым отрицая историческое первенство афинской демократии.

К сторонникам первого подхода можно отнести профессора политологии К.А. Мирумьяна, который считает, что «афинская демократия явилась первым в истории человечества опытом демократического строя и поэтому не могла использовать опыт других народов» [2]. акого же мнения придерживаются доктор исторических наук Л.П. Маринович и профессор Г.А. Кошеленко. В

их совместном предисловии к изданию 1994 года книги Лисия «Речи» относительно данного вопроса говорится следующее: «Хотелось бы подчеркнуть одно очень важное обстоятельство – афинская демократия являлась, в сущности, первым в человеческой истории опытом демократического строя, и поэтому она не могла использовать какой-либо позитивный (как, впрочем, и негативный) опыт предшественников» [3].

Как видно, в озвученной позиции специалистов в области истории Древней Греции прослеживается влияние самого Лисия, который, в своей речи «Надгробное слово в честь афинян, павших при защите Коринфа» утверждает, что первый опыт демократии принадлежит Афинам. Заметим, что оратор был афинским метеком, то есть иностранцем, постоянно проживающим в Афинах. И хотя его правовой статус не позволял ему участвовать в деятельности народного собрания и занимать государственные должности, это не мешало ему быть ярким сторонником демократии. В этой речи, произнесенной или только написанной по поводу погребения афинских граждан, павших в сражении под Коринфом в 394г. до н.э., которая, как отмечает профессор С.И. Соболевский, многими считается не принадлежащей Лисию (речь II) [4], можно найти следующие слова: «Много было обстоятельств у наших предков, призывавших их единодушно бороться за правду. Прежде всего, начало их жизни было справедливо: они поселились не в чужой земле, подобно большинству народов, сойдясь со всех сторон и изгнав других, но они были исконными жителями: одна и та же земля была их матерью и отчиной. Они первые и единственные в то время изгнали бывших у них царей и установили у себя демократию, полагая, что свобода всех производит величайшее единодушие» [5].

Кстати, не исключено, что к такому умозаключению Лисий приходит под определенным влиянием речи Перикла, произнесенная им в честь афинян, которые пали в первый год Пелопоннесской войны (431–404гг. до н.э.). Не сложно заметить, что относительно первенства афинской демократии, существует явное сходство в эпитафии Лисия и знаменитой «Надгробной речи» Перикла, которая сохранилась у Фукидида. Как видно из повествования, в этот трагичный день, Перикл начинает свою речь следующим образом: «Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством» [6]. Для него первенство афинской демократии не подлежит сомнению, – она не только самая первая, но и лучшая, в пример другим.

Главным демократическим органом Афин являлось народное собрание – Экклесия, которая созывалась каждые 10 дней. Все совершеннолетние афиняне, независимо от имущественного положения, имели право принимать участие в собрании, где рассматривались вопросы политического, социального, экономического характера, а также выбирались и заслушивались отчеты должностных лиц.

Отметим, что по регламенту народное собрание не обладало правом законодательной инициативы, эта была прерогатива Буле – Совета пятисот, что соответствовало количеству его членов. Совет являлся важным демократическим органом афинского полиса. В результате реформ Клисфена, члены Совета избирались по пятьдесят человек от каждой из десяти территориальных фил, а до преобразований он состоял из четырех сотен членов и, соответственно, носил название «Совет четырехсот».

Совет был как бы президиумом Народного собрания, решавшим все вопросы в промежутках между созывами народного собрания и следившим за исполнением принятых решений. Громоздкость Народного собрания делала необходимым существование такого подготовительного и исполнительного органа, каким была афинская буле, Совет пятисот избирался по филам из афинских граждан, достигших 30 лет [7].

Важнейшей функцией Совета пятисот было предварительное рассмотрение вопросов, которые ставились в Народном собрании. Совет пятисот принимал предварительное решение (пробулевма), которое Народное собрание могло принять или отвергнуть. Афинская конституция не допускала постановки в Народном собрании вопросов без предварительного их обсуждения в Совете пятисот [8]. Но при этом следует учесть, что народное собрание, как высший политический орган Афин, все же «обладало правом вето и внесения изменений в предложения Совета» [9]. Считалось, что «Совет пятисот должен был, согласно присяге его членов (булевтов), стоять на страже демократического строя» [10].

Но особое значение для поддержания демократического устройства Афин являлась Гелиэя – народный суд или суд присяжных, учрежденный Солонем. Состав суда насчитывал 6000 гелиастов, которые выбирались по жребию. Им мог стать каждый желающий афинянин, достигший 30 лет, вне зависимости от своего состояния. Значение суда было столь велико, что, согласно Аристотелю, демократия в Афинах установилась тем, что Солон ввел народный суд, где все могли быть судьями [11]. Дело в том, что «каждый гражданин имел право выступить в Народном собрании с заявлением о том, что предложенный законопроект или уже принятый закон противоречит существующим законам, «конституции» Афин. В таком случае дело передавалось в Гелиэю для рассмотрения и вынесения решения» [12].

Кроме того, демократический характер суда отчетливо виден из клятвы, даваемой будущими гелиастами до вступления в должность. Согласно Демосфену, клятва начиналась следующими словами: «Я буду подавать свой голос в соответствии с законами и постановлениями народа афинян и Совета пятисот. Я не окажу поддержку тирании или олигархии, и, если кто попытается упразднить демократию афинян или станет против нее выступать или вносить предложения, направленные против нее, я не стану им подчиняться» [13].

Определенно, в Афинах существовала довольно передовая и сложно функционирующая политическая система, которая при всех своих недостатках была призвана обеспечить эффективное и справедливое принятие согласованных решений гражданами в народном собрании. Представленный краткий и сжатый обзор некоторых политических институтов периода афинской демократии и их сложный механизм взаимодействия никак лучше показывает уровень ее организации.

Со всей очевидностью можно утверждать, что демократическое устройство в греческих городах-государствах, как и в иных местах не могло возникнуть на «ровном месте», ибо им должны были предшествовать более простые формы принятия коллективных решений. То есть здравый смысл вынуждает специалистов признать, что подобная практика, скорее всего, существовала в различных местах и на более ранних этапах развития человеческих обществ, где социальная организация еще зиждилась на кровнородственных связях. Ведь малочисленность общины, отсутствие сословных различий, несущественность (при наличии) частной собственности, абсолютное преобладание общественного интереса над частными, как и многие другие факторы должны были способствовать, по крайней мере в некоторых случаях и ситуациях, развитию механизмов совместного и согласованного принятия решений.

Посеумусреди современных ученых есть немало тех, кто не согласен и крайне скептически относятся к монополизации прав на изобретение демократии греками. Например, политический теоретик Дж. Данн, разделяя мнение пишет: «Рассмотрим вопрос о том, действительно ли греки изобрели демократию, на который многие нынешние граждане Греции страстно желали бы дать положительный ответ, в то время как серьезные и глубоко осведомленные специалисты по истории демократии, ничуть не менее страстно, считают необходимым дать отрицательный ответ» [14]. Аналогичной позиции придерживается и Роберт Даль, отмечая, что «судя по всему, демократию, так же как и огонь, живопись, письмо, изобретали не однажды и не в одном месте. В конце концов, если в определенном месте и в определенное время (скажем, в Афинах, около 500г. до н.э.) сложились условия, благоприятные для возникновения демократии, то почему подобные же благоприятные условия не могли сложиться где-нибудь еще?» [15]. «Я предполагаю, – продолжает он, – что демократию могли всякий раз изобретать заново там и тогда, где и когда

для этого имелись благоприятные условия. По моему убеждению, эти условия возникали в разных местах и в разное время» [16].

Кстати, по замечанию немецкого философа Отфрида Хеффе, «этот дискурс начинается с понимания того, что, хотя выражение «демократия» исходит от греков, сама она отнюдь не является исключительно европейским наследием. Противоположный пример представляют неразвитые отношения господства в обществах охотников и собирателей, самоорганизация которых основана на договоренности и соглашениях заинтересованных сторон» [17]. Позиция О. Хеффе говорит о том, что в различных уголках планеты первобытные общества могли организовываться и функционировать не только в результате принудительного единовластия или регулироваться несколькими уважаемыми людьми общины, как совет старейшин. Там могли складываться также властные отношения, при которых общества самоорганизовывались на основании договоренности и согласованности заинтересованных сторон, т.е. участников. Очевидно, что подобная самоорганизация могла реализовываться лишь при условии широкого участия заинтересованных сторон в принятии решений в интересах большинства. Содержательно такую же мысль высказывает Дж. Данн. Люди так или иначе должны были изобрести способы принятия и наделения авторитетом решений, обязательных для коллектива в той мере, в которой им приходилось жить вместе по всему миру, и делали они это в гораздо более ранние эпохи, чем те, для которых у нас имеются надежные описания того, как именно они это делали. Трудно себе представить, что мог существовать какой-то определенный и крайне действенный способ это делать, который появился у одной группы людей, говорящих на одном языке, в одном месте и в одно время, но почему-то так и не возник у другой группы где-то еще, раньше или позже [18]. Как можно заметить, Дж. Данн под первобытными демократиями непосредственно понимает способ принятия авторитетных решений, обязательных для всех, т.е. речь идет о согласованном принятии решений большинством голосов, тем самым обеспечивая ее значимость. Аналогичное понимание вообще демократии можно найти и у Р. Даля [19]. Как было отмечено чуть выше, такая же связь прослеживается и у О. Хеффе, когда он говорит о «договоренности и соглашениях заинтересованных сторон».

В этой связи политолог и скептик досовременных демократий Чарльз Тилли замечает, что «еще за тысячу лет до того, как проблески демократии появились в Европе, на всех обитаемых континентах время от времени собирались советы глав родов для принятия важных коллективных решений. Если, подразумевая демократию, мы ищем всего лишь **согласованное принятие коллективных решений**, то корни демократии уходят далеко во тьму веков» [20]. Примером такой формы мог служить Ашхаражохов (дословно с

армянского переводится как «мировое собрание»). Ссылаясь на работы академиков Якова Манандяна и Сурен Еремян, Артак Мовсисян пишет: «Пожалуй, правы исследователи, связывающие происхождение Ашхаражохова с древними родоплеменными временами, когда создавались советы или собрания старшин родов и племен. В ранних государственных образованиях они становились совещательными органами при царе. Собрание старейшин – совещательный орган, созываемый царем, – упоминается в связи с первым армянским государством – Араттой (XXVIII–XXVII вв. до Р.Х.)» [21].

Таким образом, очень важно обратить внимание на то обстоятельство, что любой отсыл к ранним демократиям непосредственно связан с принятием совместных, и, как следствие, согласованных коллективных решений, чем и определяется их содержание.

Вполне логично, что уже в те далекие времена сложившаяся практика формирует основные принципы принятия общих решений, которые были возможны лишь при условии равного и свободного участия всех «равных среди равных» обладателей соответствующих прав. Следовательно такие демократические принципы, как равноправное и беспрепятственное (свободное) участие в согласованном решении различных вопросов общины, осуществляемая согласно воле большинства, существовали до возникновения первых политических. Говоря о тех далеких, доисторических временах, Ч. Тилли отмечает, что «отдельно взятые, некоторые формы широкого участия, некоторого равенства, согласования ... присутствовали в местных и региональных политиках» [22]. Пройдет еще достаточно времени, прежде чем, уже в период полисных демократий и прежде всего афинской, политико-правовое равенство и свобода станут восприниматься как неотъемлемые и основополагающие принципы демократического устройства государства.

В свете представленных умозаключений, скорей всего следует признать обоснованность утверждений, что демократия, существовала при более простых догосударственных общежитиях, предшествующих полисному. И, хотя никто не оспаривает греческое происхождение термина «демократия», но именно по указанным выше причинам, многие ученые все же отрицательно относятся к присвоению грекам исключительных прав на изобретение демократии.

Нет никаких сомнений, что подобные демократии, которые представляли собой лишь простую форму принятия коллективных решений, не были структурированы, не отличались системностью и не имели постоянно действующей организации. Собрание созывалось тогда, когда возникала такая необходимость. Тем временем политическая система демократических Афин представляла собой сложноорганизованную систему взаимодействия государственных органов и институтов, каждая из которых выполняла отведенную ей функцию.

Кроме того, будет не лишним обратить внимание еще на одну отличительную особенность афинской демократии от ей предшествующих. Указанное отличие непосредственно связано с самим понятием «государственного устройства», а точнее, со значением, которое вкладывали в нее античные мыслители. Согласно Аристотелю: «Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства» [23].

Как видно из определения Стагирита, государственное устройство имело непосредственное отношение к пониманию и психологическому представлению о власти, которая может принадлежать одному, нескольким, а в случае демократии – большинству.

В этой связи мы полагаем, что в ранних, догосударственных обществах решения, принятые согласно воле большинства, не осознавалась как некая форма власти. Скорей всего, такая практика воспринималась древними как справедливый способ принятия решений, а психологическое представление о коллективной власти возникло позже, в период установления греческих полисных демократий и Римской республики. Не случайно Роберт Даль обращает внимание на то обстоятельство, что «так или иначе, афиняне и другие греческие племена применяли понятие *demokratia* по отношению к системе власти в Афинах и во многих других городах-государствах» [24]. А ведь это стало возможным лишь после того, как демократическая форма принятия решений при широком участии граждан начала восприниматься как власть демоса, и тем самым противопоставляться власти одного или нескольких.

Анализ корреляция исследуемых подходов

Рассмотрев предложенные подходы, далее нам необходимо выяснить, какой из альтернатив объективно следует отдать предпочтение, а какую опровергнуть или отклонить по причине неубедительности и даже ложности. Однако, такая установка для решения нашей задачи оказывается неверной, и вот почему. Если внимательно проанализировать оба подхода, то становится понятно, что аргументация сторон выглядит в равной степени убедительно, а их притязания на объективность – вполне законными. Иначе говоря, речь идет о верности обеих суждений. Но тогда спрашивается, при каком условии это возможно? Очевидно, что такое может иметь место лишь тогда, когда объективность одного подхода не приводит к ложности другого, и тем самым признается верность и того и другого. А для этого, в свою очередь, необходимо, чтобы основные положения обоих суждений, касательно нашей проблематики, не противоречили друг другу.

По-видимому, именно с такого рода суждениями мы имеем в нашем исследовании. Обратим внимание, что первая группа авторов, которые утверждают, что в Афинах была установлена первая демократия, говорит о демократическом устройстве города-государства, где основные политические решения принимались большинством участников народного собрания. То есть, на современном научном языке, речь идет о демократии как политической системе. Тем временем, вторая группа, в данном контексте, понимает под демократией всего лишь простой способ принятия коллективных решений, который предшествовал полисному опыту.

Таким образом, несмотря на то, что обе стороны апеллируют к демократии, понятно, что речь идет о двух различных ее формах или видах, одна как простой способ принятия коллективных решений, а вторая как государственный строй, практикующий тот же способ. При этом, очевидно, что их демократическое родство определяется исходя именно из способа принятия совместных решений, что и является сущностным или субстанциональным началом демократии. Иными словами, эти демократии содержательно тождественны относительно принципа принятия решений, но все же различны по уровню сложности организации.

А поскольку представленные позиции сторон относительно первой демократии обращены к ее различным формам, то в нашем случае они не противоречат друг другу, что делает их коллизию ничтожной.

Заключение

В работе было выделено два отличных друг от друга подхода относительно проблем исторически первой демократии. Хотя они и позиционируются как антагонистические, стремясь оспорить друг у друга право на объективность, по результатам исследования было показано, что такая оценка преждевременна и несостоятельна, поскольку, формулируя свои позиции, стороны говорят о различных формах демократии. А из этого с очевидностью вытекает, что выносимые о первенстве этих демократий суждения не противоречат и не исключают друг друга, т.е. верность одного, не приводит к ложности второго.

Дело в том, что предположим, нам необходимо выяснить, в каком из двух греческих городов-государств впервые был установлен демократический строй – в Афинах или Абдерах. Очевидно, что в результате ответ на поставленный вопрос предполагает одну из альтернатив: или Абдеры, или Афины, т.е. одно исключает другое. Но когда суждения не противоречат друг другу, это «или» снимается, а поскольку их противопоставление не приводит обязательно к исключению одного другим, то оба суждения могут быть равной степени верны. Это означает, что формула «или то, или другое» может быть заменена формулой «и то, и другое», в зависимости от поставленного вопроса.

Если ставить вопрос, о первенстве афинской или догосударственных форм демократии, ответ несомненно будет положительным и в том, и в другом случае, поскольку при такой постановке вопроса уточняется, о какой форме демократии идет речь, оба суждения справедливо верны и не исключают друг друга. Следовательно, если полагать, что демократия Афин была первой как государственный строй, то такое полагание вовсе не исключает первенство первобытной демократии. Ведь нет сомнения, что государственный строй подразумевает, в известной степени, гораздо более сложную и развитую организацию, чем практика простого голосования и подведения итогов посредством подсчета голосов. Очевидно и то, что демократический способ принятия совместных решений сам по себе существовал гораздо раньше полисных демократий, на том основании, что простое всегда предшествует сложному. Конечно же, невозможно поверить, – пишет Джон Данн, – что практика собираться вместе на публике, чтобы обсудить, что нужно делать, в тех или иных масштабах или на тех или иных основаниях не возникла и не сохранялась на любом из континентов, заселенных людьми, и что это не произошло за долго до тех времен, для которых у нас имеются письменные свидетельства, демонстрирующие, как участники обращались друг с другом [25]. Хотя сложно сказать, где и когда возник первый демократический опыт в истории человечества, но очевидно, что второе суждение не менее верно, чем первое.

Обобщая сказанное, следует отметить, что сторонники первого подхода скорее всего правы в том отношении, что считают афинскую демократию первым опытом демократического устройства государства, но и вторые объективны в своих притязаниях, поскольку первобытная демократия, как способ совместного принятия решений, является первой исторической практикой вообще.

При этом необходимо принять к сведению и не акцентировать внимание на утверждении первенства афинской демократии с точки зрения исторической датировки, так как не исключено, что впоследствии могут быть представлены доказательства более ранних демократических устройств. Кроме того, известно, что начальная дата установления демократии в Афинах по сей день оспаривается, поскольку одни специалисты относят ее к реформам Солона, в то время как большинство – к законодательным преобразованиям Клисфена, а некоторые считают, что она была установлена олимпийцем Периклом.

Таким образом, следуя основной задаче исследования, ограниченного рамками чисто теоретических изысканий, была предпринята попытка внести ясность в научную полемику касательно первой демократии. Причем ее позитивное решение, помимо всего прочего, было сопряжено с необходимо-

стью выявить и обозначить содержательную сторону демократии, которая заключается в совместном принятии коллективных решений и является ее основополагающей субстанцией. Заметим, что данный факт является важным пунктом на пути решения одной из самых сложных политологических проблем – определения термина «демократия».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: «Ладомир», 2004. С. 20.
2. *Мирумян К.А.* К вопросу о личных правах и свободах граждан в Афинской демократии // Մարդու իրավունքների և ժողովրդավարության հիմնահարցեր (հոդվածների ժողովածու). Եր.: «ԼԻՆԳՎԱ», 2004: С. 78.
3. *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Предисловие к изданию 1994г. // Лисий Речи / Пер., статья, коммент. С.И. Соболевского; предисл. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М.: «Ладомир», 1994. С. 10.
4. *Соболевский С.И.* Лисий и его речи // Лисий Речи / Пер., статья, коммент. С.И. Соболевского; предисл. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М.: «Ладомир», 1994. С. 41.
5. *Лисий.* Речи / Пер., статья, коммент. С.И. Соболевского; предисл. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М.: «Ладомир», 1994. С. 61.
6. *Фукидид.* История / Отв. ред. Боровский. Л.: «Наука», 1981. С. 80.
7. *Колобова К.М., Глускина Л.М.* Очерки истории Древней Греции. Пособие для учителя. Л.: Госучпедиздат, 1958. С. 192.
8. Там же. С. 193.
9. *Мирумян К.А.* К вопросу о личных правах и свободах граждан в Афинской демократии // Մարդու իրավունքների և ժողովրդավարության հիմնահարցեր (հոդվածների ժողովածու). Եր.: «ԼԻՆԳՎԱ», 2004: С. 84.
10. *Колобова К.М., Глускина Л.М.* Очерки истории Древней Греции. Пособие для учителя. Л.: Госучпедиздат, 1958. С. 193.
11. *Аристотель.* Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 441.
12. *Мирумян К.А.* К вопросу о личных правах и свободах граждан в Афинской демократии // Մարդու իրավունքների և ժողովրդավարության հիմնահարցեր (հոդվածների ժողովածու). Եր.: «ԼԻՆԳՎԱ», 2004: С. 83.
13. *Демосфен.* Речи: В 3 т. Т. I / Отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. М.: Памятника исторической мысли, 1994. СС. 282–283.
14. *Данн Д.* Не очаровываться демократией [Текст] / Джон Данн, пер. с англ. И. Кушнareвой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 66.
15. *Даль Р.* О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 15.
16. Там же. С. 15.
17. *Хеффе О.* Есть ли будущее у демократии? О современной политике / О. Хеффе; пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 77.
18. *Данн Д.* Не очаровываться демократией [Текст] / Джон Данн, пер. с англ. И. Кушнareвой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 67.
19. *Даль Р.* О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 39–41.

20. *Тилли Ч.* Демократия / Пер. на рус. язык Т.Б. Менской. М.: Институт общественного проектирования, 2007. С. 46.
21. *Мовсисян А.* Ашхаражохов: высшее совещательное собрание Армении // «21-й ВЕК». 2006. № 2 (4). С. 174.
22. *Тилли Ч.* Демократия / Пер. на рус. язык Т.Б. Менской. М.: Институт общественного проектирования, 2007. С. 46.
23. *Аристотель* Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 457.
24. *Даль Р.* О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Аляринского. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 17.
25. *Данн Д.* Не очаровываться демократией [Текст] / Джон Данн, пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. СС. 67–68.

PROBLEMS OF THE ORIGINS OF DEMOCRACY: ON THEORETICAL ANALYSIS OF ATHENIAN PRACTICE

A. Ter-Vardanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article is devoted to the theoretical analysis of two approaches to the study of the problem of the first democracy. One group of researchers believe that historically the first democracy was established in Athens, while the second argue that democratic practice existed much earlier than the first city-states appeared, thereby speaking out against assigning the Greeks an exclusive right to create democracy. In view of this, the subject of the study is the analysis of these approaches and their connection with each other.

The relevance of the work is determined by two main principles. Firstly, it provides an opportunity to bring some clarity to the discourse regarding the problem of the first democracy, since the presented approaches only seem antagonistic on the surface, but as a result of the analysis it becomes obvious, that this is far from the case. And, secondly, the work directly reveals the substantive side of the concept of democracy, which, in turn, is an important point for defining the term “democracy”.

Keywords: Athenian democracy, first democracy, primal democracy, co-decision making, substance of democracy.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-69-82
УДК 34

Поступила: 03.06.2024г.
Сдана на рецензию: 06.06.2024г.
Подписана к печати: 30.10.2024г.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ФОРМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

М.А. Манукян

*Ереванский университет «Гладзор»
martin_manukyan_1955@mail.ru
ORCID:0009-0002-3636-6701*

АННОТАЦИЯ

В данной статье, сопоставив различные теории и интерпретации в политологической и юридической литературе о парламентаризме как форме представительной демократии, дается собственное определение парламентаризма, подчеркивая, что в конституционной основе парламентаризма заложен основополагающий принцип принадлежности власти только народу, автор статьи заметил, что парламентаризм и как учение (доктрина), и как институт выдержал все испытания прошлого века и оказался прочнее своего преемника. Отмечая, что в силу особенностей формы правления в политических системах стран мира современный парламентаризм предстает в ряде разновидностей, в статье не только дана характеристика каждой из них, но и справедливо сделан вывод о том, что, несмотря на разнообразие современных разновидностей парламентаризма, государственная практика не признает чистых моделей парламентаризма.

Ключевые слова: парламентаризм, правительство, «развитый», «ограниченный», «имитационный», «рационализированный», «министерский», «разделенный», «монистический», «неоконченный», «относительно чистый», парламентаризмы.

Теоретическое осмысление принципов парламентаризма началось в Европе в эпоху Просвещения. Так, в Англии, Джон Локк в своих «Двух трактатах о правлении» подчеркивает: «...люди обнаружили, что их собственная безопасность не гарантирована... и что они не могут пользоваться ни безопасностью, ни отдыхом и не могут считать себя живущими в гражданском обществе до тех пор, пока законодательная власть не будет передана под управление коллективного органа, независимо от того, как он будет называться: сенат, парламент или как-нибудь еще» [1].

С середины XIX века парламентаризм закрепляется в конституциях многих стран мира, в которых источником власти признается именно народ, а в конституционно-правовой основе лежит принцип, согласно которому власть принадлежит только народу¹.

Одним из наиболее последовательных сторонников осуществления народом функций власти посредством демократии был Жан-Жак Руссо, который рассматривал прямую демократию как политический идеал. По его мнению, законодательная власть должна принадлежать непосредственно Национальному собранию, остальные органы власти должны быть ему безоговорочно подчинены и должны «быть не только мягким оружием в руках законодателя, но и избираться суверенным народом», нести полную ответственность перед ним, а также в любое время быть замененным тем же народом» [2]. Более того, Жан-Жак Руссо отрицал представительную форму власти, утверждая, что «народ может представлять только сам народ» [3].

Шарль Монтескье в своих исследованиях подчеркивал, что прямое осуществление власти народом невозможно в крупных государствах, а в малых государствах оно связано с определенными трудностями, поэтому возникает необходимость создания органа народного представительства. А избранные представители, по его мнению, должны с лучшими результатами обсуждать наиболее значимые для государства вопросы. При этом он утверждал, что представительное собрание «должно быть избрано не для принятия активных решений, а для принятия законов или для проверки того, соблюдаются ли уже принятые им законы...» [4]. Вместо народной законотворческой деятельности более предпочтительно, по мнению Монтескье, принятие законов представителями того же народа, поскольку «представители имеют возможность совместно обсуждать вопросы, прежде чем решать их» [5].

И прямая, и представительная демократия имеют одну общую основу: народ с его волеизъявлением. Поэтому нельзя согласиться с английским политологом А. Дэйси, который отделяет представительную демократию от прямой, отмечая, что «замена власти парламента властью народа будет означать взятие управления страной из рук сознания и передача его в руки невежества». На наш взгляд, правильным является сочетание указанных форм демократии. Более того, мы считаем, что государство будет иметь предпосылки для развития как правового государства только в том случае, если принципы прямой и представительной демократии будут сочетаться и дополнять друг друга. Конечно, в демократическом государстве должно быть обеспечено право принятия наиболее важных, значи-

¹ Подобные нормы содержатся в Конституции Франции от 3 июня 1958 года, в Основном законе ГДР от 23 мая 1949 года, в Конституции Италии от 22 декабря 1947г. в Конституция Испании от 27 декабря 1978г. и в конституциях других демократических стран.

мых решений непосредственно народом (прежде всего, посредством референдума, при обсуждении вопросов, связанных с общим развитием государства и интересами всего населения страны). При этом текущие вопросы государственной жизни могут решаться представительными органами, избираемыми на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования посредством правотворческой деятельности. По словам О. Булакова, именно народное представительство способно реализовать волю народа при решении того или иного государственного вопроса [6].

Парламентаризм как форма представительной демократии представляет собой общее понятие, не имеющее четкого определения и интерпретации в политической науке и юридической литературе. Существует множество его определений, которые условно можно разделить на четыре группы.

Первая группа ученых рассматривает парламентаризм как систему организации государственной власти в условиях разделения властей [7]. «Парламентаризм – это особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на разделении властей, господствующих принципах права, в условиях главенствующей роли парламента и направленная на установление и развитие правовой системы социальной справедливости» [8].

По словам И. Рыбкина – парламентаризм «...политический строй, при котором суверенная воля народа находит свое воплощение в высшем представительном органе, избираемом на основе всеобщего и тайного голосования, осуществляющем законодательную деятельность, контроль над органами исполнительной власти и гарантирует защиту как большинства, так и меньшинства граждан» [9].

Специалисты второй группы видят парламентаризм только в разделении (отделении) властей. Своеобразное определение понятию «парламентаризм» дали И. Козлов и О. Кутафин, которые рассматривают его как «четкую систему управления народа государством, характеризующуюся разделением законодательной и исполнительной власти, где парламенту принадлежит значительная политическая и идеологическая роль» [10]. Они утверждают, что «...парламент и парламентаризм – понятия взаимосвязанные, но никогда не тождественные. Парламентаризм не может существовать без парламента. В то же время парламентаризм не может существовать без важнейших элементов парламентаризма, к которым относятся разделение власти на ветви, представительство и легитимность» [11].

Точка зрения третьей группы состоит в том, что парламентаризм существует только в условиях доминирующей роли парламента. Таким образом, некоторые ученые считают, что парламентаризм – это форма правления, при которой законодательный орган имеет преимущество перед другими государственными органами, а власти разделены. В этом отношении к серьезному

научному выводу пришел М. Баглай. «Парламентаризм – форма государственного управления, для которой характерна доминирующая роль парламента в координации высших органов государственной власти, контроль последних над исполнительной властью, разделение законодательной и исполнительной работы, высший статус депутатов и их юридическая независимость от избирателей» [12].

И, наконец, выражающий точку зрения **четвертой группы**, М. Бихари считает, что концепция современного парламентаризма базируется на том принципе, что «...парламентская власть и парламентаризм, как уникальная структура власти и система власти, являются частью партийной системы, в условиях которой партии борются против друг друга за власть в парламенте» [13]. Отметим, что данный подход отличается от традиционной концепции парламентаризма тем, что центр тяжести парламентаризма смещается на уровень партийной борьбы и позиции политических сил в парламенте.

Юрист С. Авакян дает следующее определение парламентаризму: «Это постоянная и особая деятельность представительных органов» [14].

Парламентаризм рассматривается как в широком, так и в узком смысле. По мнению Н. Работяжева, парламентаризм в широком смысле – это система государственной власти, в которой существенная роль принадлежит демократическому представительству. В узком смысле парламентаризм рассматривается как политическая система, основанная на принципе разделения властей, где доминирующая роль принадлежит парламенту – высшему представительному, законодательному и контрольному органу [15].

Большинство ученых-конституционалистов считают, что само существование парламента в государстве не означает, что там существует парламентаризм как система. Мы согласны с мнением С. Баглая, согласно которому парламентаризм активен, динамичен и обеспечивает непрерывное развитие, если парламент принадлежит к высшей законодательной власти, если на него возложена функция руководства Правительством или назначения всего Правительства, если он имеет функцию контроля над органами исполнительной власти, может отправить в отставку президента страны, выразить недоверие Правительству, если соблюдается принцип разделения властей, государственные органы формируются посредством свободной избирательной системы, в стране действует идеологический плюрализм и многопартийность, депутаты юридически независимы от избирателей, а парламент играет особую и важную роль как высший законодательный и представительный орган [16].

Приоритет демократических ценностей в определении понятия парламентаризма можно увидеть в работах многих современных исследователей. Например, Э. Хьюбнер утверждает, что о парламентаризме можно говорить только с точки зрения демократического управления [17]. Некоторые авторы

просто заявляют, что парламентаризм есть не что иное, как «система представлений о демократических, общенародных ценностях государственно организованного общества» [18]. Разделяя мнение о том, что парламентаризм основан на демократических, общечеловеческих принципах (ценностях), **хотелось бы подчеркнуть, что парламентаризм – это прежде всего конкретное явление общественно-политической жизни многих государств современного мира, а не просто система представлений.** С позиций политической теории, в свою очередь, можно определить парламентаризм как форму народного представительства, в основе которой лежат общедемократические, универсальные системы ценностей, призванные обеспечить непосредственное участие граждан в решении важнейших вопросов государственной жизни. Следует отметить, что в конституционной науке нет единого взгляда на природу и сущность парламентаризма. Соглашаясь с наблюдением о том, что в его основе лежат демократические ценности, политологи по-разному определяют правовую природу парламентаризма. Согласно одному из распространенных взглядов, парламентаризм представляет собой особый тип формы правления: «Это такая институционально-функциональная форма организации государственной власти, при которой в роли выражения народного суверенитета и, следовательно, государственного суверенитета выступают высшие органы народного представительства, силой закона фиксирующие общие интересы и требования общественного развития» [19].

Однако, **на наш взгляд**, некорректно отождествлять парламентаризм с формой государственного управления, поскольку это более универсальное понятие. Оно включает в себя множество элементов различных форм правления (монархий и республик), обладает качествами демократической политической системы и может проявляться в разных государствах независимо от формы государственного устройства (унитарной или федеративной).

Определив парламентаризм в рамках формы организации государственной власти, мы приходим к необходимости разграничить понятия «парламентаризм» и «парламентская форма правления», считая, что это не тождественные понятия. Парламентская форма правления относится к парламентаризму так же, как частное к общему. Поэтому мы считаем, что парламентской формой правления можно назвать систему организации государственной власти, при которой орган народного представительства (парламент) формируется путем прямых, всеобщих, свободных, равных и периодических выборов, в рамках системы разделения властей между высшими органами государственной власти, обладает важнейшими правами и полномочиями и характеризуется высокой степенью взаимодействия правительства и парламента.

Понятие «парламентаризм» трактуется по-разному в конституционно-юридической литературе. «В современных исследованиях существует не-

определенность относительно содержательной характеристики понятия «парламентаризм». «Парламентаризм часто трактуют в очень широком смысле», – отмечает Р. Алимов, приравнивая представительную демократию (с формальной характеристикой – существованием парламента) вообще, когда парламентаризм является лишь одной из форм представительной демократии, наряду с президентской и смешанной формами правления [20].

«Современный парламентаризм – сложное социально-политическое и государственно-правовое явление», – констатирует Г. Махачев, несмотря на то, что в последние годы многие государственные, политические и общественные деятели, юристы, политологи, ораторы часто используют понятие «парламентаризм», до сих пор сохраняется неопределенность в его содержательной характеристике [21].

Известный российский юрист П.Г. Мижуев определял парламентаризм в начале XX века как «такую организацию государственного управления или, точнее, такие отношения между законодательным собранием и исполнительной властью, при которых роль парламента является доминирующей» [22]. Аналогичной позиции придерживаются многие современные исследователи. «Парламентаризм, – читаем мы в одной из юридических энциклопедий, – это система организации и деятельности высшей государственной власти, для которой характерно разделение законодательных и исполнительных функций, с привилегированным положением парламента» [23].

«Парламентаризм», подчеркивают авторы «Большого юридического словаря», – «система управления, характеризующаяся четким разделением законодательных и исполнительных функций, формальным верховенством представительного законодательного органа-парламента – над остальными органами государственной власти» [24].

«Парламентаризм – это система организации и функционирования высшей государственной власти, – обобщает Р. Алимов, – для которой характерно разделение законодательных и исполнительных функций, привилегированное положение парламента». При парламентаризме правительство формируется парламентом из числа членов партии, имеющей большинство в парламенте, и подотчетно им [25].

«Парламентаризм – это форма представительной демократии и организации государственной власти», – говорит У.Ф. Алеман, – в ходе которого парламент играет ведущую роль в политической системе» [26].

Существуют и другие взгляды на концепцию парламентаризма. «В правовой теории парламентаризма» К. Соколова, «парламентское государство можно определить как представительное государство, глава которого при осуществлении своих представительских привилегий связан такой конституционной нормой, которая требует постоянного приспособления политики правительства к желаниям большинства парламента» [27].

«Парламентаризм, по мнению Л. Вегера, структура обратной связи в процессе развития общества, форма опосредованной демократии, при которой выражение воли народа осуществляется через промежуточное звено-парламентский орган [28].

По мнению А. Денисова, «парламентскими, в истинном смысле этого слова, можно назвать только те государства, в которых нормы парламентаризма составляют неотъемлемую часть их конституционного права, все остальные представительные государства, как бы сильны ни были тенденции Парламентаризм, присутствующие в них, должны быть отнесены к непарламентскому типу» [29].

По мнению Линца, «парламентаризм-явление многослойное, которое неизбежно проявляется во взаимных связях многих слагаемых: с одной стороны, это принцип представительства в государственном управлении, с другой стороны, принцип организации общественной жизни, достигнутый уровень прав, обязанностей и свобод граждан». Поэтому парламентаризм можно определить как независимый демократический механизм реализации интересов ведущих социальных слоев общества (которые декларируются как национальные интересы) [30]. «Парламент и парламентаризм-понятия взаимосвязанные и взаимозависимые, но вовсе не тождественные. Парламентаризм не может существовать без парламента, это высшее качество парламента. «Парламент может существовать без существенных элементов парламентаризма, которые характерны для авторитарных режимов» [31], – продолжает автор.

Отметим, что в юридической литературе как определяющая черта парламентаризма чаще всего упоминаются его верховенство и первостепенная роль в системе органов государственной власти. Мы не полностью разделяем такую точку зрения даже в тех случаях, когда речь идет о «формальном верховенстве парламента». Действительно, при осуществлении некоторых наиболее важных полномочий позиция Парламента может иметь решающее значение. Однако отметим также, что полномочиями наделены и другие органы высшей государственной власти, которые при их осуществлении уже пользуются правом первенства. Иными словами, в условиях парламентаризма балансирование государственных полномочий становится особенно важным, когда ни один из органов высшей государственной власти не имеет возможности осуществлять его в одиночку. **Следовательно, одной из особенностей парламентаризма является необходимость выработки совместной стратегии в сфере государственного управления между различными государственными (законодательными и исполнительными) органами.** Иными словами, можно говорить о «компромиссном характере» взаимоотношений между различными ветвями власти в период парламентаризма. Парламентская система предполагает, что власть народа должна признаваться исключительно и только как верховенство, поскольку в этом случае источником

государственной власти будет народ, а власть государственных органов является производной от власти народа. В подтверждение сказанного М. Бихари отмечает: **«Власть принадлежит не парламенту, а народу, парламентская власть в данном случае является всего лишь уполномоченной властью, потому что только народ является суверенным, а парламент лишь воплощает этот суверенитет, не внося никаких изменений в предмет своей власти»** [32]. По нашему мнению, такой подход справедлив и для других органов высшей государственной власти.

Подводя итог изложенному, мы предлагаем следующее определение: «Парламентализм – это система отношений в сфере государственной власти, реализующаяся в условиях демократического общества с высоким уровнем политической и правовой культуры и на основе которой народное представительство как выражение государственного суверенитета занимает одно из ведущих мест в системе государственного управления и вместе с другими государственными институтами оказывает решающее влияние на процесс выработки государственной политики в системе разделения (отделения) властей».

В современных условиях можно выделить общие правила, особенности, с помощью которых, на наш взгляд, можно будет выяснить не только парламентскую природу государства, но и раскрыть сущность столь сложного и противоречивого явления как парламентаризм, со своими особенностями. На наш взгляд, уместно выделить следующие черты, характерные для современного парламентаризма:

- наличие представительного института (парламента),
- свободные, всеобщие, равные выборы как способ формирования представительного института,
- верховенство закона,
- принцип разделения (отделения) властей с эффективной системой «сдержек и противовесов»,
- обязательное согласование политики правительства и политических приоритетов парламента,
- свободный мандат депутатов.

Важной особенностью парламентаризма является обязательное согласование политики правительства и политических приоритетов парламента, а это значит, что при парламентском правлении исключается существование правительства, лишённого доверия парламента. Было бы неправильно думать, что правительство в этом случае теряет свою независимость и превращается в государственный орган, зависимый от парламента. Политика правительства, поддерживаемая парламентским большинством, разрабатывается в первую очередь самими министрами, а при выполнении требований парламентского большинства исполнительная власть получает воз-

возможность в зависимости от обстоятельств вносить свои коррективы (предлагать свою собственную стратегию развития государства), убеждая парламентское большинство в своей правоте [33].

Вновь возвращаясь к теоретическому смыслу принципов парламентаризма, следует отметить, что для сторонников парламентаризма протяжении всего XIX века британский парламентаризм был своего рода маяком, а к концу XIX–XX веков парламентаризм, будучи «очищенным» от олигархических или аристократических примесей, получил конституционное закрепление почти во всех государствах, появившихся сразу на политической карте Европы.

Не была исключением и дореволюционная Россия, где среди русской либеральной интеллигенции рос интерес к парламентаризму. Один из его сторонников, известный юрист и социолог М.М. Ковалевский, считая, что «парламентское управление есть управление страной посредством требований общественного мнения и лиц, считающихся руководителями большинства нации», считал парламентаризм короной конституционной монархии. Он написал: «Парламентаризм восполняет пробелы и недостатки монархии и всех форм правления вообще или тех, кто открыто придерживается принципов разделения властей» [34].

Другой российский конституционалист С.А. Котляревский видел главное достоинство парламентаризма в достижении согласия между парламентом и правительством, написав, что «Исполнительная власть согласовывает свои действия с коллективной волей народных представителей, которая устанавливает гармонию между самим законом и его реализация» [35].

В свою очередь, представитель партии кадетов, видный юрист В.М. Гессен считал, что парламентаризм является «*sine qua non*» и необходимым условием правового государства. «Дуалистическая или парламентская структура государственной власти определяется не неписаным законом, а нормами конституционного права, которые создаются под полным влиянием политической жизни страны».

«В идеальном государстве человек является объектом власти, в конституционном государстве-субъектом права. Там он подданный, здесь он гражданин. Будучи гражданином, каждый человек имеет права и обязанности. Главным из них является право на личный суверенитет, которое является основой прав, закрепленных во всех демократических конституциях. Правовое государство признает известную сферу индивидуальной свободы, за пределы которой вмешательство государства не может распространяться» [36], – писал государственный деятель В.М. Гессен.

Его академический партнер, а также представитель партии кадетов Н.И. Лазаревский видели суть парламентаризма в политической ответственности министров: «Наиболее значимым видом влияния народного представительства на управление является парламентаризм, который воспринимается

как ответственность министров перед парламентом, где они отвечают не только за законность своей деятельности, но и за политическую направленность, заданную парламентом в лицо своего большинства» [37].

С Н. Лазаревским согласен профессор А.С. Алексеев, который пишет: «Ответственность министров настолько тесно связана с конституционностью, что составляет ее основу; Конституция неполна без ответственности министров, она является краеугольным камнем конституционного государства» [38]. Доказывая, что политическая ответственность является мощным оружием участия, он подчеркивает необходимость ее дальнейшего расширения. «Рядом средств, с помощью которых реализуется эта ответственность, освещается положение дел внутри государства. «Мрак тайны рассеивается и методом критики многое становится ясным, многое можно предотвратить и исправить, и многое приобретет иной свет и направление. Политическая ответственность дополняет, а во многих случаях заменяет судебную ответственность» дополняет, а во многих случаях заменяет судебную ответственность» [39].

Глубокий анализ парламентаризма был сделан в работах российского конституционалиста К. Н. Соколова. Считая, что сущность парламентаризма — это не только его внешние проявления, он писал: «Государство, где правительство считает себя обязанным следовать указаниям парламента в своей политической программе, где противоположные действия правительства воспринимаются населением как нарушение конституции, является парламентским государством» [40].

Однако отметим, что основоположники марксизма-ленинизма решительно возражали против разделения законодательной и исполнительной власти.

К. Маркс критиковал парламентаризм за формальность гарантируемых им прав и свобод. В свою очередь, Ф. Энгельс саркастически заметил: «Неизлечимая болезнь-парламентский кретинизм, несчастные жертвы которого вдохновляются верой в то, что весь мир, его история и будущее управляются и определяются большинством голосов того самого представительного учреждения, которое имело честь иметь их в качестве своих членов».

Отрицательно относился к парламентаризму и В.И. Ленин, написав: «Парламенты превращаются в рупоры и болтающие корпорации. Решать каждые несколько лет, кто из представителей правящего класса будет угнетать и топтать народ, — вот смысл буржуазного парламентаризма не только в парламентско-конституционных монархиях, но и в демократических республиках». В качестве парламентской альтернативы он выдвинул модель Советов.

При всем этом парламентаризм и как учение (доктрина), и как институт выдержал все испытания прошлого столетия. Он оказался более прочным, чем его замена.

Парламентаризм XXI века многогранен. В силу особенностей политического устройства (режима) и формы правления в политических системах

стран мира современный парламентаризм предстает как «развитый», «ограниченный», «имитационный», «рационализированный», «министерский», «разделенный», «монистический», «неполный», «относительно чистый» и другие разновидности, отличающиеся друг от друга относительным весом властных полномочий (юрисдикций) законодательного органа, главы государства и правительства в общем объеме публичной власти [41].

В частности:

Развитый парламентаризм может существовать только в демократическом обществе, где существуют такие фундаментальные элементы парламентаризма, как принцип разделения властей и верховенства закона, традиции парламентаризма, зрелое политическое общество и многопартийная система.

Ограниченный парламентаризм характерен для такого общества, где хотя и провозглашаются основные демократические принципы, но степень их полноты и реализации носят иллюзорный характер.

В условиях **имитационного парламентаризма** происходит монополия власти и политики, управление осуществляется произволом, роль представительных учреждений и оппозиции снижается, автономия партий и гражданских институтов нарушается и, как следствие, результатом всего этого является имитация парламентаризма.

Рационализированный парламентаризм включает в себя элементы, характерные для полупрезидентской формы правления и направленные на усиление президентской власти. Эта разновидность парламентаризма впервые Эта разновидность парламентаризма впервые была реализована во Франции. В этом случае сильная президентская власть сочетается с парламентским надзором за деятельностью правительства. Двойная ответственность правительства перед президентом и парламентом считается одной из характерных черт этой разновидности парламентаризма.

Министерский парламентаризм основан на совместимости в правительстве с сохранением мандата депутата. Это позволяет не только представителям правящей партии (партий), но и наиболее влиятельным депутатам парламентского большинства работать в правительстве и тем самым контролировать парламент, получая партийную поддержку.

Разделенный парламентаризм характерен для таких обществ, где отношения между парламентом и главой государства основаны на жестком разделении властей, их независимости и взаимозависимости системы сдержек и противовесов.

Хотя **монистический парламентаризм** основан на тех же принципах парламентаризма, в этом варианте глава государства не имеет политической власти.

При **неполном парламентаризме** действует парламентский принцип формирования правительства, но политическая ответственность правительства перед парламентом отсутствует.

Относительно чистый парламентаризм характеризуется парламентским управлением и монистическим парламентаризмом, которые опираются на верховенство парламента.

Несмотря на разнообразие современных разновидностей парламентаризма, следует отметить, что государственная практика не признает чистых моделей парламентаризма.

Парламентаризм невозможно представить без постоянного представительного органа, избираемого путем свободных выборов, который, оказывая реальное влияние на жизнь государства, пользуется безоговорочной поддержкой значительной части общества.

Концептуально парламентаризм основан на принципе народного суверенитета. Соответственно, народ всегда обладает верховной властью и будет использовать ее тогда, когда посчитает нужным. Народ по-прежнему остается единственным источником власти, а парламент призван быть выражением суверенитета последнего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парламенты: сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира / Пер. с англ. М., «Прогресс», 1967. СС. 423–432.
2. *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 232.
3. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 222.
4. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 298.
5. Там же. С. 167.
6. *Булаков О.Н.* Парламентское право. М., 2004. С. 35.
7. Большой юридический энциклопедический словарь, М., 2004. С. 425.
8. Парламентское право России. М., 1999. С. 5.
9. *Рыбкин И.П.* Становление и развитие парламентаризма в России. Автореферат дисс. доктора политических наук. М., 1991. С. 3. См. также: *Онишко Н.* Парламентаризм как конституционно-правовой институт // «Журнал Российского права», 2003, № 4. СС. 35–43. *Пересыпкин А.* Некоторые аспекты исследования конституционного правосознания. «Государство и право», 2005, № 1. СС. 92–97.
10. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России. М., 1995. С. 337.
11. Там же.
12. *Баглай М.В.* Конституционное право РФ. М., 1998. С. 424.
13. *Бихари М.* Парламентаризм. Мировая политики. Суждения и оценки западных политологов. М., 1992. С. 43.
14. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 21.
15. *Работяжев Н.В.* Парламентаризм // «Политическая энциклопедия», М., 1999. С. 112.

16. Баглай М.В., Туманов М.В. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С.79. Романов Р.М. Понятия и сущность парламентаризма // «Социально-политический журнал», 1998, № 4; Парламентское право России, М., 1999. С.134. Российский парламентаризм, история и современность. М., 2000. С. 47. Beer S.H. The British Legislature and Problem of mobility Conccent // Legislatures. Oxford, 1990 и т.д.
17. Любнер Е. Парламентаризм и представительная система // «Полис», 1992, № 3. СС. 40–44.
18. Тихомиров Д.В. Становление и развитие российского парламентаризма (Исторический аспект): Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Рос.экон. акад. М., 1997. С. 9.
19. Бацев Ю.Н. Парламентаризм в России: теоретико-правовые и организационные аспекты. Автореферат дисс. канд. юр. наук. 12. 00. 02 / Рос.академия государственной службы при Президенте РФ. М., 1998. С. 12.
20. Алимов Р. Парламентаризм: опыт зарубежных стран, т. 2, Ташкент, 2002. С. 36.
21. Махачев Г. Необходимость и условия формирования парламентаризма // «Право и жизнь», 2000, № 31. С. 24.
22. Мижуев П. Парламентаризм м представительная форма правления в главных странах современной Европы. СПб., 1906. С. 6.
23. Юридическая энциклопедия. М., 2002. С. 365.
24. Большой юридический словарь. М., 1999. С. 473.
25. Алимов Р. Парламентаризм: опыт зарубежных стран, т. 2, Ташкент, 2002. С. 37.
26. Алеман У. Парламентаризм М., 1993, № 3. С. 18.
27. Соколов К. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб., 1912, С. 400.
28. Вегер Л. Закат парламентаризма. URL: lib.helios-tv.ru, 2003.
29. Денисов А. Сущность и формы государства. М., 1960. С. 18.
30. Линц Д.К. Парламентарные системы правления // «Информационно-аналитический бюллетень», 2000, № 7. С. 19.
31. Там же. С. 33.
32. Бихари М. Парламентаризм. Мирровая политики. Суждения и оценки западных политологов. М., 1992. С. 42.
33. Ковалевский М.М. Что такое парламент. СПб., 1906. С. 65.
34. Там же. С. 98.
35. Котляревский С.А. Власть и право: проблема правового государства. М., 1915. С. 243.
36. Гессен В.М. Основы конституционного права: Петроград: Юрид.кн.скл. «Право», 1918.
37. Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений// Конституционное государство: Сб. ст. 2-е изд. СПб., 1905.
38. Алексеев А.С. Парламентаризм в России: Идеи и решения //Вестник Моск. у-та.Сеп. «Право», 2006. С.7.
39. Автономов А.Б. Российский парламентаризм. М., 2000.
40. Соколов К.Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб.: Тип. «Реч. труд», 1912. С. 168.
41. Парламенты: равнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира / Пер. с англ. М., «Прогресс», 1967. С. 454.

PARLIAMENTARISM AS A FORM OF REPRESENTATIVE DEMOCRACY

М. Манукян
Yerevan University "Gladzor"

ABSTRACT

In this article, comparing various theories and interpretations that exist in political science and legal literature within the framework of a representative democratic form of parliamentarism, giving his own characteristics of the definition of parliamentarism, emphasizing that the constitutional basis of parliamentarism contains the fundamental principle that power belongs only to the people, the author of the article noted that parliamentarism as a teaching (doctrine) and as an institution, has withstood all the tests of the last century and has proven itself to be stronger than the one that was presented as a replacement. Commenting that in the political systems of the countries of the world, due to the peculiarities of the form of government, modern parliamentarism comes in several varieties, the article not only provides a description of each of them, but rightly concludes that despite the variety of modern varieties of parliamentarism, state practice does not recognize pure models of parliamentarism.

Keywords: parliament, parliamentarism, government, "developed", "limited", "imitation", "rationalized", "ministerial", "diluted", "monistic", "unfinished", "relatively pure" parliamentarisms.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-83-89
УДК 343

Поступила: 13.08.2024г.
Сдана на рецензию: 17.08.2024г.
Подписана к печати: 10.09.2024г.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ С БЛАНКЕТНЫМИ УГОЛОВНО- ПРАВОВЫМИ НОРМАМИ

Д.П. Аветисян

Российско-Армянский (Славянский) университет
diana.avetisyan.01@inbox.ru
ORCID: 0009-0008-8991-4832

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются теоретические и практические вопросы, связанные с использованием законодателем бланкетных составов или бланкетных признаков при установлении уголовной ответственности, а также их применение при квалификации преступлений. На основе изучения материалов судебной практики выявлены некоторые причины квалификационных ошибок при применении норм с бланкетными диспозициями, предложен алгоритм квалификации преступлений, связанных с нарушением специальных правил поведения.

Ключевые слова: уголовный закон, бланкетные нормы, уголовная ответственность, квалификация преступлений.

Наличие в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Армения составов преступлений с бланкетными диспозициями (в ряде случаев – бланкетными признаками) свидетельствует об особенностях дифференциации уголовной ответственности, связанных с предписаниями иной отраслевой принадлежности [1].

В новом Уголовном кодексе Республики Армения (далее – УК РА, принят 05.05.2021г., вступил в силу с 01.07.2022г.) вопрос об иных нормативно-правовых актах, как своеобразных источниках, решен следующим образом:

«Уголовное законодательство Армении состоит из настоящего Кодекса, международных договоров Армении и тех правовых актов Армении, которые содержат уголовно-правовые нормы или имеют значение для применения уголовного закона».

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 02.11.2006г. со ссылкой на Постановление от 24.05.2005г. № 122-О отметил следующее: «Согласно статье 15 (часть 3) Конституции РФ ограничения, затрагивающие права и свободы граждан и организаций, должны быть предусмотрены в законах и находящихся с ними в нормативном единстве правовых актах. Сам же по себе

бланкетный характер нормы не может свидетельствовать о ее неконституционности, поскольку регулятивные нормы, устанавливающие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном акте, что и нормы, устанавливающие ответственность за их нарушение» [2].

В УК РФ и РА содержится большое количество норм с бланкетными диспозициями (по подсчетам С.С. Аветисяна – около 35 %) [3].

Особенности и сложности квалификации преступлений с бланкетными диспозициями обусловлены различным характером бланкетных признаков и способов их описания в уголовно-правовой норме. Существует несколько групп бланкетных признаков:

1) Признаки, относящиеся к различным элементам состава (например, ст. 222 УК РФ – Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов).

2) Диспозитивные признаки, ссылающиеся на признаки нарушения норм других отраслей права, регламентирующих специальные правила поведения (например, ст. 264 УК РФ – Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств).

3) Бланкетные признаки, для установления содержания которых требуется установить не нарушение, а соблюдение других отраслей (например, ст. 317, 318 УК РФ – Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, Применение насилия в отношении представителя власти).

4) Смешанная форма бланкетных диспозиций (ст. 171 УК РФ – Незаконное предпринимательство и др.).

Наибольшую сложность представляют случаи, когда признаки состава включают нарушения норм других отраслей права. В таких случаях деяние совершается с двойной противоправностью, и приоритет следует отдавать уголовно-правовой противоправности.

Квалификация преступлений по правилам совокупности возможна в случае, когда в диспозициях описывается не вид нарушаемых правил, а характер и вид производимых работ, установленных различными специальными правилами. Например, требования пожарной безопасности заложены во многие правила выполнения строительных работ. Однако нарушение требований пожарной безопасности и правил ведения строительных работ при наступлении указанных в законе последствий образуют самостоятельные преступления (ст. 216 и 219 УК РФ).

Однако суды в одних случаях деяние квалифицируют по совокупности преступлений, в других – нет [4].

Можно прийти к выводу о том, что при конкуренции специального и специально конкретного состава преступления должна применяться последняя норма.

Имеют место случаи, когда следственные органы и суды не проверяют соблюдение процедуры принятия бланкетных правовых актов. Так, в Постановлении Кассационного Суда РА по делу *А. Григоряна и Э. Сарибекяна* [5], оправданных по ст. 157 УК РА (в редакции УК от 18.04.2003г.) отмечается, что положенные в основе обвинения соответствующие государственные стандарты, связанные с порядком выполнения некоторых работ, вместо Постановления Правительства были приняты министром градостроительства. Кроме того, данные ГОСТ-ы не были переведены на армянский язык, следовательно, не были доступными для граждан, что явилось существенным нарушением норм уголовно-процессуального законодательства.

Кассационный Суд оправдательные судебные акты оставил без изменения, а протест заместителя Главного прокурора РА – без удовлетворения.

В основе квалификационных ошибок могут лежать различные объективные и субъективные причины, не только правоприменительные, но и законодательные.

Ознакомление с материалами судебной практики показывает, что при уголовно-правовой оценке содеянного, в том числе, при применении норм с бланкетными признаками допускаются ошибки, связанные с неправильным толкованием признаков составов преступлений, имеют место случаи объективного или двойного вменения и др.

Обстоятельства дела в случае применения бланкетных норм зависят от особенностей данного вида преступления, от характера бланкетных норм.

Можно выделить следующие *причины квалификационных ошибок* при применении норм с бланкетными диспозициями:

Неправильное установление признаков состава преступления с бланкетными диспозициями;

- ошибка в установлении объекта преступления; ошибка в установлении предмета преступления или его отдельных свойств;
- ошибка в установлении признаков специального потерпевшего;
- ошибочная детализация объективной стороны;
- неправильное установление признаков специального субъекта;
- неправильное установление признаков субъективной стороны;
- нарушение общих правил квалификации преступлений;
- квалификация без ссылки на нормы иных отраслей права;
- предъявление обвинения без конкретизации статей (пунктов) бланкетного источника; игнорирование пределов действия норм иных отраслей права;
- неправильное применение международно-правовых и конституционных норм.

На вышеприведенные обстоятельства постоянное внимание обращается в Постановлениях Кассационного Суда РА и Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Кассационный Суд РА в своих прецедентных постановлениях отмечает, что в материально-правовом смысле «уголовное обвинение» означает описание в процессуальных документах преступного действия или бездействия [6].

Следует отметить, что раскрытие содержания уголовного обвинения невозможно без учета ряда уголовно-процессуальных положений, регламентирующих процедуру изменения и дополнения обвинения, отказ от обвинения и др.

Кассационный Суд РА, Верховный Суд РФ постоянно обращают внимание на точное «установление соответствия между признаками совершенного общественно опасного деяния и признаками конкретного состава преступления»; на то, что правильная квалификация предполагает учет и оценку всех собранных по делу доказательств [7].

Одним из важнейших стандартов уголовного обвинения, доказанности виновности и правильной квалификации преступления, в том числе, с бланкетными диспозициями, является принцип формальной определенности закона.

Указанный принцип, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания. Уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей конституционным требованиям лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления и что уголовный закон ясно и четко определяет признаки этого преступления, отграничивая его от иных противоправных и тем более от законных деяний.

Согласно ст. 79 Конституции РА (с изм. и доп. от 06.12.2015г.), принцип правовой определенности означает, что при ограничении основных прав и свобод человека законы должны определять основания и объем ограничений, должны быть в достаточной степени определенными, с тем, чтобы носители этих ограничений могли бы проявлять соответствующее поведение. Ограничения основных прав и свобод должны вытекать из конституционных целей, а избранные средства ограничений быть пропорциональными значению прав и свобод, закрепленным в Конституции (ст. 78).

О необходимости правильной квалификации преступлений с учетом правовой определенности, в том числе с бланкетными диспозициями, внимание обращается и в положениях Конституционного суда РА. Приведем некоторые из них. Конституционный Суд РА, рассматривая по жалобе 2-ого Президента РА Роберта Кочаряна конституционность ст. 300-1 бывшего УК РА (Свержение конституционного строя), признал эту норму противоречащей Конституции и недействительной, приводя следующие основные доводы.

Согласно ст. 300-1 УК РА: «Свержение конституционного строя, то есть фактическое уничтожение какой-либо нормы, предусмотренной статьями 1–5 или частью первой статьи 6-ой Конституции РА, которое проявляется прекращением действия этой нормы в правовой системе, наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет». Редакция статьи касается соответствия принципам соразмерности и правовой определенности.

Суд констатировал, что никто не может быть осужден за такое действие или бездействие, которое в момент совершения не являлось преступлением. Конституционный Суд с целью разъяснения ряда оценочных терминов, перечисленных в диспозиции отмеченной статьи, обратился за правовой консультацией в Венецианскую комиссию и Европейский суд по правам человека. С учетом правовых позиций данных органов, Конституционный Суд указал, что ст. 300-1 УК противоречит ст. 73, 78 и 79 Конституции [8]. Тем самым было зафиксировано, что криминализация данной статьи после мартовских событий 2008 года привела к нарушению принципа законности. В этой части уголовное дело в отношении Р. Кочаряна и других подсудимых прекращено за отсутствием в инкриминируемом деянии события преступления.

Неоднозначное толкование признаков запрещаемого деяния порождает возможность произвольного применения уголовно-правовой нормы, что нарушает конституционный и международно-правовой принципы правовой определенности. Как указано в одном из решений Европейского суда по правам человека, «норма не может считаться законом, если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину образовывать с ней свое поведение» [9].

Следует отметить, что в новом УК РА закреплены многие общие и частные правила уголовно-правовой оценки содеянного, которые направлены на единообразное понимание и применение норм закона. Это: правила оценки деяния при конкуренции уголовно-правовых норм (ст. 51, 52); соучастия в преступлении, в том числе со специальным субъектом и в случае эксцесса исполнителя (соучастника) – ст. 20, 48, 49; стадий совершения преступления (ст. 44), юридической и фактической ошибки (ст. 28) и др.

Наибольшую сложность представляют случаи квалификации преступлений, связанных с нарушением специальных правил поведения. Специфика так называемых специальных составов преступлений состоит в том, что все такие преступления, носящие бланкетный характер, нарушают не только уголовно-правовой запрет, но и специальный порядок поведения, установленный специальными нормативно-правовыми актами. Содержание специального состава преступления можно уяснить только посредством анализа соответствующих законодательных актов, устанавливающих специальные права и обязанности участников специфических отношений (в сфере порядка управления, правосудия, интересов во-

енной безопасности и др.). При этом важное значение имеет вопрос об интерпретации общеправового принципа «незнание закона не освобождает от ответственности», который по мнению ряда авторов теряет свое качественное значение в современных условиях [10].

Согласно ст. 23 УК РА, уголовный закон основывается на презумпции осознания или возможности осознания противоправности деяния. Деяние признается совершенным виновно, если лицо осознавало противоправность своего деяния, или, если хотя и не осознавало, но могло осознавать. Следовательно, если с учетом конкретных обстоятельств дела будет установлено, что данный субъект, хотя и законно, включен в сферу специальных отношений, но до него соответствующие правила поведения не были надлежащим образом доведены, то при нарушении этих правил, ответственность должна исключаться.

Квалификация преступлений происходит только по уголовно-правовым нормам, в случае бланкетных норм, отсутствие указания на конкретную норму отраслевого законодательства ошибочно ведет к отмене приговора.

В рассматриваемых преступлениях речь идет о «смешанной» или «двойной» противоправности, корреспондирующей действующей системе межотраслевых связей. Существует множество видов зависимости противоправности одного вида от другого [11].

Можно выделить некоторый алгоритм квалификации преступлений, связанный с нарушением специальных правил поведения:

Определение юридической силы и соответствия закону бланкетной нормы; в случае разнородных правил выявление основных, определяющих характер преступления; установление соответствия признаков преступления с признаками субъекта; установление вида нарушенных правил и их соответствия статье УК; установление вины в отношении нарушения специальных правил поведения и всего преступления; установление характера и тяжести последствия; выявление причинной связи между деянием и последствием.

Обобщая изложенное, следует отметить, что правильная квалификация преступлений, в том числе с бланкетными диспозициями, зависит от правовой определенности норм закона, соблюдения правоохранительными органами и судами всех принципов уголовного и уголовно-процессуального законодательства, выработки единых правил уголовно-правовой оценки содеянного.

Наличие в уголовном законодательстве уголовно-правовых норм с бланкетными диспозициями является важным средством дифференциации уголовной ответственности и свидетельствует о междисциплинарной связи уголовного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия уголовного права, Т. 32 Квалификация преступлений. Издание профессора Малинина – Крымский филиал Российского гос. ун-та. СПб., 2020. С. 307.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.11.2006г. № 537-О (пункт 3.3)
3. *Аветисян С.С.* Приоритеты и перспективы нового Уголовного кодекса Республики Армения (социально-правовая концепция). Ер.: Изд-во РАУ, 2012. С. 34.
4. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы от 03.04.2014г. по делу № 1-93/14 – Консультант Плюс; Апелляционное определение Волгоградского обл. суда от 18.06.2014 по делу; 22-2237/14.
5. Постановление Кассационного Суда РА по делу *Асмик Григорян и Эдуарда Сарибекяна* от 20.03.2018 ЕШД/0131/01/14
6. Научно-практический комментарий Постановлений Кассационного Суда РА (на арм.яз.). – Ер.: Асохик. Т. 3, 2016. СС. 217–219.
7. Постановление Кассационного Суда РА по делу *Г. Чагаряна* и др. от 24.08.2021г. ЕШД/0002/01/11, по делу *А. Папяна* и др. От 05.11.2010г., ТД/0115/01/09; по делу *А. Бадаляна* и др. от 18.10.2013г., ЛД/0227/01/12 и др.; Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебном приговоре» от 29.11.2016 № 44 и др.
8. Постановление Конституционного Суда Республики Армения по делу *Роберта Кочаряна* от 26 марта 2021 года. СДО-1586. В рассматриваемом аспекте важное значение имеет также Постановление Конституционного Суда РА по делу *Вачика Казаряна* от 16.04.2019г., СДО-1453.
9. Решение Европейского суда по правам человека от 26 апреля 1979 года «Санди Таймс против Соединенного Королевства» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2-х т. М., 2000.
10. *Аветисян С.С.* Соучастие в преступлениях со специальным составом, Монография. М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. СС. 252–253.
11. *Пудовочкин Ю.Е.* Противоправность как признак преступления // Всероссийский криминологический журнал. Т. 12, № 1, 2018. С. 324.

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES WITH BLANKET CRIMINAL LAW NORMS

D. Avetisyan

Russian-Armenian (Slavonic)University

ABSTRACT

The article discusses theoretical and practical issues related to the use of blank compositions or blank features by the legislator in establishing criminal liability, as well as their application in the qualification of crimes. Based on the study of materials of judicial practice, the main causes of qualification errors in the application of norms with blank dispositions are identified, an algorithm for the qualification of crimes related to violations of special rules of conduct is proposed.

Keywords: criminal law, blank standards, criminal liability, qualification of crimes.

ЭКОНОМИКА

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-90-100

УДК 336.7

Поступила: 24.08.2024г.

Сдана на рецензию: 03.09.2024г.

Подписана к печати: 07.09.2024г.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ (НА ПРИМЕРЕ РА)*

А.Г. Галстян¹, Э.-М.Г. Вардгесян²

Российско-Армянский (Славянский) университет¹,

Американский университет Армении²

ani.galstyan@rau.am, annie.vardgesyan@gmail.com

ORCID¹: 0000-0002-7800-7232, ORCID²: 0009-0004-2675-1299

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что по выводам современных исследователей, поведение потребителей не всегда рационально и может зависеть от множества иррациональных факторов, которые получили название «поведенческие факторы» или «поведенческие искажения». Здесь изучается влияние поведенческих факторов на потребительский выбор в банковской системе Республики Армения. Авторами делается анализ и оценка как когнитивных искажений, так и эмоциональных и социальных, которые формируют финансовые решения потребителей. В исследовании применяется междисциплинарный подход, объединяющий идеи из поведенческой экономики, психологии и финансов для оценки влияния поведенческих факторов на поведение потребителей в банковском секторе Армении. В результате исследования выявлены ключевые поведенческие факторы, которые применяются армянскими коммерческими банками для привлечения клиентов.

Ключевые слова: поведенческие факторы, банковская система, Армения.

Введение

По выводам современных исследователей, поведение потребителей не всегда рационально и может зависеть от множества факторов, как, например: эмоции, страхи, привычки [1], [2], [3]. Это все приводит к поведенческим искажениям, что, в конечном счете, влияет на потребительские решения инди-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА (Научный проект № 22YR-5B009).

видов [4], [5], [6]. Знания о том, какими именно поведенческими искажениями можно повлиять на решения индивида, могут дать компаниям огромную привилегию по отношению к конкурентам, так как очень высокую роль в принятии решения играют именно эти факторы. Изучение поведенческих искажений может помочь в создании более эффективных стратегий для развития бизнеса, а также на макроуровне может помочь в разработке хорошего механизма повышения качества жизни в целом.

Идея потребительского поведения теоретически была изучена со следующих точек зрения: экономический подход (поведение определяется ценой товара и доходом) [7], [8], психологический подход (мотивация, убеждения и эмоции играют решающую роль в потребительском поведении) [9], [10], социологический подход (на потребительское поведение влияет культура, социальный статус) [11], [12], антропологический подход (на поведение потребителя действуют антропологические факторы) [13], [14].

Поведенческую экономику очень глубоко используют при разработке государственной политики, а также в частном секторе, на рынке товаров и услуг. Знания поведенческой экономики помогают компаниям разработать более четкую стратегию для понимания своих клиентов и для создания более эффективной политики таргетирования и привлечения клиентов.

В целом, поведенческая экономика – это увлекательная область исследований, которая меняет наш подход к экономике и принятию решений. Поведенческая экономика дает нам свежие взгляды на то, как улучшить экономические результаты как для обычных граждан, так и для общества в целом, принимая во внимание сложные и разнообразные аспекты, влияющие на поведение человека.

Как уже было отмечено, сектора экономики, в которых поведенческие факторы могут быть использованы, очень многообразны. В список вышеуказанных можно включить:

1. Сферу финансов и инвестиций [15], [16]: поведенческая экономика может объяснить, как люди принимают решения об инвестициях и как реагируют на изменения на рынке. Это помогает инвесторам делать более разумные выводы и улучшить результаты инвестирования.

2. Сферу государственной политики [17], [18]: для принятия решений о законах и нормативных актах. Современные специалисты в области поведенческой экономики могут дать свои рекомендации для более эффективного получения результатов. Например, разработка такой политики, чтобы подтолкнула человека откладывать деньги на потом или же придерживаться здорового образа жизни.

3. Сферу маркетинга и рекламы [19], [20]: компании используют знания по поведенческой экономике, чтобы лучше понять своих потенциальных клиентов и создать более эффективные маркетинговые стратегии и разработки планов.

Например, компании могут использовать социальные доказательства, чтобы убедить клиентов купить их продукцию, или использовать опции по умолчанию, чтобы побудить клиентов подписаться на услуги по подписке.

4. **Сферу здравоохранения** [21]: поощрение людей вести более здоровый образ жизни и увеличить физическую активность.

5. **Сферу образования** [22]: поведенческая экономика может быть использована для разработки более эффективной программы обучения. Могут быть использованы меры мотивации студентов и учеников для того, чтобы они учились более эффективно.

6. **Сферу энергосбережения** [23]: поведенческая экономика может способствовать снижению потребления энергосбережения, что является одной из самых актуальных проблем в мире. Например, коммунальные службы могут использовать специальные механизмы связей, чтобы потребители могли сравнить их потребление с энергопотреблением соседей.

Выше были приведены лишь несколько примеров из ряда областей, в которых поведенческая экономика может быть использована для улучшения результатов и повышения прибыльности.

Поведенческая экономика в банковской системе в РА

Поведенческие факторы в последние годы затронули также банковскую сферу. Банки активно используют разные способы для привлечения большего количества клиентов, повышения лояльности среди клиентов и укреплении бренда. Также способом анализа поведенческого поведения банки принимают решения о том, какие продукты предлагать клиентам и какие финансовые решения принимать.

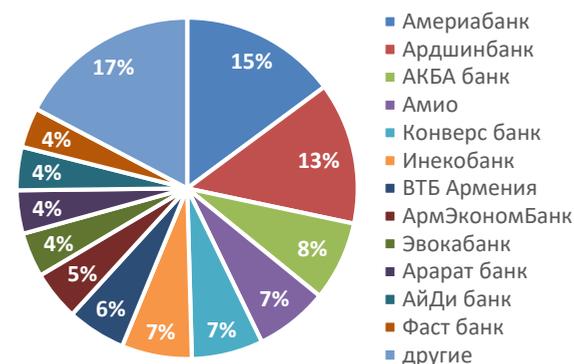
В большинстве случаев банки для более детального понимания поведения клиентов используют их данные и анализируют их. Учитывают тенденции людей совершать определенные действия и на основе этого действуют, просчитывая свои следующие шаги. В этом плане банкам несколько легче действовать, так как у них есть практически все данные клиента, и они отслеживают все транзакции клиента, покупки и другие действия. Это однозначно помогает им в анализе данных и разработке стратегии.

Среди коммерческих банков в Армении также намечается тенденция к внедрению анализа больших данных в основу разработки новых методов привлечения клиентов и увеличения кредитного портфеля, в том числе применяя поведенческие приемы. Например, в последнее время армянские банки начинают внедрять более удобные для пользования приложения, где клиент может с легкостью осуществлять свои транзакции, особенно связанные с выдачей кредитов. То есть банк делает все, чтобы клиент с легкостью и без излишних проблем мог оформить потребительский или же ипотечный кредит. Именно этим и обуславливается то, что за секунды можно оформить кредит

в банке с помощью банковского приложения, что имеет большое влияние на рынок кредитов, выданных физическим лицам. В случае бизнес-кредитов те же самые поведенческие факторы не будут работать, в связи с чем задачей данного исследования является анализ и оценка поведенческих факторов на уровне B2C.

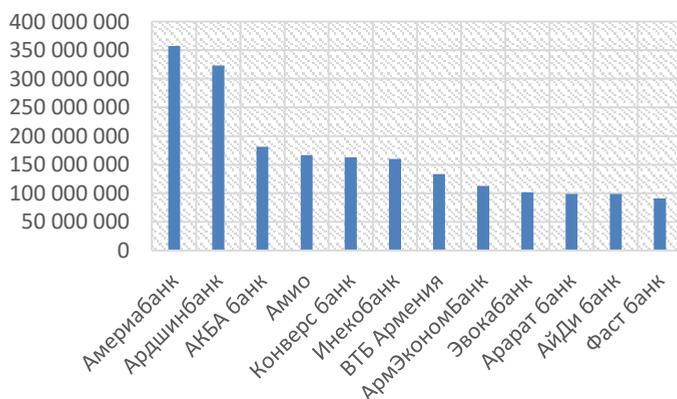
На Рис.1 и 2 представлены объемы кредитов, выданных армянскими банками, и их доля на кредитном рынке.

Рисунок 1. Доля армянских банков в предоставлении кредитов физическим лицам, 2023г.

Источник: составлено автором на основе отчетностей вышеуказанных банков.

Рисунок 2. Кредиты, выданные физическим лицам, тыс. драмов, 2023г.

Источник: составлено автором на основе отчетностей вышеуказанных банков.

Несмотря на то, что в списке тех банков Армении, которые выдают кредиты с легкостью, всего лишь нажатием на несколько кнопок в приложении,

лидирует «АйДи Банк» со своими различными предложениями получения кредита, его доля в списке банков по выдаче кредитов совсем маленькая (4%). Самая большая доля у «Америабанка».

Для анализа влияния поведенческих факторов по кредитам, выданным физическим лицам, были также рассмотрены примерные процентные ставки на потребительские кредиты на момент 2023 года. В результате анализа можно сделать вывод, что процентные ставки не отличаются друг от друга так сильно, чтобы сильно влиять на выбор банка.

Посмотрим на список Топ-5 самых надежных банков Армении согласно рейтингу журнала “Forbes”:

- «Америабанк» (Рейтинги: Moody’s-Ba3, S&P-B+);
- «Ардшинбанк» (Рейтинги: Moody’s-Ba3, Fitch-B+);
- «АКБА Банк» (Рейтинги: Fitch-B+);
- «Инекобанк» (Рейтинги: Moody’s-B1);
- «Конверс Банк» (Рейтинги: Moody’s-B1).

Можно заметить, что данный список почти повторяет список топ-5 банков, выдающих кредиты физическим лицам (Рис.1), что свидетельствует о том, что рейтинг также может играть значительную роль при принятии решений физическими лицами по кредиту, однако здесь также нельзя с точностью утверждать, что армяне очень склонны проверять рейтинг банка прежде, чем брать кредит в связи с низким уровнем финансовой грамотности среди населения. Основываясь на этом, можно твердо сказать, что банки предпринимали определенные действия для того, чтобы привлечь больше заемщиков и влиять на процесс принятия решений.

Для более детального анализа были выбраны 2 банка – «Америабанк» и «АйДи Банк», так как в процессе обзора поведения каждого банка было очевидно, что именно эти банки делают очень твердый акцент на обслуживании клиентов и создании для них более удобных платформ пользования и предоставления кредитов.

Рассмотрим «Америабанк» как очень яркий пример использования поведенческих факторов. «Америабанк» является одной из крупнейших банков Армении с широким спектром финансовых услуг. «Америабанк» учитывает поведенческие факторы при работе с клиентами, так как даже простое обслуживание клиента может повлиять на их финансовые решения. Банк ведет активную работу с клиентами, делает консультации по финансовому планированию; также на основе анализа рисков по кредитованию предлагает каждому клиенту индивидуальный план кредитования. Также банк занимается и обучением финансовой грамотности, проводя семинары для желающих. По сравнению с другими банками, «Америабанк» предлагает сравнительно более удобные условия кредитования, также в последнее время активно улучшает свою веб-платформу для создания более легкого и удобного взаимодействия

«банк»-«клиент», где клиенты также могут брать кредиты без визита в банк. Как уже стало понятно, в Армении среди банков на данный момент идет активная цифровая война, то есть клиентам предлагаются веб-платформы, где они могут найти практически все нужные банковские услуги и совершать сделки, которые раньше они не могли совершать без визита в банк. Однако, нужно отметить, что «Америабанк» не является тем банком, у которого самая хорошая версия приложения, следовательно, приобретение кредитов со стороны заемщиков не может быть обусловлено удобностью и простотой их приложения, тогда как например в «АйДиБанк» очень многие приобретают кредиты именно с помощью их приложения. Только в 2020 году, по данным годовой отчетности банка, было зафиксировано увеличение числа пользователей приложения «АйДиБанк» на 400%. Несмотря на то, что «АйДиБанк» не занимает первое место среди банков по выдаче кредитов после того, как они внедрили свое новое приложение, а также в июле того же года запустили кредитную линию “Rocket Line”, в 2021 году было зафиксировано увеличение кредитного портфеля на 26% (Рис. 3). Банк также отмечает, что, по данным 2021 года, в цифровой панели число активных пользователей, совершающих сделки, увеличилось на 110%, а также, что приобретение кредитов посредством их приложения увеличилось в 4 раза.

Рисунок 3. Объемы кредитов, выданных физическим лицам, «АйДиБанк», 2018–2023гг.

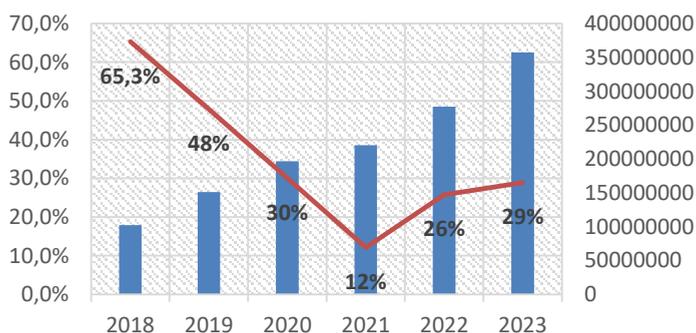
Источник: Годовые отчетности «АйДиБанк».

Запуск их цифровой платформы с iGram был именно в 2018 году, чему последовал 44-процентный рост объемов кредитования физических лиц в 2019 году (см. Рис. 3). После чего темп прироста замедлился, однако банк продолжает лидировать по данному показателю.

С другой стороны, «Америабанк» делает большой акцент на активном применении рекламы и поведенческих факторов для привлечения клиентов.

Рассмотрим динамику кредитования физических лиц с 2018 по 2023гг. со стороны «Америабанка» (Рис. 4). Самое первое, что можно заметить, это – очень высокий прирост количества в 2018 году – 65,3%. Данный прирост был обусловлен тем фактом, что банк прежде не предоставлял возможности приобретения кредита на технику и оборудование в рассрочку, что было внедрено в 2017 году и способствовало резкому приросту кредитования.

Рисунок 4. Объемы выданных кредитов физическим лицам, «АмериаБанк», 2018–2023гг.¹

Источник: годовые отчетности «Америабанка».

Довольно интересным нововведением со стороны «Америабанка» является предоставление овердрафта тем клиентам, у которых были действующие займы по ипотеке. Количество предлагаемого овердрафта для каждого клиента разное (от 1 млн. драмов до более 2 млн. драмов) и зависит от объемов ипотеки. С другой стороны, банк также внедрил инструмент утверждения некоторой суммы кредита для каждого клиента – индивидуально без запроса с их стороны, и в случае необходимости, клиенты могут взять кредит в течение одного дня, не тратя много времени на бюрократию.

Сотрудники банка звонили клиентам и представляли им условия своего предложения, говоря, что так как клиент является надежным и платит свои кредиты в правильные сроки, ему банк предлагает взять овердрафт, который является дополнительным денежным средством, которое, если человек не нуждается, может не тратить, и, следовательно, не платить даже проценты за то, что он у себя держит эти деньги. Очень многие решали взять и воспользоваться предложением, подумав, что это им не мешает, и они не будут платить проценты. Но, в действительности, людям было очень трудно не тратить эти деньги, перечисленные на карты, особенно тогда, когда нужно что-либо

¹ Годовые отчетности «Америабанка» // <https://ir.amerianbank.am/ru/financial-reports-ir-presentations/annual-reports>.

очень быстро купить. По словам сотрудника банка, с которым было проведено интервью, из 10 человек минимум 4–5 соглашались взять данный кредит, даже если они на самом деле не нуждались в нем.

Эта ситуация в поведенческой экономике относится к концепции «невнимательности» (inattention). Здесь люди, не обращая достаточного внимания на информацию, могут принимать иррациональные финансовые решения. В данном случае, человек, который не нуждается в кредите, может быть невнимателен к деталям предложения и согласиться на кредит из-за удобных процентов, не учитывая своих финансовых потребностей и возможных рисков. Следовательно, это приведет к тратам на проценты и другие дополнительные расходы, которые человек мог бы избежать при более внимательном подходе к принятию решения. Это мероприятие было начато в 2019 году, и видно, что кредитный портфель по потребительским кредитам «Америабанка» увеличился на 48%.

Банк также сотрудничает с большим количеством компаний для выдачи зарплат через «Америабанк», предлагая клиентам хорошие условия. Во-первых, людям, которые соглашались получать заработную плату посредством «Америабанка», предоставлялись Виза- или Мастер- карты бесплатно, а также им предоставлялись потребительские кредиты на несколько процентов ниже.

И последнее, что сделал «Америабанк» в последние годы (2021г.) для привлечения кредитов – это то, что банк начал сотрудничать более активно, чем раньше, с авторынками и давать очень удобные условия для кредита на приобретение машины. Например, если в этот момент на рынке действовал 14% на кредит для приобретения автомобиля на первичном рынке, то «Америабанк» давал тот же самый кредит на 3–4% ниже. Вдобавок, на приобретение определенных видов автомобилей «Америабанк» предлагал возможность “Trade-in”, что означало, что человек мог сдать свою машину и для приобретения нового автомобиля только лишь доплатить недостающую сумму. Банк показывал все эти возможности на официальном сайте, где можно было найти всю информацию о машине, ее цене и условиях кредитования.

В целом, онлайн-банкинг также является очень удобным и эффективным инструментом для банка, и по статистике банка количество кредитов в онлайн-системе увеличивается из года в год. В этом очень важную роль играет искажение легкости процесса, в данном случае, процесса оформления кредита.

Выводы и рекомендации

В заключение данной дипломной работы, в которой было исследовано влияние поведенческих факторов на рынок товаров и услуг, нужно отметить, что разные факторы действительно играют свою очень важную роль на рынке

товаров и услуг, т.к. люди с нерациональным поведением очень часто действуют спонтанно и непредсказуемо, и эти способы помогают производителям и продавцам брать ситуацию в свои руки и влиять на действия людей.

В ходе исследования было рассмотрено поведение потребителей по отношению к разным рынкам и поведенческим действиям компаний, факторы, которые были использованы для того, чтобы увеличить клиентскую базу, а также была исследована ситуация в Армении и поведение армянских потребителей.

Основываясь на полученных результатах, можно сделать заключение, что поведенческие факторы на самом деле значительно влияют на то, чтобы привлечь покупателей и клиентов, т.к. многие люди принимают свои решения на основе мотивации и восприятия цены и качества продукта. В среднем, поведенческие искажения приводят к увеличению прибыли от 10 до 40%. Многие потребители под влиянием поведенческих факторов принимают такие решения, например, потратить деньги и приобрести товар, который они не решили бы купить, и даже не могли и подумать о приобретении этого товара, если бы компания не учитывала поведенческие факторы. Следовательно, гипотеза данного исследования: **поведенческие искажения способствовали обострению феномена потребительства** – утверждена и правильна.

Что касается примера Армении, можно отметить, что, как показала модель влияния «концепции лица» на решения потребителя, на армян очень легко и просто повлиять и правильными поведенческими искажениями сделать так, чтобы увеличить свою прибыль.

Основываясь на результатах увеличения кредитного портфеля вышеуказанных банков, можно рекомендовать другим банкам также изменить свою политику в отношении применения поведенческих факторов, а также попытаться быть не только очередным банком среди остальных, предоставляющих финансовые услуги, а быть банком, имеющим престижное имя (быть брендом), т.к. армянские потребители склонны к использованию брендов и ценят престиж.

Результаты и анализы данной работы могут быть полезны для новых бизнесменов и иностранных инвесторов, которые заинтересованы в открытии удачного бизнеса и его продвижении в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Foxall G., Sigurdsson V.* Consumer behavior analysis: Behavioral economics meets the marketplace // *Psychological Record*, 2013,1; 63 (2).
2. *Wendel S.* Designing for behavior change: Applying psychology and behavioral economics // O'Reilly Media, 2020.

3. *Costa D., Carvalho F., Moreira B.* Behavioral economics and behavioral finance: A bibliometric analysis of the scientific fields // *Journal of Economic Surveys*, 2019; 33(1). PP. 3–24.
4. *Gigerenzer G.* The bias bias in behavioral economics. *Review of Behavioral Economics*. 2018; 5(3–4): 303–36.
5. *Ben-Akiva M., McFadden D., Train K.* Foundations of stated preference elicitation: Consumer behavior and choice-based conjoint analysis. *Foundations and Trends in Econometrics*, 2019, 10(1–2). PP. 1–44.
6. *Bossuyt S., Van Kenhove P.* Assertiveness bias in gender ethics research: Why women deserve the benefit of the doubt: Marketing and consumer behavior. *Journal of Business Ethics*, 2018, 150. PP. 727–39.
7. *Trudel R.* Sustainable consumer behavior. *Consumer psychology review*, 2019., 2(1):85–96.
8. *White K, Habib R., Hardisty D.* How to SHIFT consumer behaviors to be more sustainable: A literature review and guiding framework. *Journal of marketing*, 2019, 83 (3). PP. 22–49.
9. *Di Crosta A., Ceccato I., Marchetti D., La Malva P., Maiella R., Cannito L., Cipi M., Mammarella N., Palumbo R., Verrocchio M.C., Palumbo R.* Psychological factors and consumer behavior during the COVID-19 pandemic. *PloS one*, 2021, 6 (8); e0256095.
10. *Mariani M., Perez-Vega R., Wirtz J.* AI in marketing, consumer research and psychology: A systematic literature review and research agenda. *Psychology & Marketing*, 2022, 39(4). PP. 755–76.
11. *De Mooij M.* Consumer behavior and culture: Consequences for global marketing and advertising, 2019. P. 472.
12. *Agarwala R., Mishra P., Singh R.* Religiosity and consumer behavior: a summarizing review. *Journal of Management, Spirituality & Religion*, 2019, 16 (1). PP. 32–54.
13. *Sunderland P., Denny R.* Psychology vs anthropology: Where is culture in marketplace ethnography? *InAdvertising cultures*, 2020. PP. 187–202.
14. *Squires S.* Anthropology, technology, and innovation. *Oxford Research Encyclopedia of Anthropology*, 2021.
15. *Zahera S., Bansal R.* Do investors exhibit behavioral biases in investment decision making? A systematic review. *Qualitative Research in Financial Markets*, 2018, 10(2). PP. 210–251.
16. *Qasim M., Hussain R., Mehboob I., Arshad M.* Impact of herding behavior and overconfidence bias on investors' decision-making in Pakistan. *Accounting*, 2019, 5(2). PP. 81–90.
17. *Chater N., Loewenstein G.* The i-frame and the s-frame: How focusing on individual-level solutions has led behavioral public policy astray. *Behavioral and Brain Sciences*. 2023, 46; e147.
18. *Smith K., Larimer C.* The public policy theory primer. Routledge, 2018.
19. *Wendel S.* Designing for behavior change: Applying psychology and behavioral economics. O'Reilly Media, 2020.
20. *Wu N.* The Influence of Advertising Language on Adolescents' Consumption Perspectives from the Perspective of Behavioral Economics. *InSHS Web of Conferences, EDP Sciences*, 2023, 178. P. 02006.
21. *Vlaev I., King D., Darzi A., Dolan P.* Changing health behaviors using financial incentives: a review from behavioral economics. *BMC public health*. 2019,19. PP. 1–9.

22. Amagir A., Groot W., Maassen van den Brink H., Wilschut A. A review of financial-literacy education programs for children and adolescents. *Citizenship, Social and Economics Education*. 2018, 17(1). PP.56–80.
23. Andor M., Fels K. Behavioral economics and energy conservation—a systematic review of non-price interventions and their causal effects. *Ecological economics*, 2018, 148. PP. 178–210.

**ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE IMPACT
OF BEHAVIORAL FACTORS IN THE BANKING SYSTEM
(CASE OF RA)**

A. Galstyan¹, A.-M. Vardgesyan²
Russian-Armenian (Slavonic) University¹
American University of Armenia²

ABSTRACT

According to the findings of modern researchers, consumer behaviour is not always rational and can depend on many irrational factors, which are called “behavioural factors” or “behavioural biases”. The current article examines the influence of behavioural factors on consumer choice in the banking system of the Republic of Armenia. The authors analyze and evaluate cognitive, emotional and social biases that shape consumers' financial decisions. The study uses an interdisciplinary approach that combines concepts from behavioural economics, psychology, and finance to assess the impact of behavioural factors on consumer behaviour in Armenia's banking sector. As a result of the study, key behavioural factors used by Armenian commercial banks to attract customers were identified.

Keywords: behavioural factors, banking system, Armenia.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-101-112
УДК 33

Поступила: 23.05.2024г.
Сдана на рецензию: 03.06.2024г.
Подписана к печати: 06.10.2024г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТРАНСФОРМАЦИИ ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ: ПЕРСПЕКТИВЫ И МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ

А.В. Есаян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
anna.esayan@gmail.com
ORCID:0000-0002-4243-5390*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о цифровизации экономики, которая неизбежно затрагивает финансовую сферу. Центральные банки сегодня активно изучают перспективу внедрения цифровой национальной валюты. Кроме того, наблюдается значительный спрос на частные цифровые валюты. В данной статье рассматриваются несколько ключевых вопросов в этой связи, а именно: путь трансформации организации платежей, особенности существующих форм денег, а также специфика потенциальной цифровой валюты ЦБ. Кроме того, рассматриваются преимущества существующих цифровых валют и некоторые модели реализации национальных форм цифровых валют. **Ключевые слова:** цифровая валюта, национальная цифровая валюта, модели реализации национальной цифровой валюты.

Введение

Появление новых технологий на протяжении всей истории финансовых операций трансформировало финансовую систему. С внедрения расчетов по чекам и векселям начался процесс постепенного отказа от наличных денег.

В данной работе рассматривается краткая история внедрения новых технологий в финансовую среду, в частности, сценарии осуществления транзакций. Далее рассмотрим принципиальные особенности новой формы денег в сравнении с существующими, чтобы ответить на вопрос, какие дополнительные преимущества может принести создание цифровой национальной валюты. Для этого обратим внимание на существующие формы цифровых денег. А также рассмотрим потенциальные модели реализации национальной цифровой финансовой среды.

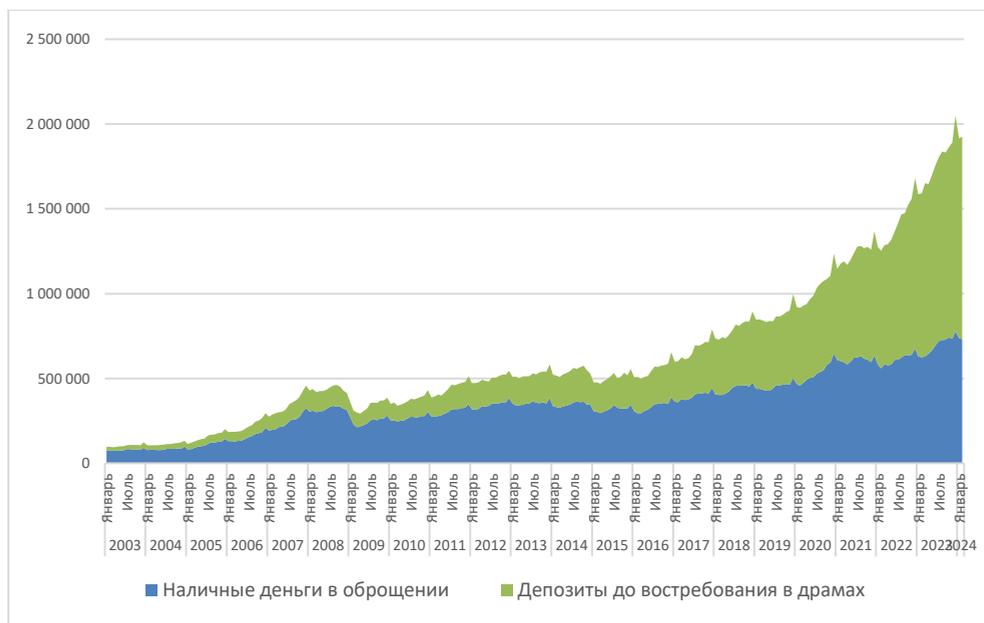
История трансформации системы безналичных платежей

Первая безналичная оплата по чеку была зафиксирована в Лондоне в 1772 году. В 1914 году в США топливная компания выпустила картонные

именные карточки для своих «надежных» клиентов, позволяющие оплачивать услуги автозаправки в течение месяца. В 1928 году в Бостоне выпустили первые металлические карточки, содержащие информацию о владельце и позволяющую быстро отпечатывать ее на платежных документах. Позже на такие карты стали наносить образцы подписи владельца. Первая пластиковая карта была выпущена в 1958 году компанией “American Express”, пользователями которой за год достигло полмиллиона человек. В 1960 году впервые записали на магнитную ленту данные карты. Первый банкомат, появившийся в 1967 году, подключился к банковской сети в 1972 году. В 1974 году на картах появились первые чипы, которые были более износостойкими и могли содержать больше информации; кроме того, чиповая карта и сегодня позволяет генерировать уникальный код для каждой транзакции [1]. В 1995 году в Южной Корее появилась технология бесконтактного считывания информации NFC; через 10 лет данная технология стала использоваться в банковских картах. А в 2011 году корпорация “Google” запускает электронный кошелек для оплаты покупок через смартфон [2]. Сегодня банки для своего роста и повышения своей устойчивости крайне заинтересованы в привлечении наличных средств своих клиентов и в создании условий, при которых клиенты предпочитают хранить свои средства на расчетных счетах и не снимать их в виде наличности, некоторые банки предлагают клиентам кэшбеки от произведенных трат посредством карт. Кроме того, банки активно внедряют технологии финтеха, разрабатывая сайты и мобильные приложения, упрощая способы совершения переводов (например, по номеру телефона), платежей по коммунальным услугам (некоторые банки в своем интерфейсе позволяют передавать показания счетчиков), открытия и управления брокерскими счетами, упрощенный доступ, без явки в банк, оформления новых продуктов – таких, как депозиты, кредиты, открытие новых счетов и карт, обмен валюты, страховка. То же самое касается и счетов для бизнеса, с внедрением цифровых подписей, некоторые банки позволяют вести, формировать и направлять в налоговый орган бухгалтерскую отчетность. Таким образом, новые методы организации платежей настолько упростили процесс совершения транзакций, что использование наличных денег становится практически невыгодным и неудобным.

На сегодняшний день, большая часть денег, доступных населению, находится в безналичной форме в коммерческих банках. В развитых странах доля наличных денег в обращении составляет 5–10%, в экономике Армении по состоянию на начало 2023 года наличные деньги составляют 40% [3]. На Рис. 1 продемонстрировано состояние денежного агрегата M2 с разбивкой доли наличных денег и депозитов до востребования [4].

Рисунок 1. Агрегат М2 Армении.

Источник: ЦБ РА.

Таким образом, мы видим, что организация платежей стремится стать надежной, доступной и быстрой, для этого активно внедряются новые технологические решения. Однако, несмотря на все перечисленные достижения, предел дешевизны и скорости совершения транзакций, особенно трансграничных, еще не может быть достигнут. Кроме того, пользователи заинтересованы в конфиденциальности своих платежей. С этой точки зрения, создание CBDC может усовершенствовать систему организации платежей.

Вместе с тем, дополнительный элемент денежного агрегата будет иметь свои особенности по сравнению с другими формами денег, которые мы рассмотрим ниже.

Преимущества и недостатки национальных форм денег

Банкноты и монеты, формирующие денежный агрегат М1, с точки зрения ЦБ, представляют из себя беспроцентное обязательство Центрального банка-эмитента. То есть, за исключением издержек на поддержание системы наличного обращения (инкассация, хранение, печать и другое), обязательства по наличным деньгам не требуют компенсации их держателям (по ним не выплачиваются проценты). Кроме того, спрос на наличные деньги автономен, а это значит, что ЦБ выпускает в обращение столько наличных, сколько того

требуют экономические субъекты: как правило, через заявки коммерческих банков, удовлетворяющих спрос на наличные средства в отделениях и банкоматах. Спрос на наличные средства не может быть безграничным и определяется, исходя из многих параметров – например, их альтернативной стоимости и предпочтений ликвидности [5].

Банкноты хранятся в домашних хозяйствах и предприятиях: они выполняют основные функции денег: сохранения стоимости; средства обмена; меры стоимости. Коммерческие банки также держат некоторые банкноты в своих кассах и банкоматах для обналичивания депозитных средств. Операция с наличными деньгами могут быть полностью анонимными и нигде не учитываться. При этом наличные деньги доступны широкому кругу лиц, в том числе из-за несущественных барьеров владения и передачи.

Банковские депозиты до востребования формируют денежный агрегат M2. Он представляет из себя обязательства коммерческих банков перед своими клиентами. Банки готовы конвертировать эти депозиты в деньги Центрального банка в форме наличных денег или выполнять платежи, которые клиенты совершают с помощью этих депозитов, что обычно предполагает перевод денег клиенту в другом банке.

Таким образом, в отличие от денег Центрального банка в форме банкнот, деньги коммерческих банков в форме депозитов не лишены кредитного риска. Клиент, которому необходимо произвести платеж, полагается на то, что его банк имеет достаточные активы для снятия наличных или расчета с другими банками. Система страхования гарантирует возврат определенной суммы вклада в случае банкротства банка, но крупные вклады, превышающие эту сумму, не застрахованы и подвержены кредитному риску.

В контексте данной темы ЦБ Англии в своем исследовании выделяет также в отдельную группу средства, являющиеся резервами в ЦБ (депозиты коммерческих банков в Центральном банке): точно так же, как домашние хозяйства и предприятия держат депозиты на счетах в коммерческих банках, сами эти коммерческие банки имеют счета в ЦБ. Депозиты на этих счетах известны как резервы Центрального банка и представляют собой актив, используемый банками, когда им необходимо осуществлять взаимные платежи. Как и банкноты, резервы представляют собой обязательства Центрального банка и являются безрисковыми. По этой причине резервы являются основным расчетным активом, используемым банковской системой. При этом упомянутые резервы, т.е. оба типа денег Центрального банка (резервы и банкноты) напрямую конвертируются друг в друга, и что домохозяйства и предприятия могут конвертировать свои депозиты в деньги Центрального банка в форме физической наличности [6].

Таким образом, были выделены три формы денег: банкноты и расчетные счета коммерческих банков в ЦБ – безрисковые обязательства ЦБ в натуральном и электронном виде, расчетные счета потребителей – банковские обязательства, подверженные кредитному риску. Потенциально новая форма денег в виде CBDC будет представлять из себя безрисковое обязательство ЦБ, если расчеты будут проводиться напрямую на платформе ЦБ. Свойства новой формы денег будут в значительной степени зависеть от способа реализации новой системы.

Тем не менее, необходимо рассмотреть, какими преимуществами обладают существующие цифровые валюты.

Состояние рынка цифровых валют

Сегодня мы наблюдаем развитие новых финансовых систем, возникшим в частном порядке, как, впрочем, и большинство перечисленных выше технологий. Создание цифровых валют преобразовало портфель активов инвесторов, привлекая внушительные средства. На 3 мая 2024г. глобальная рыночная капитализация криптовалют составляет 2.3 триллиона \$. Доля биткойна в настоящее время составляет 53% [7].

В общем смысле, цифровые валюты это те, оборот которых происходит только в цифровой среде, а обналчиивание возможно только посредством конвертации в другую валюту. Множество цифровых валют подразделяется на подмножества криптовалют и токенов. Чтобы лучше понять процесс становления рынка цифровых валют, обратимся к хронологии его создания.

Еще в конце 80-х годов XX века появилась технология “Chaumian blinding” для анонимизации данных и транзакций. Технология не получила тогда широкого распространения из-за высокой зависимости от центрального посредника. В 1998 году Вэй Дэй предложил концепцию криптовалюты “b-money” с использованием технологий криптографии и децентрализации хранения данных. В 2004 году появилась концепция RPOW (“Reusable Proof of Work”), участники которой выполняют вычислительные задачи для создания многократных доказательств выполнения работы, которые могут быть использованы для аутентификации в цифровых системах. На основе этих технологий в 2009 году Сашито Накамото создал децентрализованную валюту, объединив базовые элементы управления собственностью с помощью криптографии открытого ключа с алгоритмом (RPOW) согласования для отслеживания владения монетами. Механизм доказательства работы, с одной стороны, является простым и довольно эффективным механизмом согласования, позволяющим согласовывать изменения, которые признаются всеми узлами в Сети как правильные. То есть новые транзакции группируются в блоки и добавляются к цепочке, где каждый блок содержит хеш (уникальная цифровая подпись, созданная с использованием хеш- функции) предыдущего. С

другой стороны, это позволяет всем желающим предоставлять мощности для согласования транзакций, что делает процесс независимым, защищает сеть от манипуляций [8].

Система цифровой валюты отображает на момент времени, какое количество валюты существует в системе и как она распределена среди собственников. Через заданный промежуток времени генерируется обновление состояния с учетом произведенных транзакций. Само состояние никак не кодируется в блоке, это просто абстракция, которую должен запомнить проверяющий узел, и ее можно (безопасно) вычислить для любого блока, только начиная с исходного состояния и последовательно применяя каждую транзакцию в каждом блоке.

Поддержание децентрализованной системы валюты объединяет две системы: систему транзакций (механизм обработки информации об изменении состояния активов среди участников, то есть переводы) и систему консенсуса (механизм принятия, проверки правильности состояния). Но если речь идет о централизованной системе, то весь этот процесс просто программируется по такому же принципу на жестком диске централизованного сервиса.

В 2015 году появилась платформа “Ethereum”, которая предложила инфраструктуру для создания и запуска различных типов токенов с помощью смарт-контрактов. Принципиальное отличие криптовалюты от токенов заключается в том, что они строятся только на децентрализованной системе эмиссии, верификации транзакций, определения цены, а также они основаны на системе блокчейн. Соответственно, ко подмножеству токенов относятся все иные цифровые активы.

В контексте изучения перспективы внедрения системы цифровых национальных валют рассмотрим существующие решения по привязке токенов к стоимости реального актива. Стейблкоины – это токены, курс которых привязан к какому-либо активу, например, к доллару, евро или унции золота. Их резервы обеспечены реальными активами – фиатными валютами, ценными бумагами, драгметаллами и т.п. Крупнейший по капитализации стейблкоин – “Tether USD” (USDT), эмитентом которого выступает компания “Tether Limited” [9]. Отличие национальных цифровых валют от стейблкоинов заключается в том, что их эмитентом и регулятором будут выступать национальные Центральные банки. Судя по всему, появление стейблкоинов можно считать самым большим триггером инициатив CBDC. Как особая версия частных криптовалют, стейблкоины больше подходят в качестве платежного средства, что расширяет их использование потребителями. Например, они часто используются для трансграничных транзакций, где решения, предлагаемые традиционной инфраструктурой, обременительны и дорогостоящи. Как следует из названия, главной особенностью стейблкоинов является относительная стабильность их цены. Частные организации, выпускающие стейблкоины, пытаются обеспечить стабильность стоимости

монет, обеспечивая их бумажными деньгами, товарами или финансовыми инструментами. Эмитенты стейблкоинов декларируют обменный курс 1:1 с одной из резервных валют (обычно долларом США, но есть и связанные с евро, швейцарским франком и т.д.) и стараются обеспечить этот курс рыночными операциями. “Tether” (USDT), “USD Coin” и “Binance USD” – примеры известных стейблкоинов. Несмотря на обещание, не все привязки стейблкоинов и не всегда заслуживают доверия. Например, стейблкоин “TerraUSD” отделился от своей привязки к 1 доллару США и потерял 98% своей стоимости в мае 2022 года, когда рынок выразил обеспокоенность по поводу обоснованности базовой экономической модели стейблкоина [10].

На основе перечисленных выше технологий образовалась цифровая финансовая экосистема “DeFi”. Система позволяет получать доступ к различным финансовым услугам – таким, как кредитование, депозиты, обмен и торговля активами, страхование и другие, без необходимости обращаться к централизованным финансовым институтам. В “DeFi” используются смарт-контракты для автоматизации и выполнения финансовых сделок, что делает их более эффективными и дешевыми по сравнению с традиционными финансовыми услугами.

Смарт-контракт представляет из себя компьютерный алгоритм, содержащий условия договора и предназначенный для автоматического контроля и исполнения договорных отношений. Для работы смарт-контракта все условия и обязательства договора описываются на языке программирования, программа запускается на доверенной вычислительной системе. Эта компьютерная программа отслеживает и обеспечивает исполнение обязательств при сделках. Стороны контракта прописывают в нем условия и санкции за невыполнение, ставят цифровые подписи, а умный контракт самостоятельно определяет, все ли исполнено и принимает решение: завершить сделку и выдать требуемое (деньги, акции, недвижимость), наложить на участников штраф или пени, или закрыть доступ к активам. Сегодня совокупная стоимость заблокированных в смарт-контрактах активов (TVL) всего DeFi-сектора превышает \$89 млрд. долларов, согласно “DeFiLlama”.

В централизованной системе смарт-контракты могут быть реализованы, используя централизованные серверы и базы данных для выполнения программного кода и обработки данных; надежность смарт-контрактов в централизованных системах зависит от доверия к центральному сервису, который управляет их исполнением.

На сегодняшний день частные цифровые валюты пользуются спросом по нескольким основным причинам. Первое – это доступность, серый рынок позволяет кому бы то ни было производить анонимные транзакции, не подтверждая источник доходов. С этой точки зрения, CBDC не сможет предоставить такой же

уровень доступности своим пользователям, однако, после верификации пользователя, подтверждения легальности полученных средств, система может обеспечить надежность и конфиденциальность транзакции от третьих лиц. Второе – это стоимость транзакций. Как правило, цена перевода цифровых валют является платой за обработку транзакции и зависит от степени загруженности сети, сложности и скорости обработки, по сути, она минимальна и является себестоимостью исполнения перевода. Платформа CBDC также может обеспечить удешевление транзакций. Третья причина, привлекающая значительные финансовые ресурсы в сферу цифровых валют, это – доходность, которую обеспечивает волатильность стоимости цифровых валют. В этом аспекте, цифровые валюты центральных банков будут привязаны к стоимости национальной валюты, при этом, возможно, возрастет скорость совершения транзакций, что потребует от ЦБ большей гибкости и скорости принятия решений. Далее рассмотрим некоторые модели внедрения CBDC

Модели реализации системы цифровой валюты центрального банка. CBDC- “Central Bank Digital Currencies” – представляет из себя цифровую валюту, эмитентом которой выступает национальный Центральный банк. До 2019 года, хотя большинство ЦБ уже рассматривали внедрения своей цифровой валюты, но при этом с опасением подходили к этому вопросу. Но в настоящее время, с ростом цифровизации экономики и потребности отказа от наличности такие проекты стали намного ближе к реальности. [11]

Рассмотрим некоторые аспекты организации системы функционирования национальной цифровой валюты. В первую очередь, это – вопрос о схеме осуществления платежей [12].

Прямая CBDC: платежная система, управляемая Центральным банком, обслуживающая все уровни финансовых операций. CBDC является прямым требованием к ЦБ. Центральный банк ведет учет всех транзакций и предоставляет розничные платежные услуги. В этом случае снижается роль банков, что может существенно трансформировать финансовую систему.

Гибридная CBDC: промежуточное решение, работающее на двух платформах. Посредники обрабатывают розничные платежи, но CBDC является прямым требованием к Центральному банку, который также ведет централизованный учет всех транзакций и обеспечивает резервную техническую инфраструктуру, позволяющую перезапустить платежную систему в случае сбоя посредников.

Промежуточная CBDC: архитектура, которая является вариантом гибридной CBDC, но при этом ЦБ ведет только учет транзакций между финансовыми организациями, а не централизованный учет всех розничных транзакций. Опять же, CBDC является требованием к Центральному банку, а частные посредники осуществляют платежи.

Большинство ЦБ останавливаются на применении именно трех перечисленных систем организации, но существует также дополнительный подход.

Косвенная архитектура: платежная система, управляемая посредниками, напоминающими специализированные платежные банки. Потребители имеют требования к этим посредникам, которые обрабатывают все розничные платежи. Эти посредники требованиями к Центральному банку должны полностью обеспечивать все обязательства перед розничными клиентами. Важно учесть, что такая структура не позволяет потребителю напрямую получать доступ к деньгам ЦБ, поэтому многие центральные банки не признают данную архитектуру, как потенциально применимую.

В целом, большинство центральных банков, принявших решение о введении CBDC, рассматривают варианты, в которых CBDC представляет собой прямое денежное требование к ЦБ, но где всю деятельность по работе с клиентами берет на себя частный сектор. В целом, DLT позволяет Сети работать, не полагаясь на централизованный регулирующий орган для контроля системы и проверки транзакций – функция, которая лежит в основе децентрализованных финансов. Используя децентрализованную модель, криптовалюты направлены на решение ситуаций, когда между участниками может отсутствовать доверие. В то время, как CBDC, независимо от выбранной архитектуры, в конечном итоге, представляют собой централизованные системы, в которых центральные банки являются единственным эмитентом и конечным контролером цифровой валюты. Технологии DLT (технологии распределенного реестра) – такие, как блокчейн, обладают несколькими полезными характеристиками, делающими их привлекательными для цифровых валют. Это – безопасность, прозрачность, неизменяемость и т.д. Семь центральных банков запускают свои прототипы на технологии DLT, еще семь – на традиционной технологии, и двенадцать рассматривают оба варианта.

Второй аспект касается технического проектирования системы. В общем плане, базы данных могут быть организованы на централизованной системе и на технологии DLT (“Distributed Ledger Technology”, т.е. технология распределенного реестра). В отличие от централизованных баз данных, где информация хранится и управляется центральным учреждением, распределенные реестры позволяют участникам Сети совместно управлять и обновлять информацию. Фактически, только 20% розничных проектов CBDC прямо заявляют о применении технологий DLT [13].

Третий аспект касается доступности CBDC для пользователей, а именно: способа идентификации. Данный вопрос особенно актуален для развивающихся стран, где уровень пользователей цифровой банковской инфраструктурой значительно ниже, чем в развитых странах [14]. Среди методов доступа к счетам на сегодняшний день наиболее распространенным является доступ

на основе счета, десять центральных банков отдают предпочтение счетам, четыре изучают возможность организации доступа на основе токенов и еще девять рассматривают совокупность обоих методов.

Четвертый аспект связан с системой реализации платежей нерезидентов внутри страны, а также резидентов за границей и трансграничными переводами. В этой связи требуется синхронизация некоторых систем на межгосударственном уровне. Потенциально систему можно организовать таким образом, чтобы сделать международные платежи более дешевыми и быстрыми. Проблема заключается в том, что ЦБ будет реализовывать изолированную систему платежей.

Большинство проектов по внедрению CBDC возникают в цифровизируемых и инновационных экономиках. При этом, такая разработка не стремится заменить наличные деньги, а только дополнить предложение цифровых услуг [15].

Таким образом, регуляторам предстоит решить, самостоятельно обслуживать платформу или через посредников, каким пользователям предоставлять доступ к системе (физическим лицам, юридическим лицам, банкам), предусмотреть возможность использования цифровой валюты нерезидентами, а также способы организации трансграничных платежей. Кроме того, при определенных условиях, функционирование цифровой национальной валюты способно снизить кредитный потенциал банков.

Заключение

По итогу, была рассмотрена история трансформации безналичных платежей и, несмотря на то, что платежи со временем стали надежнее, доступнее и быстрее, современные технологии позволяют усилить эти эффекты. Вместе с тем, новая форма денег неизбежно заменит некоторые существующие денежные агрегаты, при этом степень вытеснения можно будет оценить только после определения модели реализации системы CBDC. Существующие цифровые валюты используют как технологии распределенного реестра учета, так и централизованного. Степень вариативности технологий ставит вопрос перед регуляторами в выборе оптимальной модели. Кроме того, производные технологии типа смарт-контрактов способны исключить промежуточные элементы и преобразовать систему договорных отношений, автоматизировав операции. Тем не менее, остается ряд открытых вопросов. Риск дезинтермедиации способен произвести структурные изменения в организации финансовой системы, сократить количество сотрудников в финансовой отрасли. Новый вид финансового актива в банковской среде способен повлиять на соотношение активов и пассивов банков, а значит изменить их кредитный потенциал.

В данной статье составлена общая картина в данной области. Ввиду широкого диапазона вариаций моделей системы функционирования CBDC целесообразно продолжить исследования по каждому из затронутых аспектов в отдельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Как мы научились обходиться без налички: краткая история банковских карт. Блог компании «Газпромбанк». URL: <https://habr.com/ru/companies/gazprombank/articles/667982/>
2. История бесконтактных платежей: с прошлого века до наших дней. Интернет-портал Banks.am. URL: <https://banks.am/ru/news/fintech/22668>
3. Варданян Э. Рабочий документ ЦБРА «Цифровая валюта ЦБ: случай Армении», 2023. С. 6. URL: https://www.cba.am/EN/panalyticalmaterialsresearches/CBDC_26.06.2023.pdf
4. Официальный сайт ЦБ Армении. URL: <https://www.cba.am>
5. Киселев А. Аналитическая записка ЦБРФ «Есть ли будущее у цифровых валют ЦБ?», 2019. С. 7. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/71328/analytic_note_190418_dip.pdf
6. Документ для обсуждения ЦБА «Цифровая валюта ЦБ. Возможности, вызовы, проектирование», 2020. С. 10. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design.pdf#page=14>
7. Интернет-ресурс для отслеживания цен на криптоативы Coin Market Cap. URL: <https://coinmarketcap.com/>
8. Интернет-ресурс Ethereum Whitepaper. URL: <https://ethereum.org/en/whitepaper/>
9. Что изменилось в регулировании цифровых активов в России. Итоги года. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/657973609a79477cf6299ef1>
10. Варданян Э. Рабочий документ ЦБРА «Цифровая валюта ЦБ: случай Армении», 2023. С. 6. URL: https://www.cba.am/EN/panalyticalmaterialsresearches/CBDC_26.06.2023.pdf
11. Ауэр Р., Корнелли Д., Фрост Д. «Рост CBDC», октябрь, 2023г. С. 186. URL: <https://www.ijcb.org/journal/ijcb23q4a5.pdf>
12. Там же. СС. 205–206.
13. Варданян Э. Рабочий документ ЦБРА «Цифровая валюта ЦБ: случай Армении», 2023. С. 4. URL: https://www.cba.am/EN/panalyticalmaterialsresearches/CBDC_26.06.2023.pdf
14. Там же. С. 10.
15. Банк международных расчетов, <https://www.bis.org/publ/work880.htm>

TRANSFORMATION OF THE FINANCIAL SECTOR IN THE ERA OF DIGITAL CURRENCIES: PROSPECTS AND IMPLEMENTATION MODELS

A. Yesayan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The digitalization of the economy inevitably impacts the financial sector. Central banks are actively exploring the prospect of implementing a digital national currency. Additionally, there is significant demand for private digital currencies. This article examines several key issues in this context, namely, the transformation of payment organization, the characteristics of

existing forms of money, and the specifics of a potential central bank digital currency. Furthermore, we will discuss the advantages of existing digital currencies and some models for implementing national forms of digital currencies.

Keywords: digital currency, national digital currency, models of national digital currency implementation.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-113-130
УДК 378.1

Поступила: 15.06.2024г.
Сдана на рецензию: 16.06.2024г.
Подписана к печати: 16.07.2024г.

ПРОБЛЕМЫ НОРМИРОВАНИЯ ВРЕМЕНИ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ: АДАПТАЦИЯ И ВНЕДРЕНИЕ В РАУ

Э.М. Сандоян¹, М.А. Восканян², И.К. Степанян³

*Российско-Армянский (Славянский) университет
edward.sandoyan@rau.am, mariam.voskanyan@rau.am,
iveta.stepanyan@rau.am*

*ORCID¹: 0000-0002-2848-4946, ORCID²: 0000-0002-5417-6648; ORCID³:
0009-0006-9737-2338*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу проблем нормирования времени профессорско-преподавательского состава в высших учебных заведениях, а также разработке нового подхода в нормировании времени ППС для Российско-Армянского университета. В условиях постоянного изменения образовательных стандартов и требований к качеству преподавания, важно обеспечить оптимальную нагрузку преподавателей, которая позволит эффективно выполнять образовательные, научные и административные обязанности.

В ходе исследования были проанализированы существующие нормативные акты и методические рекомендации, регулирующие рабочее время профессорско-преподавательского состава в российских и армянских вузах.

Результаты исследования могут быть использованы не только в РАУ, но и в других высших учебных заведениях, заинтересованных в оптимизации рабочего времени своих преподавателей и улучшении образовательного процесса.

Ключевые слова: нормы времени, профессорско-преподавательский состав, высшие учебные заведения, оптимизация нагрузки, нормативные акты.

Введение

Ключевая роль в высших учебных заведениях отводится профессорско-преподавательскому составу, поскольку подготовка высококвалифицированных специалистов зависит от уровня их специализации, профессиональных способностей и условий труда.

Российско-Армянский университет, как межгосударственный университет, уделяет этому особое внимание и стремится обеспечить качественное академическое образование, в создании которого велика роль профессорско-преподавательского состава.

С этой точки зрения важно изучить особенности работы и структуру формирования педагогической нагрузки в других вузах, на основе чего можно усовершенствовать действующие нормы рабочего времени в Российско-Армянском университете.

Работа профессорско-преподавательского состава состоит из нескольких направлений: учебного, научно-исследовательского, а также организационного и педагогико-воспитательного. За столь разнообразную деятельность оплата труда преподавателей должна соответствовать их заслугам.

Применение норм времени позволяет наиболее эффективно распределять различные виды педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава в целях рационального использования труда и обеспечения высокого качества учебной, методической, научной, организационной и воспитательной работы. Нормы времени являются базой для формирования объема педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава по всем видам работ и выполнения ее с учетом занимаемой должности и ежегодно составляемым индивидуальным планам педагогической деятельности преподавателя [1].

Основная часть

Рассмотрим положения о нормах времени планирования и учета педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава в государственных вузах Российской Федерации.

В основном, все положения о планировании и учете труда профессорско-преподавательского состава, расчет объема и структуры учебной нагрузки государственных вузов, которые мы рассмотрели, были разработаны на основе нижеперечисленных требований:

- Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 N 197-ФЗ [2];
- Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3];
- Постановление Правительства Российской Федерации от 03.06.2013 № 467 «О мерах по осуществлению перехода к нормативно-подушевому финансированию имеющих государственную аккредитацию образовательных программ высшего профессионального образования» [4];
- Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – програм-

мам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, утвержденный приказом Минобрнауки России от 06.04.2021 № 245 [5];

- Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)», утвержденный приказом Минобрнауки России от 19.11.2013 № 1259 [6];
- Положение о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 30.11.2021 № 2122 [7];
- Приказ Минобрнауки России от 22.12.2014 № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре» [8];
- Особенности режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, утвержденные приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 11.05.2016 № 536 [9];
- Примерные нормы времени для расчета объема учебной работы и основные виды учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования, (приложение к письму Минобрнауки России от 26.06.2003 № 14-55-784ин/15) [10].

Общий объем полной ставки педагогической нагрузки ППС во всех вузах рассчитывается исходя из 36-и часовой пятидневной или шестидневной рабочей недели. Учебная нагрузка рассчитывается в академических часах. Один академический час равен 45 минутам, при расчете объема учебной работы один академический час приравнивается к астрономическому часу.

Рассмотрим ключевые моменты положения о нормировании и учете рабочего времени педагогических работников **Московского государственного университета им М.В. Ломоносова**.

Для всех видов аудиторной контактной работы устанавливается продолжительность академического часа 45 минут. Верхний предел учебной нагрузки для преподавателей устанавливается в объеме, не превышающем 900 часов в учебном году для всех должностей профессорско-преподавательского состава [11].

Для проведения лабораторных работ численность студентов не менее 8 человек на подгруппу, по медицинским дисциплинам подгруппа может быть уменьшена до 6 человек.

Для проведения консультаций по учебным дисциплинам предусмотрены консультационные часы от общего числа лекционных часов на изучение каждой дисциплины по учебному плану на 1 группу: 5% – по очной форме обучения, 10% – по очно-заочной форме обучения и 15% – по заочной форме обучения. Перед вступительным испытанием, перед промежуточной аттестацией, перед итоговой аттестацией студентов и аспирантов – 2 часа на группу или поток [12].

Для индивидуальных консультации по программам дополнительного профессионального образования предусмотрено 40 часов, если срок обучения от 4 до 6 месяцев, 20 часов – если от 1 до 3 месяцев [13].

Контрольные часы для приема устных и письменных вступительных экзаменов составляют: 4 часа на проведение экзамена на поток поступающих, 0,3 часа – на проверку каждой письменной работы и 0,25 часа – каждому из экзаменаторов на каждого экзаменующегося на устном экзамене. Для проведения собеседования с поступающими – 0,25 часа каждому члену комиссии на каждого поступающего. Для рецензирования выпускных работ и рефератов по программам дополнительного профессионального образования – до 3 часов на работу.

Другим примером по расчету нормы времени является Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, где новые механизмы регламентации педагогической деятельности были утверждены в 2023 году.

Общий объем педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава, работающего на полную ставку, рассчитывается исходя из шестичасового рабочего дня и шестидневной рабочей недели, а также – с учётом осуществления всех видов работ, предусмотренных трудовыми (должностными) обязанностями и индивидуальным планом, и, в зависимости от количества праздничных дней в календарном году, должен составлять от 1530 до 1550 часов в год [14].

Объем часов для учебной работы является обязательным и определяется в зависимости от занимаемой должности профессорско-преподавательского состава, уровня квалификации и не может превышать верхних пределов, устанавливаемых по должностям профессорско-преподавательского состава, который составляет 900 часов.

При расчёте объема учебной нагрузки для занятий семинарского типа (семинары, практические занятия, практикумы, лабораторные работы, коллоквиумы и иные аналогичные занятия) учитывается учебная группа, численность которой не может превышать 35 обучающихся. При расчетах объема учебной нагрузки занятий семинарского типа по дисциплинам иностранного языка на

языковых направлениях подготовки, численность учебной группы или подгруппы предусматривает не более 15 обучающихся. Учебные подгруппы для проведения занятий семинарского типа по дисциплинам, которые проводятся в компьютерных классах и (или) в лабораториях, а также по дисциплинам творческой направленности, предусматривают численность 12–15 обучающихся. При расчете объема учебной нагрузки для занятий семинарского типа допускается объединение учебных групп по различным специальностям и (или) направлениям, и (или) образовательным программам в учебные потоки, не превышающие 60 обучающихся. Расчет планируемой нагрузки по элективным и факультативным дисциплинам осуществляется при условии наличия в группе не менее 25 обучающихся для программ бакалавриата и специалитета, не менее 12 обучающихся – для программ магистратуры [15].

Прием экзамена (устного или письменного, кроме группового тестирования) составляет 0,33 часа, прием экзамена в форме группового тестирования – 0,13 часа, прием зачета с оценкой (устного или письменного, кроме группового тестирования) – 0,25 часа, а прием зачета с оценкой в форме группового тестирования – 0,08 часов. Для руководство кафедрой/высшей школой/научно-образовательным центром, созданным как учебное структурное подразделение, предусмотрены 100 часов в год.

Учебно-методическая работа преподавателя включает в себя следующие виды:

- ✓ подготовка к лекциям – 1–2 ч. на час лекций;
- ✓ подготовка к практическим, лабораторным и другим занятиям семинарского типа – до 1 ч. на час занятий;
- ✓ разработка рабочей программы дисциплины (практики), программы государственной итоговой аттестации в Репозитории – до 50 в год, актуализация – до 30 часов, разработка новой – до 50 часов;
- ✓ подготовка учебно-методических материалов по дисциплинам (практикам) учебного плана – до 50 часов в год;
- ✓ участие в разработке учебных планов и основных образовательных программ – до 100 часов в год;
- ✓ разработка фонда оценочных средств по дисциплине (практике), программы государственной итоговой аттестации – до 100 в год;
- ✓ разработка онлайн-курсов для обучения – до 400 в год;
- ✓ написание учебников и учебных пособий для издания – до 200 в год.

Научная работа преподавателя включает в себя:

Научные публикации:

- ✓ в журналах, индексируемых в РИНЦ и входящих в текущий перечень ВАК России, за исключением журналов, входящих в Scopus и (или) WoS (в том числе базу данных RSCI) – до 70 за 1 статью;

- ✓ в журналах, индексируемых в РИНЦ, но не входящих в текущий перечень ВАК России – до 20 за 1 статью;
- ✓ в журналах, индексируемых в Scopus и (или) WoS (в том числе входящих в базу данных RSCI) – до 150 за 1 статью;
- ✓ всероссийских конференций с публикацией в изданиях не ниже уровня изданий, индексируемых в РИНЦ – до 50 за 1 статью;
- ✓ международных конференций с публикацией в изданиях не ниже уровня изданий, индексируемых в РИНЦ – до 70 за 1 статью;
- ✓ написание и публикация монографии – до 200;
- ✓ патенты на изобретение: российские и зарубежные патенты на изобретения – 100–150;
- ✓ выполнение госбюджетных научно-исследовательских работ по плановой или по инициативной тематике, утвержденным Научно-техническим советом СПбПУ – до 400 в год;
- ✓ научное руководство и консультирование обучающихся в подготовке проектов и работ на конкурсы, выставки, гранты, фестивали: международные и российские – до 100 в год;
- ✓ подготовка и защита: докторской диссертации, кандидатской диссертации – 150–300;
- ✓ работа в качестве эксперта в советах (комиссиях) от университета – 20 за 1 мероприятие.

Организационная и воспитательная работа преподавателя включает в себя такие виды, как:

- ✓ работа в качестве заместителя директора института по учебной, методической или научной работе, по НИР студентов и работе с аспирантами, по работе с иностранцами, по работе в общежитиях – до 200 в год;
- ✓ работа в качестве заместителя руководителя учебного структурного подразделения по учебной, методической или по научной работе, по работе с аспирантами, по работе с иностранцами, по гражданской обороне, по НИР студентов, руководство научным содержанием программы магистратуры – до 100 в год;
- ✓ составление расписаний занятий, учет нагрузки преподавателей и учебного структурного подразделения, контроль учебно-методической документации – до 100 в год;
- ✓ работа куратором в соответствии с Положением СПбПУ «О кураторской деятельности» – до 100 в год;
- ✓ организация и проведение внеучебных спортивных мероприятий – до 100 в год.

Распределение педагогической нагрузки на следующий учебный год и выполнение индивидуальных планов осуществляются не позднее 1 июня текущего учебного года для действующих ППС и до 31 августа для преподавателей, вновь избранных по конкурсу на следующий учебный год.

Выполнение педагогической нагрузки преподавателями обсуждается на заседании учебного структурного подразделения высшей школы/кафедры и отражается в индивидуальном плане преподавателя до 5 июля текущего учебного года.

Преподаватель обязан обеспечить соответствующей учебно-методической документацией все виды работ, перечисленные в разделе «Учебная работа».

Ответственными за контроль выполнения педагогической нагрузки преподавателей являются руководители учебных структурных подразделений.

Дирекция основных образовательных программ в июле текущего года проводит выборочный контроль выполнения педагогической нагрузки и заполнения преподавателями индивидуальных планов на следующий учебный год в учебных структурных подразделениях.

В рамках исследования, был также изучен опыт **Российско-Таджикского (Славянского) университета**, принятое в нем положение о нормах времени для расчета объема учебной нагрузки ППС.

Общий объем нагрузки педагогических работников, замещающих должности профессорско-преподавательского состава, работающих на полную ставку, рассчитывается, исходя из шестичасового рабочего буднего дня и пятичасового субботнего дня (рабочее время составляет 36 часов в неделю) и с учетом второй половины дня, должен составлять 1512 часов в год [16].

При расчете часов практических и семинарских занятий основной единицей является учебная группа численностью, как правило, 25 обучающихся, для магистрантов – не менее 10 человек. Под термином «подгруппа» подразумевается часть учебной группы численностью 12–15 обучающихся (в бакалавриате и специалитете). Деление группы на подгруппы производится для практических занятий по иностранным языкам и дисциплинам, которые проводятся в компьютерных классах, в лабораториях при наличии обоснования от структурного подразделения исполнителя нагрузки.

Верхний предел учебной нагрузки штатного преподавателя университета по программам высшего образования устанавливается дифференцированно по должностям профессорско-преподавательского состава в размере до 840 часов в учебный год (в пределах ставки).

Для проведения консультаций перед экзаменами:

- ✓ перед вступительным испытанием – 2 часа на поток;
- ✓ перед промежуточной аттестацией – 2 часа на группу;
- ✓ перед итоговой аттестацией – 2 часа на группу.

Для приема устных и письменных вступительных экзаменов:

- ✓ 4 часа на проведение экзамена на поток поступающих;
- ✓ 0,3 часа на проверку каждой письменной работы;
- ✓ 0,25 часа каждому экзаменатору на каждого экзаменуемого на устном экзамене.

Для рецензирования реферата в аспирантуре и материалов диссертационного исследования докторантов – 3 часа за 1 печатный лист.

Руководство, консультирование и рецензирование выпускных квалификационных работ бакалавров:

- ✓ руководство, консультирование – 20 часов;
- ✓ рецензирование – 4 часа.

Руководство:

- ✓ профессор – не более 20 работ;
- ✓ доцент – не более 15 работ;
- ✓ старший преподаватель – не более 10 работ;
- ✓ преподаватель (к.н.) – не более 5 работ;
- ✓ рецензирование – не более 15 работ на одного рецензента.

Руководство, консультирование и рецензирование дипломных работ специалистов:

- ✓ руководство, консультирование – 25 часов;
- ✓ рецензирование – 4 часа.

Руководство, консультирование и рецензирование ВКР магистрантов

- ✓ консультирование – 30 часов на 1 курсе (что включает оплату научно-исследовательской работы);
- ✓ руководство – 30 часов в год на выпускном курсе;
- ✓ рецензирование – 4 часа.

Руководство аспирантом дневной формы обучения – 50 часов, заочной формы обучения или соискателем – 25 часов.

В Российско-Таджикском (Славянском) университете также установлены нормы времени по отдельным видам работы для расчета плановой учебной нагрузки преподавателя по «второй половине» рабочего дня – такие, как подготовка к занятиям, написание и подготовка к изданию учебников, перевод книг на русский язык, составление и подготовка к изданию учебно-методических материалов, составление рабочих учебных программ и т.д.

Далее рассмотрим нормы времени, установленные для профессорско-преподавательского состава в вузах Армении.

Согласно нормам расчета учебной нагрузки **Национального аграрного университета Армении**, численность студентов для потока лекционных занятий – 60 человек, группа для практических занятий – 25–30 человек, подгруппа для лабораторных занятий – 12–17 студентов.

Средняя учебная нагрузка на одну преподавательскую должность установлена в размере 850 часов. Минимальная аудиторная нагрузка составляет не менее 35% учебной нагрузки [17].

Годовая нормативная продолжительность рабочего времени профессор и преподавателей установлена в размере 1620 часов (45 недель, 36 часов в неделю). В зависимости от количества часов кафедры, преподавателю может быть назначена ставка в 1,25, если общее количество часов не превышает 1080. 1620 часов рабочего времени для обеспечения оставшихся часов учебно-методическим, научно-исследовательским, опытно-конструктивным, организационно-методическим и др. учебными и научными процессами.

Можно произвести расчет преподавательской работы профессоров в пересчете на академические часы по часовым нормам и учебным, методическим, исследовательским и другим работам профессорско-преподавательского состава. Академический час определяется четностью часов: первый час составляет 60 минут, второй час – 50 минут. Нагруженность заведующего кафедрой должна быть установлена на уровне 1,0 ставки, не менее 0,5 ставки которого должна быть учебная нагрузка.

Рассмотрим нормы расчета учебно-методической нагрузки профессорско-преподавательского состава **Ереванского государственного университета**.

В случае лекционных часов поток составляет не менее 60 студентов. В магистратуре должен составлять не менее 6 студентов для физико-математических и естественных наук, и 10 студентов – для гуманитарных и социально-экономических программ[18].

При практических занятиях группа состоит из 20–25 студентов, языковая группа – 15–20 студентов. Один преподаватель может быть руководителем не более 10 курсовых работ, не более 5 дипломных работ и не более 6 магистерских работ.

Распределение времени осуществляется по семестрам.

- Штатное расписание кафедры составляется из расчета средней нагрузки не менее 700 часов на одного преподавателя.
- Распределение нагрузки кафедры между преподавателями осуществляется заведующим кафедрой по согласованию с деканом, утвержденным проректором по воспитательной работе.
- Нагрузка по статусу должна отвечать следующим требованиям:
 - а) лекции должны составлять не менее 120 часов в нагрузке профессора;
 - б) аудиторных (лекционных, практических, семинарских, лабораторных) часов в нагрузке доцента должно быть не менее 240 часов, из них лекций – не менее 120 часов;
 - в) количество часов, отведенных на зачеты и экзамены в нагрузке профессора, доцента, ассистента, преподавателя не должно превышать 30%;

г) за счет практических, семинарских или лабораторных занятий кафедры аспирантов 2-х и 3-х курсов на педагогическую практику будет выделено 120 часов (по 60 часов в каждом семестре).

- Специалисты, приглашенные для внутреннего и внешнего преподавания, могут быть наняты по ставке до 0,5 или на почасовой основе.

Рассмотрим порядок формирования и расчета нагрузки профессорско-преподавательского состава в **Международном университете Евразии**.

Штатное расписание основного профессорско-преподавательского состава кафедр составляется на каждый учебный год. Для штатного профессора и доцента общая нагрузка устанавливается в размере 600 часов за весь учебный год, а для доцента или преподавателя – всего 700 часов [19].

В состав основного персонала могут входить лица, имеющие не менее 100-процентной загруженности. Представители факультета могут иметь максимальную нагрузку в 1,5 раз (за исключением часов, предусмотренных по гранту, двойному диплому и другим специальным программам).

Аудиторная загруженность (лекции, лабораторные и практические занятия, семинары, консультации) должна составлять не менее 20% нагрузки профессора, 40% – нагрузки доцента, 60% – нагрузки доцента и преподавателя.

В состав основного профессорско-преподавательского состава соответствующих кафедр могут войти сотрудники, занимающие административные и иные должности вуза, если они соответствуют профессиональным и иным требованиям. Их годовой объем учебной нагрузки (включая занятия на подготовительном отделении, преподавание в колледже и т.п.) не может превышать 300 часов. Заведующие кафедрами могут иметь нагрузку до 0,5 ставки (кроме часов, предусмотренных грантом, двойным дипломом и другими специальными программами).

Лекции проходят потоками – в соответствии с учебными планами различных профессиональных образовательных программ. Потоки по предметам из блока «Общегуманитарно-социальные» и «Общематематические и естественнонаучные курсы», предусмотренные учебными планами образовательных программ университета, могут быть объединены в группы до 70 обучающихся (кроме предметов по преподаванию языков, потоки которых не могут превышать 15 студентов). Потоки, сформированные из предметов, входящих в блок «Профессиональные курсы», включают до 50 студентов (за исключением лабораторных занятий, потоки которых не могут превышать 10 студентов). Потоки также можно формировать по количеству реальных студентов.

Опыт Российско-Армянского (Славянского) университета

Исходя из анализа «Положения о нормах времени планирования и учета педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава», мы составили проект положения норм времени для расчета объема педагогической

нагрузки профессорско-преподавательского состава по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры и программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре для Российско-Армянского университета.

Установлен общий объем педагогической нагрузки ППС, который рассчитывается, исходя из шестичасового рабочего дня и пятидневной рабочей недели, с учетом осуществления всех видов работ, предусмотренных настоящими Нормами времени, и может составлять максимум 1300 часов в год.

Документом, определяющим педагогическую нагрузку каждого преподавателя университета, является индивидуальная педагогическая нагрузка преподавателя, формируемая кафедрой/институтом, осуществляющим образовательную деятельность в Российско-Армянском университете.

Для определения объема учебной работы педагогических работников, замещающих должности профессорско-преподавательского состава, устанавливаются пределы учебной нагрузки на полную ставку, согласно Табл. 1.

Таблица 1. Объем часов учебной работы ППС на полную ставку.

Должность	Верхний предел объема учебной нагрузки, час
Заведующий кафедрой (доктор наук, профессор)	670
Заведующий кафедрой (доктор наук, и.о. профессора)	670
Заведующий кафедрой (кандидат наук, доцент)	770
Заведующий кафедрой (кандидат наук, и.о. профессора)	670
Профессор (доктор наук, кандидат наук)	670
И.О. профессора (доктор наук, кандидат наук)	670
Доцент (доктор наук, кандидат наук)	770
И.О. доцента (доктор наук, кандидат наук)	770
Старший преподаватель (кандидат наук)	790
Старший преподаватель (без ученой степени)	860
Преподаватель (кандидат наук)	880
Преподаватель (без ученой степени)	900
Ассистент (без ученой степени)	900

Учебная нагрузка включает в себя контактную работу обучающихся с преподавателем. Максимальный объем учебной нагрузки на ставку заработной платы составляет 900 астрономических часов за учебный год¹.

Нагрузка профессора (полная ставка) должна включать не менее 200 часов аудиторных занятий в год, а доцента – не менее 240 часов.

¹ п.6.4, п. 7.1.2 приказа Минобрнауки России от 22.12.2014 № 1601, п.17 приказа Минобрнауки России от 05.04.2017 № 301, п.18 приказа Минобрнауки России от 19.11.2013 № 1259.

Общий объем педагогической нагрузки ППС, работающего на полную ставку, рассчитывается исходя из шестичасового рабочего дня и пятидневной рабочей недели и должен составляться с учетом осуществления всех видов работ, предусмотренных настоящими Нормами времени.

Объем педагогической нагрузки на учебный год фиксируется в индивидуальной педагогической нагрузке преподавателя. В случае изменения объема учебной нагрузки допускается корректировка индивидуальной педагогической нагрузки преподавателя.

Для административно-учебного состава РАУ допускается научно-педагогическая работа на условиях внутреннего совместительства в объеме не более 350 часов, но и не более 0,5 ставки по занимаемой должности ППС. При работе на условиях внутреннего совместительства планируется не только учебная работа, но и другие виды работ в объеме, соответствующем доле занимаемой ставки.

В части кадрового обеспечения расчета количества ставок педагогических работников используется среднее значение учебной нагрузки – 800 часов.

Совокупная педагогическая нагрузка ППС кафедры должна составлять не менее 6000 часов в год, за исключением тех кафедр, которые действуют вне Университета (базовых кафедр).

При расчете объема учебной нагрузки ППС академический (учебный) час приравнивается к астрономическому часу.

Для расчета объема учебной нагрузки устанавливаются следующие правила.

- Объем учебной нагрузки для занятий лекционного типа рассчитывается на учебный поток или учебную группу. В учебные потоки могут объединяться учебные группы по различным специальностям и (или) направлениям подготовки и (или) образовательным программам. Учебный поток формируется с учетом возможностей аудиторного фонда РАУ, используемого при проведении занятий лекционного типа по конкретной дисциплине.
- Разделение бакалавров, магистрантов, аспирантов и соискателей на потоки определяется особенностями основных образовательных программ. Лекционные часы рассчитываются на поток. Для студентов очного обучения поточные лекции по общеобразовательным дисциплинам осуществляются по принципу объединения различных специальностей в потоки.

Объем учебной работы при реализации программ бакалавриата, специалитета, магистратуры засчитывается следующим образом:

- чтение лекций – 1 час за 1 академический час, если число студентов в потоке от 100 до 150, то 1 час засчитывается как 1,25;

- проведение лабораторных работ – 1 час на лаб. группу за 1 академический час;
- проведение семинарских и практических занятий – 1 час на академическую группу за 1 академический час;
- проведение экзаменационных консультаций, в том числе и перед государственными экзаменами – 1 час перед каждым экзаменом;
- приём устных и письменных экзаменов в процессе освоения образовательных программ, приём зачетов по дисциплинам, предусмотренным учебным планом, прием зачетов и экзаменов во время ликвидационной сессии – 0.2 часа на студента;
- проверка и прием контрольных, расчетно-графических работ, расчетных заданий, домашних заданий и рефератов, проверка компьютерных программ (промежуточный или итоговый контроль) – 0.2 часа на студента.

Количество контрольных работ определяется в зависимости от трудоемкости и учебной программы дисциплины:

При наличии экзаменационной и зачетной сессии:

до 2-х кредитов – 0 контрольных работ,

3–4 кредита – не более 1 контрольной работы,

6 кредитов – не более 2 контрольных работ.

- Государственные экзамены – 0.5 часов на одного экзаменуемого каждому члену государственной экзаменационной комиссии, председателю – 0,6 часов, секретарю 0,25 – часов;
- Прием вступительных экзаменов в магистратуру – 0.2 часа на одного поступающего по каждой дисциплине каждому члену экзаменационной комиссии;
- Прием вступительных экзаменов в аспирантуру и кандидатских экзаменов – 0,3 часа на одного поступающего, аспиранта или соискателя по каждой дисциплине каждому члену экзаменационной комиссии;
- Рецензирование выпускных квалификационных работ – для специалистов и бакалавров – 2 часа;
- Внешнее рецензирование магистерских диссертаций – 15 000 драм за одну работу;
- Рецензирование реферата аспирантов и соискателей – 1 час за 1 реферат;
- Рецензирование кандидатских диссертационных работ – 3 часа за 1 работу;
- Рецензирование докторских диссертационных работ – 5 часов за 1 работу;

- Руководство курсовыми работами – руководство курсовыми работами одного студента за весь период обучения – для бакалавров и специалистов – 20 часов в случае одной курсовой за весь период обучения;
- Руководство выпускными квалификационными работами – Руководство на каждого студента выпускника – для бакалавров – 20 часов; для специалистов – 20 часов; для магистров – 25 часов.

Для учебно-методической работы преподавателя были установлены следующие нормы:

- ✓ Подготовка раздаточного материала к лекциям по дисциплине – 2 часа в год за каждую дисциплину;
- ✓ Подготовка материалов для практических, лабораторных и других занятий семинарского типа – 2 часа в год за каждую дисциплину;
- ✓ Разработка УМКД по дисциплине – 2–4 часа в год за каждую дисциплину;
- ✓ Разработка учебных планов по направлениям и уровням подготовки и специализации – 10 часов в год за каждый учебный план (только для заведующих кафедр. Учитываются только учебные планы, по которым реализуется образовательный процесс);
- ✓ Планирование и контроль учебной нагрузки ППС кафедры – 10 часов в год (только для заведующих кафедр);
- ✓ Разработка фонда оценочных средств по дисциплине – 2 часа в год;
- ✓ Разработка программы государственной итоговой аттестации – 2 часа в год за каждую программу (только для заведующих выпускающих кафедр);
- ✓ Разработка вопросника государственного экзамена, в бакалавриате, магистратуре, аспирантуре, разработка программы и вопросника вступительных экзаменов в магистратуру, аспирантуру – 2 часа в год за каждый вопросник (только для заведующих выпускающих кафедр);
- ✓ Участие в работе Учебно-методического совета – 5 часов в год (только для руководящего состава из числа АУП и заведующих кафедрами).

Для научной работы преподавателя были установлены следующие нормы:

- ✓ Работа в научно-методических советах, редколлегиях, экспертных советах РАУ – не более 3 часов в год;
- ✓ Участие в работе диссертационных советов РАУ – не более 10 часов в год;

- ✓ Руководство научно-педагогической практикой магистранта – 10 часов на каждого магистранта в течение одного из 3-х семестров обучения;
- ✓ Руководство научной работой магистранта – 10 часов на каждого магистранта в течение одного из 3-х семестров обучения;
- ✓ Участие в работе Научно-технического совета – 5 часов в год;
- ✓ Участие в Редакционно-издательский совет – 5 часов в год.

Для организационно-воспитательной работы преподавателя были установлены следующие нормы:

- ✓ Руководство кафедрой – 60 часов в год;
- ✓ Руководство МОП – 50 часов в год;
- ✓ Участие в работе Ученого совета РАУ – не более 10 часов в год;
- ✓ Организация и прием курсовых работ в бакалавриате и специалитете, организация предзащиты ВКР в бакалавриате и специалитете, организация предзащиты магистерских диссертаций – 0,2 часов на одного студента;
- ✓ Работа в направлении развития международного сотрудничества на уровне кафедры – не более 5 часов в год (только для заведующих кафедр).

После этапа разработки новых норм времени, в рамках данного исследования была проведена апробация разработанных норм на основе фактической загрузки учебной ППС на 2023–2024 учебный год. В ходе апробации были рассчитаны фактические часы 33 кафедр Российско-Армянского университета по действующим нормам времени и по новым нормам времени.

Таблица 2. Сопоставительный анализ действующих и апробации новых норм времени в РАУ.

	Кафедры	Общая нагрузка кафедр по действующим нормам времени	Общая нагрузка кафедр по новым нормам времени	Прирост в процентах
1.	Выпускающие кафедры	245762,2	273230	14
2.	Общеуниверситетские кафедры	28567	28876	1

В Табл. 2 представлена фактическая учебная нагрузка 2023–2024 учебного года согласно действующим нормам, а также количество часов, полученное на основе наших расчетов при применении новых норм времени. Согласно данным, увеличение нагрузки по части выпускающих кафедр составит 14%, в то время, как по обслуживающим кафедрам ожидается увеличение на 1%.

Таблица 3. Структура учебной нагрузки ППС кафедр РАУ по результатам апробации.

	Кафедры	Учебная работа по действующим нормам времени	Учебная работа по новым нормам времени	Прирост в процентах
1.	Выпускающие кафедры	245762,2	197556	-19,6
2.	Общеуниверситетские кафедры	28567	27090	-5

При рассмотрении исключительно учебной нагрузки, сокращение по выпускающим кафедрам составит около 20%, а по обслуживающим кафедрам – 5%.

Однако, по новым нормам времени, общая учебная нагрузка будет включать не только учебную, но и учебно-методическую, научную и организационно-воспитательную составляющие.

Таблица 4. Структура новых норм времени в РАУ по результатам апробации.

	Кафедры	Учебная работа	Учебно-методическая работа	Научная работа	Организационно-воспитательная работа
1.	Выпускающие кафедры	197556	38907,8	27192,8	9573,2
2.	Общеуниверситетские кафедры	27090	1481	110	195,6

Подводя итоги, приходим к выводу, что в результате введения новых норм нагрузка профессорско-преподавательского состава увеличится в среднем на 14%. В случае обслуживающих кафедр процент роста составляет 5–10%, единственная кафедра, которая по новым нормам будет иметь сокращение количества часов, это – кафедра армянского языка и литературы, поскольку часы кафедры в основном состоят из аудиторных и контрольных часов, которые по старым нормам составляли 0,3 часа, а по новым нормам – 0,2 часа. В основном, существенное увеличение часов приходится на выпускающие кафедры, которые реализуют образовательные программы.

Заключение

Безусловно, идеального подхода к расчету и нормированию рабочего времени профессорско-педагогического состава в вузе не существует. Каждый из представленных выше примеров, включая опыт Российско-Армянского университета, нуждается в постоянной корректировке, с учетом быстро меняющихся условий работы в образовательной среде, применением дистанционных форм

обучения, а также многих других факторов, которые влияют не только на формат и механизм деятельности преподавателя, но также и на его эффективность в обеспечении образовательного процесса в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нормы времени планирования и учета педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. URL: https://www-old.knu.kg/ru/images/stories/2019/06_2019/07/uo/norma.pdf.
2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024), URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.06.2013 № 467 «О мерах по осуществлению перехода к нормативно-подушевому финансированию имеющих государственную аккредитацию образовательных программ высшего профессионального образования» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147123/.
5. Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, утвержденный приказом Минобрнауки России от 06.04.2021 № 245. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608266066>.
6. Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)», утвержденный приказом Минобрнауки России от 19.11.2013 № 1259. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499061759>.
7. Положение о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 30.11.2021 № 2122. URL: <https://docs.cntd.ru/document/727251280>.
8. Приказ Минобрнауки России от 22.12.2014 № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420245392>.
9. Особенности режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, утвержденные приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 11.05.2016 № 536. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564855493>.
10. Примерные нормы времени для расчета объема учебной работы и основные виды учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования, (приложение к письму Минобрнауки России от 26.06.2003 № 14-55-784ин/15). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901876058>.
11. Положения о нормировании и учете рабочего времени педагогических работников Московского государственного университета им М.В. Ломоносова. URL: <https://>

- ork.msu.ru/wp-content/uploads/2019/01/Положение-о-нормировании-и-учете-рабочего-времени-в-том-числе-учебной-нагрузки-ППС.pdf
12. Там же.
 13. Там же.
 14. Нормы времени в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого. URL: https://www.spbstu.ru/upload/dmo/rules_time_2023.pdf.
 15. Там же.
 16. Положение о нормах времени для расчета объема учебной нагрузки ППС Российско-Таджикского (Славянского) университета. URL: https://old.rtsu.tj/ru/university/about/dokumenty/Проект_Положение_О_нормах_времени_для_расчета_объема_учебной_нагрузки_ППС_РТСУ.pdf
 17. Нормы расчета учебной нагрузки Национального аграрного университета Армении. URL: <https://anau.am/wp-content/uploads/2022/01/ՀԱՍՏ-դասախոսական-կազմի-բեռնվածությունը-հաշվարկի-նրբեր.pdf>.
 18. Нормы расчета учебно-методической нагрузки профессорско-преподавательского состава Ереванского государственного университета. URL: <http://documentation.yseu.am/wp-content/uploads/2023/07/13.2.-decision.pdf>.
 19. Порядок формирования и расчета нагрузки профессорско-преподавательского состава в Международном университете Евразии. URL: <https://www.eiu.am/wp-content/uploads/2023/02/պրոֆեսորական-կազմի-գործունեության-գնահատման-և-հավելվածարի-սահմանման-կանոնակարգ.pdf>.

**PROBLEMS OF TIME REGULATION FOR PROFESSORIAL
TEACHING STAFF IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS:
ADAPTATION AND IMPLEMENTATION IN RAU**

*E. Sandoyan, M. Voskanyan, I. Stepanyan
Russian-Armenian (Slavonic) University*

ABSTRACT

The authors of the article analyze the problems of regulating the time norms of the teaching staff in higher education institutions, as well as the development of a new approach to regulating the time of the teaching staff for the Russian-Armenian University. In the context of constant changes in educational standards and requirements for the quality of teaching, it is important to ensure an optimal workload for teachers, which will allow them to effectively perform educational, scientific and administrative duties.

During the study, existing regulations and methodological recommendations governing the working hours of the teaching staff in Russian and Armenian universities were analyzed.

The results of the study can be used not only in RAU, but also in other higher education institutions interested in optimizing the working hours of their teachers and improving the educational process.

Keywords: timing standards, teaching staff, higher education institutions, workload optimization, regulations.

ФИЛОСОФИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-131-143
УДК 101.1:316.472

Поступила: 04.07.2024г.
Сдана на рецензию: 29.07.2024г.
Подписана к печати: 24.10.2024г.

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Д.В. Полежаев

*ГАУ ДПО «Волгоградская государственная академия
последипломного образования»*

polezh@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7093-5675

АННОТАЦИЯ

В данной статье подчеркивается *актуальность* социально-философского анализа феномена гражданской идентичности, поскольку он направлен на поиск сущностных оснований и особенностей взаимодействия общества и человека, в том числе в пространстве образования и воспитания.

Автором поставлен о вопрос научно-теоретического применения *ментального* подхода к осмыслению идентичности и сопоставления глубинно-психических социально-культурных установок менталитета и ценностно-смысловых концептов/культурно-исторических констант, характеризующих гражданскую идентичность как сложный и многоуровневый социально-исторический феномен.

Гражданская идентичность понимается автором как «живой» и открытый для направленных/формирующих изменений феномен. Он может быть охарактеризован также и с позиции ментальной трансформации социально-индивидуальных субъектов жизнедеятельности в пространстве исторической темпоральности.

Научно-теоретический контекст осмысления феномена гражданской идентичности реализуется в праксеологическом ключе – в обосновании и изучении возможностей *практического* приложения – использования в деятельности образовательных организаций авторской социолого-образовательной модели «Матрица идентичности».

Социолого-образовательная модель «Матрица идентичности» предлагается ученому сообществу, специализирующемуся в области социально-гуманитарного знания, как открытый с точки зрения понимания его структуры и содержания механизм психолого-педагогического мониторинга состояния гражданского самосознания индивида. Рассматриваемая модель может быть видоизменена в контексте культурно-исторических, гео-экологических, политико-идеологиче-

ских, языковых и иного рода реалий, специфическим образом преобразующих как отдельные (ожидаемые и реальные) результаты образования, воспитания и гражданского становления человека, так и механизмы практического достижения должного уровня гражданского самосознания.

Ключевые слова: гражданская идентичность, образование, социальная философия.

Политико-правовые и социокультурные основания актуализации проблемы национальной идентичности: вместо Введения

Актуальность социально-философского и философско-образовательного осмысления феномена идентичности актуализирована в современном российском социально-гуманитарном знании, с одной стороны, многочисленными нормативно-правовыми актами различного уровня – это Конституция России с поправками от 2020 г, изменения в законе «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания, «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «Стратегия национальной безопасности», «Концепция внешней политики России», «Основы государственной политики в области исторического просвещения» и другие. А с другой стороны, интерес к вопросам общероссийской гражданской идентичности связан сегодня с насущной потребностью российского народа, общества, цивилизации и отдельного гражданина в самоопределении и представлении «вовне» собственного национального «Я».

Проблема гражданской идентичности, рассматриваемая нами на культурно-историческом примере российской цивилизации, «Русского мира» (В трактовке «Концепции внешней политики Российской Федерации»), – имеет в определенном смысле *всеобщее* измерение. То есть разрабатываемая нами, философски и методологически обоснованная модель осмысления самоидентификации, как процесса и как социально-индивидуального явления, носит – в научно-теоретическом и социально-прикладном плане – в каком-то смысле универсальный характер.

Категориальное-понятийное определение идентичности может строиться на формулировках, зафиксированных в нормативных документах образования; например в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», где «идентичность» сливается с «самосознанием» и формулируется как «разделяемое всеми гражданами представление о своей стране, её народе, чувство принадлежности к своей стране и народу» [1]. Для более точного обозначения некоторых существенных в теоретическом отношении аспектов рассматриваемой проблемы отметим, что философски самоидентификация субъекта может рассматриваться как поиск

«тождественности», «подобия» или «равенства» [2], как некое «примеривание». Специфика предлагаемого нами понимания феномена идентичности заключается в том, что мы рассматриваем данный феномен как структуру одновременно функционирующих, но, тем не менее, различающихся в ценностно-смысловом плане концептов. Такого рода *аспектное* «измерение» идентичности позволяет его наилучшим образом приложить к практике воспитательной деятельности, в особенности, с опорой на предлагаемую нами социолого-образовательную модель «Матрица идентичности».

Для достижения основной *цели* исследования – социально-философского анализа структурных компонентов идентичности и их системного приложения к инокультурным, нежели исходное, пространствам, видится необходимым решение ряда исследовательских *задач*. Первая из них связана с социальной детерминацией феномена общероссийской гражданской идентичности. Вторая выводит исследование на практический / образовательно-технологический, системный уровень понимания национальной идентичности как развивающегося социально-индивидуального феномена. Третья задача включает в себя апробацию социолого-образовательной модели «Матрица идентичности» с перспективой приложения ее к работе образовательных организаций, занимающихся вопросами духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания. Некоторые исследовательские задачи «второго эшелона» решаются в процессе осмысления общей исследовательской проблемы – по мере их возникновения.

В качестве научно-теоретических и философско-методологических *оснований* логики социально-философского исследования феномена гражданской идентичности выступает системный подход, в соответствии с которым рассматриваемый предмет определяется как целостный феномен с соответствующими уровнями организации и социально-исторической динамикой. При социально-философском исследовании феномена гражданской идентичности через призму социолого-образовательной модели «Матрица идентичности» используются также методы сравнительно-исторического, кросс-культурного, структурно-функционального анализа и принципы диалектического мышления. Теоретическими основаниями и источниками исследования являются также работы отечественных и зарубежных исследователей, рассматривающих различные аспекты проблемы гражданской идентичности. Отдельными элементами научно-исследовательского инструментария выступают разрабатываемые автором *ментальный* [3; 4] и *субъектный* [5] подходы к осмыслению особенностей взаимодействия общества и человека, в том числе, в пространстве образования. Отметим также, что элементы социолого-образовательного / психолого-педагогического мониторинга обозначены в насто-

ящей работе лишь частным / контекстным образом – они требуют дополнительного и достаточно подробного содержательного развертывания с опорой на научно-социологические методы исследования.

Суть *ментального подхода*, предлагаемого нами для глубинно-психологического осмысления особенностей взаимодействия общества и человека, заключается в своего рода «протяжении» функциональных установок менталитета через призму социально-культурных его установок, которые в достаточно полном, полагаем, «наборе» представлены в социолого-образовательной модели «Матрица идентичности». Некоторые аспекты ментального подхода (с цитированием работ автора) в научно-теоретическом и прикладном плане отражены в ряде научных статей и работ монографического характера, созданных такими отечественными исследователями, как М.М. Бетильмерзаева, С.В. Бутенко, М.А. Галагузова, Е.В. Гелясина, Т.С. Дорохова, О.В. Колесова, Н.Л. Коршунова, А.А. Орлов, В.М. Полонский, П.С. Романов, И.П. Романова, В.В. Сериков [6; 7; 8; 9; 10]. Вместе с тем мы понимаем, что ментальное осмысление феномена идентичности нуждается в продолжительной научно-теоретической апробации, если речь идет об укоренении ментального подхода в социально-гуманитарном знании и в образовательно-воспитательной практике образовательных учреждений.

Структурно-содержательные аспекты общероссийской гражданской идентичности

В необходимом кратком историографическом обзоре рассматриваемой проблемы мы не предполагаем подробного анализа исследований. Большое число зарубежных и отечественных авторов занимались различными аспектами гражданской идентичности. В их числе можно назвать: J.A. Banks, Ph. Baty, J. Biddix, S. Black, M. Bruter, G.W. Chilcoat, E.H. Erikson, D.Y. Ford, S. Gilardi, J.G. Gimpel, R.S. Hashim, F.M. Hess, K. Hübner, M.M. Idrus, E. Kirby, J.A. Ligon, M. Lopez, E. Lozza, K. Marcelo, R.M. Mydin, M.D. Miller, S. Molnar-Main, S. Nieto, J. Polman, B.C. Rubin, J.E. Schuknecht, P. Somers, M. Yates, J. Youniss.

Среди авторов актуальных работ последних лет, раскрывавших те или иные стороны гражданской идентификации социального субъекта, выделяются такие, как Е.М. Арутюнова, М.А. Аствацатурова, М.В. Верещагина, А.В. Вотинцев, Л.Н. Вшивцева, А.П. Горбунов, К.М. Дерягина, Л.М. Дробичева, Р.Р. Каримов, А.А. Карпухина, А.К. Крупченко, С.Н. Лукаш, Т.В. Разина, М.З. Саматеева, П.В. Фадеев, М.Т. Хасханова. Заслуживают отдельного подробного осмысления посвященные проблеме гражданской идентичности труды, созданные группой российских ученых под руководством И.С. Семененко, – это Н.В. Борисова, М.Ю. Мартынов, Е.В. Морозова, М.В. Назукина, Д.С. Плотников, И.С. Семененко, Л.А. Фадеева и др.

Философский контекст проблемного поля, заданного в рамках темы настоящего исследования не вызывает сомнений. Он весьма выпукло проявляется, как в содержательных направлениях становления феномена гражданской идентичности, так и в практических / деятельностных его проявлениях, выходящих за пределы наличной (замкнутой и потому относительно устойчивой) системы национального самосознания / самоидентификации субъекта в контексте того или иного образовательного события.

Ряд структурно-содержательных элементов феномена общероссийской гражданской идентичности имеет, в рамках нашей концепции, социально-психологическое измерение [11], в том числе на уровне ментальной установки – как поведенческой, эмоционально-волевой, так и психологической – ценностно-смысловой. Например, функционально значимое понятие «коммуникация», рассматриваемое в контексте категории «социальное взаимодействие», а в учебном плане – как «коммуникативный менеджмент» (что может быть «переведено», например, как «управление общением»), необходимо выводит нас на понимание повседневной реализации жизнедеятельности. А с позиции философских категорий «необходимого» и «достаточного» мы можем рассматривать глубинно-психологические ментальные характеристики, как опорные точки различного рода социально-культурных, политических, исторических феноменов и проявления в их рамках субъектного взаимодействия, в том числе в сфере образования.

Философские категории «внешнего» и «внутреннего» в контексте применения технологий, социально связанных с пониманием субъектности (как научно-образовательного феномена), достаточно четко детерминируются, по меньшей мере, в трех уровневых ипостасях – пространствах содержательно-смысловой реализации человека / социальной группы / большого сообщества людей. Эти пространства могут быть выражены / развернуты посредством вопросов: 1) «Как выглядеть?»; 2) «Что представлять из себя?»; 3) «Что есть “Мы” – коллективное “Я”?» Они, в нашем понимании, важны для самопознания и самооценки становления человека, социальной группы и общества в целом и могут рассматриваться как промежуточный результат / «срез» социально-индивидуального развития. Ответы на эти вопросы видятся важными для каждого социально-индивидуального субъекта, и каждый может отвечать на них сколько угодно. Впрочем, бывают вопросы, которые больше любых ответов...

Ментальный подход в осмыслении проблемных узлов современного социально-гуманитарного знания

Ментальный подход в измерении вопросов социального взаимодействия общества и человека видится методологически убедительным с точки зрения осмысления феномена гражданской идентичности – как основы гражданского самосознания новых поколений граждан страны. Он выстраивается на

понимании феномена менталитета как *системы* внутренних глубинно-психических социально-культурных установок общества, социальной группы, личности. Эта система устойчива во «времени большой длительности» (по выражению французского историка и социолога Ф. Броделя [12]) и органично / не-катастрофически развивается в пространстве наличной культуры и исторической темпоральности [13].

Система ментальных установок выстраивается в двух взаимно дополняющих друг друга векторах. Вектор *глубинно-психический*, функциональный связан с пониманием установки, как механизма восприятия и оценки субъектом тех или иных значимых для него социально-культурных явлений, а также выстраивания соответствующих моделей поведения [14]. Установка *восприятия* вычленяет существенные / заметные для субъекта явления, события, социальные акты. Впрочем, она вполне способна пропустить, оставить без внимания то, что непонятно / непривычно для его повседневного местобытия и месторазвития [15]. Установка *оценки* предполагает сопоставление воспринятой человеком информации, с его собственной устойчивой системой ценностей – привычками, императивами и запретами, характерными для его сложившегося социально-индивидуального самосознания и поведения. Установка *поведения*, реализуемая в виде стереотипов деятельностиных реакций – социальных аттитюдов [16], выступающих автоматами социального самоосуществления, завершает эту функционально значимую ментальную «триаду».

Однако в рамках концепции ментального подхода к осмыслению/пониманию гражданской идентичности не менее, а даже более важным и интересным представляется социокультурный «набор» установок, отражающих основные сферы культуры [17] и определенным образом /контекстуально воспринимаемых, оцениваемых в рамках актуальной системы ценностей человека/социальной группы / большого сообщества людей (общества, государства, цивилизации). Ценностно-смысловой ряд социально-культурных установок менталитета достаточно широк. Он разворачивается в понятиях (и соответствующих им феноменах): язык, религия, нация, труд, хозяйство, этика, мораль, нравственность, наука, образование, военное дело / устройство армии, суд, право, закон, природа, территория, семья, пол, возраст... Данный набор культурологических позиций вовсе не окончательный, как открыто и пространство культуры, прирастающей смыслами с развитием цивилизации, сегодня – информационно-компьютерной, цифровой [18], не просто накладывающей отпечаток на современную повседневность, но и в определенном смысле формирующей самосознание / идентичность новых поколений жителей Земли в целом.

Ментальные трансформации: особенности исторической идентификации социально-индивидуальных субъектов

Ментальные основания социокультурных трансформаций, исторически неизбежно происходящих в пространстве исторической темпоральности, основываются на понимании *менталитета*, как механизма, как «поля» реализации и как защитного механизма, своего рода «препятствия» неорганичным, несвойственным историческим и цивилизационным чертам конкретного субъекта социальной действительности. Это методологически значимое положение характерно для мироустройства любого уровня социокультурного феномена, в том числе образовательно-воспитательного пространства современных российских образовательных организаций [19].

Научно-теоретические и практические «выходы» ментального подхода, в том числе через призму феномена тоталитарной ментальности [20], в свое время нами уже представлялись ученому сообществу, и сегодня ментальные конструкции активно применяются российскими и зарубежными специалистами в сфере социально-гуманитарного знания [21; 22; 23]. Ментальное осмысление событий, явлений, процессов социально-индивидуального бытия имеет свою специфику в плане понимания изменений, в том числе в длительном историческом протяжении. Речь может идти об оценочных суждениях, о политико-идеологической ангажированности оценок, а также об исторически устойчивых, идейно детерминированных ориентациях / векторах гражданского самосознания общества и человека, культурно-цивилизационно существенных, а потому и поддерживаемых не только на уровне государственного управления, но и в обществе – в повседневном общении и поведении граждан.

Социально-культурные изменения/различия заметны в сопоставлении различных исторических эпох одного и того же народа. Такого же рода результат мы получаем по результатам кросс-культурного анализа, где в сравнительном плане рассматриваются различные общества, страны, государства, культуры, цивилизации... Последний аспект более уместен для анализа с точки зрения отдельного индивида, поскольку время его жизни по сравнению с временем «большой длительности», в которое происходят цивилизационные изменения или временем «средней протяженности», в котором идут подвижки социально-экономического или политико-идеологического плана, жизнь человека – это «краткий срок»...

Именно поэтому ментальная динамика в обществе и культуре может быть отслежена только с позиции целого поколения, которое, «возрастая», получает возможность замечать и конкретизировать точки совпадения, пересечения или противопоставления в ценностных ориентациях, поведенческих моделях, языковых и иного рода привычках человека и общества в *прошлом* и *настоящем*. Об этом говорили русские ученые-философы конца XIX – начала XX веков [24]. Об этом пишут сегодня российские исследователи [25;

26]. Теоретическое осмысление феномена общероссийской гражданской идентичности должно необходимо сопровождаться и его практическим «наполнением». Набор идентификационных компонентов мы попытались собрать из актуальных нормативных документов и научных работ воедино.

Социолого-образовательная модель «Матрица идентичности»: практическое «измерение» общероссийского гражданского самосознания

Обозначенные нами ранее, находящиеся в поле исследовательского интереса, а также интенционально возможные опасности глобального цифрового мира и цивилизации мегаполиса [27; 28] необходимо учитывать в процессе личностного становления вообще и в контексте гражданского становления субъекта социальной жизнедеятельности, в частности. Видится необходимой защита «самости» личности от нежелательного (или социально-навязчивого, то есть в ментальном плане деструктивного) внешнего воздействия. В этом смысле можно вполне уверенно говорить об «экологии сознания» или экософии – как парадигмы повседневной жизнедеятельности социально-индивидуального субъекта [29; 30].

Это самосознание может быть выражено, повторим, – в рамках ментального подхода – через призму системы глубинно-психических социокультурных установок личности, а также и в рамках синтетической системы ценностно-смысловых концептов/культурно-исторических констант, собранных нами из актуальной нормативно-правовой и научной литературы в некоторую социолого-образовательную конструкцию. Мы назвали ее «Матрицей идентичности» [31; 32] и таблично представляем ниже следующим образом.

Таблица 1. Модель «Матрица идентичности»¹.

«Индивид»		«Личность»	
Воспитание Образование Школа	Язык Письменность Знак	Религия Духовность Вера	Искусство Творчество Саморазвитие
Семья. Община. Род. Ближайшее окружение	Нравственность Мораль Этика	Здоровье. Спорт Физическая культура	Природа Экология Животный мир
«Общество»		«Гражданин»	
Наука Техника Технологии	Мир Человечество Цивилизация	Право Закон Государство	Родина Гражданственность Патриотизм
Информационная культура. СМИ Сетевые сообщества	Труд. Профессия Экономика Хозяйство	Народ Нация Национальность	История Креветдение Историческая память

¹ Составлено автором – проф. Д.В. Полежаев.

Каждый из представленных элементов «матрицы» сопровождается набором конкретно ориентированных вопросов, ответы на которые могут дать исследователю возможность понять, какой уровень представления предмета у опрашиваемого: «знакомство», «знание», «применение»... Набор вопросов может формулироваться контекстуально, в зависимости от изучаемого контингента, конкретных условий и исследовательских задач. Методологически важной представляется сама структура и содержательный набор концептов, выделенных нами в качестве существенных.

Понятно, что это – не идеальная модель, направленная на *абсолютизацию* полученной информации, да и само «измерение» идентичности представляется нам как весьма серьезная научная проблема. Тем не менее, она позволяет сделать некий «срез» понимания гражданской идентичности в ее аспектных элементах, актуальный в данное конкретное время, выделить «лакуны незаинтересованности» в гражданском самосознании человека, а проведение повторного исследования (например, в начале и в конце учебного года, если мы говорим об образовании) позволит в сравнительном ключе увидеть динамику становления/развития того или иного сегмента «матрицы».

Представленная социолого-образовательная модель апробирована в научно-теоретических публикациях и отработана – в первом понимании – на базе ряда образовательных организаций г. Волгограда, Волгоградской области и г. Севастополя. Она может рассматриваться как интенционально *перспективная* в качестве социологического приложения к практике образовательно-воспитательной деятельности организаций самого различного уровня (с непременным учетом возрастных, гендерных, профессиональных, психологических и иных особенностей респондентов).

Модель «Матрица идентичности» имеет, в нашем понимании, вполне реальные перспективы развития, в том числе с точки зрения ее практического применения в повседневной практике учителя – классного руководителя, социального педагога, психолога, заместителя директора по воспитательной работе / советника по воспитанию, куратора учебной группы, руководителя образовательной организации и иных, в том числе контролирующих образовательные органы.

Заключение

Рассмотренные нами некоторые теоретические аспекты феномена гражданской идентичности не исчерпывают содержания такого сложного и многоуровневого феномена. Представленное исследование нацелено на дальнейшее осмысление вопроса с выделением новых перспективных направлений его осмысления и применения.

В целом поставленные задачи видятся решенными в контексте принятого научно-методологического инструментария и ориентационных опорах на

ментальный и субъектный подходы, позволяющих представить социолого-образовательную модель «Матрица идентичности» в качестве своего рода универсального измерителя механизмов становления и функционирования феномена гражданской идентичности.

Представленная нами социолого-образовательная модель «Матрица идентичности» приложена здесь к русскому менталитету, российской культуре, самосознанию и идентичности. Но философские основания осмысления рассматриваемой проблемы предполагают ее в определенном смысле «всеобщность»/универсальность, то есть возможность приложения к иным культурно-цивилизационным пространствам. В этом нам также видятся исследовательские перспективы в различных областях социально-гуманитарного знания, а также возможности практической апробации модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. М.: Просвещение, 2009. 24с. (Сер. «Стандарты второго поколения»). С. 7.
2. Идентичность / Краткая философская энциклопедия. М.: Изд. группа «Прогресс» «Энциклопедия», 1994. С. 170.
3. Полежаев Д.В. Ментальный подход в изучении социальных проблем (К проблеме психологической установки) // Философское осмысление судеб цивилизации: тез. XV-й Ежегодной науч.-практ. конф. Каф. философии РАН (29–30 янв. 2002г.). Ч. III. М.: Изд-во ИФ РАН, 2002. СС. 106–114.
4. Полежаев Д.В. Концепция «Матрица идентичности» в «зеркале» ментального подхода: опыт философско-методологического осмысления // Историко-педагогический потенциал системы непрерывного педагогического образования: традиции и инновации: сб. науч. тр. Межд. науч.-практ. конф. «Третьи Межд. ист.-пед. чтения ин-та педагогики и психологии Моск. пед. гос. ун-та» (г. Москва, 27–28 октября 2023г.) / науч. ред.: Богуславский М.В., отв. ред.: Гончаров М.А. М.: Изд-во МПГУ, 2023. СС. 19–27.
5. Полежаев Д.В. Субъектный подход в измерении качества образования: философско-методологические основы // *Primo Aspectu* (Волгоград). 2018. № 3 (35). СС. 35–42.
6. Дорохова Т.С., Сериков В.В., А.А. Орлов, М.А. Галагузова, Н.Л. Коришнова, Е.В. Гелясина, В.М. Полонский и др. Методология научного исследования в педагогике: монография / Под ред. Р.С. Бозиева, В.К. Пичугиной, В.В. Серикова. М.: «Планета», 2016. СС. 158–170.
7. Бутенко С.В. Человек и общество в пространстве исторической идентичности: ментальный подход // Матер. научной сессии: сб. ст. в 2-х тт. / Редкол.: А.Э. Калинина [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. СС. 212–216.
8. Бетильмерзаева М.М. Ментальность в контексте новых исследовательских подходов // Вестник Московского государственного педагогического университета. Сер.: Философские науки. 2022. № 4 (44). СС. 91–104.
9. Колесова О.В. Ментальность: закон, подход, метод: монография. СПб: ООО «Изд-во «Владимир Даль», 2022. 299с. (Сер. «Слово о сущем». Т. 137).

10. Романов П.С., Романова И.П. Возможности применения ментального подхода при обучении студентов IT-специальностей по дисциплине «Базы данных» // Образование и общество. 2024. № 2 (145). СС. 103–111.
11. Klimenko Yu.A., Polezhaev D.V., Tikhomirov M.Yu. Psychological foundations of the integrated approach to the goal formation of the 21st century youth: foundations of the conceptual determination // Вісник Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди. Харків: Вид-во ХНПУ, 2016. СС. 191–202. (Сер. «Психологія». Вип. 54).
12. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328с.
13. Полежаев Д.В. «Ментальный диалог», или Философско-образовательное «измерение» исторической темпоральности // Проблемы современного образования (Москва). 2022. № 3. СС. 22–29.
14. Полежаев Д.В. Ментальность личности как система социокультурных глубинно-психологических установок // Психология как система направлений: Ежегодник Российского психологического общества РАН. Т. 9. Вып. 2. М.: Изд-во МГУ, 2002. СС. 44–47.
15. Резник Ю.М. Местобитие человека в системе понятий геофилософии (концептуальный анализ) // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. XV. 2023. Экофилософские перспективы цивилизационного развития России / под общ. ред. Ю.М. Резника. М.: Изд-во НИГО, 2023. СС. 85–111.
16. Кондратьев С.В. Психология становления социальной сущности человека: вопросы теории: монография. – Волгоград: НКФ «ВОГС», 1999. 168с.
17. Культура // Краткая философская энциклопедия. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Энциклопедия», 1994. С. 229.
18. Полежаев Д.В. Цифровое сознание субъекта цивилизации постмодерна: философско-образовательные и экософские аспекты ментальной трансформации // Общее образование в цифровую эпоху: стандартизация и технологизация, эффективные практики и риски обновления: матер. XXIV межд. пед. чтений, посвященных Году семьи и Десятилетию науки и технологий в РФ (г. Волгоград, 10 апреля 2024г.) / Сост.: Л.В. Максимова; науч. ред.: проф. А.Н. Кузибецкий, проф. Л.К. Максимов. Волгоград, РИЦ ГАУ ДПО «ВГАПО»; ВРО ООД творческих педагогов «Исследователь», 2024. СС. 17–27.
19. Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия, векторы развития. М.: «Эгвес», 2000. 272с.
20. Полежаев Д.В. Личность и тоталитаризм: ментальные трансформации: монография. М.: Планета, 2018. – 208 с.
21. Петрова И.А. Культурно-национальная идентичность России: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. социальная философия / И.А. Петрова. Мытищи: ГОУ ВО Моск. обл. Московский гос. обл. ун-т, 2018. 190с.
22. Сунь Цзыци. Образ власти в политическом менталитете граждан современной Китайской Народной Республики: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.03 – политическая культура и идеологии. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 182с.
23. Сучкова Е.Л. Психология группового правосознания осужденных: закономерности образования и структурно-содержательная организация: дисс. ... докт. психол. наук: 19.00.06 юридическая психология. М.: Академия управления МВД России, 2021. 526с.

24. *Полежаев Д.В.* Идея менталитета в русской философии «золотого века»: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 360с.
25. *Сабиров А.Г.* Русский человек как феномен // Русский человек: сущность, своеобразие и перспективы развития: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (21–22 окт. 2010г.) / ЕГПУ; редкол.: А.Г. Сабиров (отв. ред.) и др. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2010. СС. 46–52.
26. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»; Изд. дом ЯСК, 2019. 216с.
27. *Полежаев Д.В.* Городская ментальность: философское измерение миров повседневности // Городская повседневность: региональный и социокультурный контексты: IV Нижневолжские чтения: матер. Межд. науч.-практ. конф. (г. Волгоград, 21–23 марта 2019г.); ФГАОУ ВО «Волгогр. гос. ун-т»; Волгогр. отделение Российского общества социологов; Научно-образовательное культурологическое общество; Волгогр. отделение Российского филос. общества. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. СС. 261–269.
28. *Полежаев Д.В.* Современный город как пространство ментального взаимодействия общества и человека (философско-образовательный контекст) // Образовательные системы и среды: историко-педагогический дискурс в начале XXI века: сб. науч. тр. Межд. науч.-практ. конф. – XXXV сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования (г. Вологда, 13–15 окт. 2022г.). Вологда, 2022. СС. 316–322.
29. *Резник Ю.М.* Российская цивилизация как место бытия человека (экофилософский анализ) // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. XV. 2023. Экофилософские перспективы цивилизационного развития России / Под общ. ред. Ю.М. Резника. М.: Изд-во НИГО, 2023. СС. 178–192.
30. *Полежаев Д.В.* Экософские смыслы «Матрицы идентичности» в сегменте «Природа. Экология. Животный мир» // Вопросы социальной теории: научный альманах. – Том XV. – 2023. Экофилософские перспективы цивилизационного развития России / под общ. ред. Ю.М. Резника. М.: Изд-во НИГО, 2023. СС. 154–163.
31. *Полежаев Д.В.* «Матрица идентичности» как модель измерения общероссийского гражданского самосознания (Сегмент «Наука. Техника. Технологии») // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. 2023. № VI (70). СС. 26–31.
32. *Полежаев Д.В.* Социологические аспекты «Матрицы идентичности»: структурно-функциональные особенности и ценностно-смысловые константы // “Primo Aspetto” (Волгоград). 2023. № 3 (55). СС. 9–16.

MENTAL FOUNDATIONS OF CIVIC IDENTITY: SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

D. Polezhayev

*State Autonomous Institution of Higher Professional Education
“Volgograd State Academy of Postgraduate Education”*

ABSTRACT

The article emphasizes the relevance of the socio-philosophical analysis of the phenomenon of civic identity, since it is aimed at finding the essential foundations and features of the interaction between society and man, including in the space of education and upbringing.

The author actualizes the issue of applying the mental approach to understanding identity and comparing the deep-psychic socio-cultural attitudes of mentality and value-semantic concepts / cultural and historical constants that characterize civic identity as a complex and multi-level socio-historical phenomenon.

The author understands civic identity as a “living” phenomenon open to targeted / formative changes. It can also be characterized from the standpoint of mental transformation of social and individual subjects of life in the space of historical temporality.

The scientific and theoretical context of understanding the phenomenon of civic identity is realized in a praxeological key – in substantiating and studying the possibilities of practical application – the use of the author's sociological and educational model “Identity Matrix” in the activities of educational organizations. The sociological and educational model “Identity Matrix” is offered to the scientific community specializing in the field of social and humanitarian knowledge as an open mechanism for psychological and pedagogical monitoring of the state of an individual's civic self-awareness, from the point of view of understanding its structure and content. The model under consideration can be modified in the context of cultural and historical, geo-ecological, political and ideological, linguistic and other realities that specifically transform both individual (expected and real) results of education, upbringing and civic development of a person, and the mechanisms for practical achievement of the proper level of civic self-awareness.

Keywords: civic identity, education, social philosophy.

АРМЕНОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-144-161
УДК 336.7

Поступила: 24.08.2024г.
Сдана на рецензию: 03.09.2024г.
Подписана к печати: 07.09.2024г.

ՄԻՋԻՆ ՀԱՅԵՐԵՆԻ ՇՐՋԱՓՈՒԼԵՐԻ (ՊԱՐԲԵՐԱՓՈՒԼ) ԳԻՏԱԿԱՆ ԸՄԲՈՆՈՒՄԸ

Գ. Գ. Մկրտչյան

Չինաստանի ժողովրդական Հանրապետության Տոչան քաղաքի

*միջազգային դպրոց
mkrtchyangarik1983@gmail.com
ORCID: 0009-0005-5729-2133*

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հեղինակը դիտարկել է միջին հայերենի շրջափուլերի առանձնահատկությունները՝ հանգամանորեն ներկայացնելով խնդրո վերաբերյալ հայ լեզվաբանության մեջ եղած ոչ գիտական (Ա. Բագրատունի, Ղ. Հովնանյան, Ա. Այտրնյան, Խ. Աբովյան, Ս. Նազարյան, Յոզեֆ Կարստ, Լ. Մսերյանց, Հր. Աճառյան, Գ. Սևակ, Հ. Կուսիկյան) ու գիտական (Գ. Ջահուկյան) համարում ունեցող շրջանաբաժանումները: Կարևորելով եղած շրջանաբաժանումների արժանիքները՝ հեղինակը նկատել է, որ խնդրով զբաղված հայագետները ձգտել են վերջնական խոսք ասել, բայց բոլորն էլ ընկել են որոշակի ծայրահեղությունների մեջ: Բոլոր հայագետների ձգտումն է եղել կատարել գրախոսակցական լեզվի միասնական շրջանաբաժանում: Ըստ հեղինակի՝ հայոց լեզվի պատմության գիտական շրջանաբաժանումը կատարելիս պետք է խոսակցական և գրական լեզուները հստակորեն տարբերակվեն միմյանցից: Այս պարագայում կորոշակիանան նրանց ժամանակագրական սահմանները, որոնք ոչ այնքան մոտ են իրար, ոչ այնքան հեռու, իսկ եղած հակասությունները կկրճատվեն: Հեղինակը եզրակացնում է, որ միջին հայերենի խոսակցական ավելի վաղ ծագում ունի, քան գրական տարբերակը: Այս իրողությունը պետք է ամրագրվի նոր տարբերակված շրջանաբաժանմամբ:

Հիմնաբառեր՝ Միջին հայերեն, նախնյաց ռամկորեն, շրջանաբաժանում, պարբերափուլ, գավառական, ենթաշրջան, ժամանակագրություն:

Լեզուն նրանով խոսող ազգի և հասարակական որոշակի ինքնությունն իմբավորման վկայությունն է, որի լինելության կարևորագույն ցուցիչներից է ժամանակը և զբաղեցրած տարածքը: Հայերենի զարգացման միջին շրջանը, որը հայտնի է «միջին հայերեն» և «նախնեաց ռամկօրեն» անվանումներով, հայերենի գրախոսակցական լեզվի զարգացման փուլերից է: Այն միջին դիրք է գրավում հնի ու նորի միջև:

Եթե միջին հայերենի այսպիսի բնութագրումը վիճարկման ենթակա չէ, ապա նրա ժամանակագրության վերաբերյալ չկա միասնական դիրքորոշում: Ի միջի այլոց, միջին հայերենի սահմանների տարածման հարցերի հստակեցումը հայագիտության առաջնային հիմնախնդիրներից է ժամանակային և տարածքային կտրվածքում: Մրանով պայմանավորված՝ սույն ուսումնասիրությունը նվիրված է միջին հայերենի պարբերափուլերի վերաբերյալ տարբեր ժամանակներում ի հայտ եկած իրարամերժ կարծիքներին ու դրանց առանձնահատկություններին:

Որևէ լեզվի, այդ թվում՝ հայերենի շրջանաբաժանումը վերջնական, հաստատուն և ամբողջական չէ: Այն անընդհատ կարող է փոփոխվել՝ պայմանավորված լեզվական ու արտալեզվական նոր փաստերի ի հայտ գալով և հետազոտողների բացահայտումներով: Հայագիտության մեջ հայերենի շրջափուլերի մասին վերջին հետազոտությունը կատարել է ակադեմիկոս Գ. Ջահուկյանը: Նրա դասակարգումն ունի գիտական համարում, արդեն կես դարից ավելի է քննություն է բռնել, կիրառական մեծ գործածություն ունի և համարվում է եղած շրջանաբաժանումների մեջ կատարյալը կամ գիտականը: Մակայն Գ. Ջահուկյանն անձամբ է նշում, որ ոչ մի շրջանաբաժանում վերջնական ու բացառիկ չէ, և ժամանակի ընթացքում կարող են ի հայտ գալ նոր դիտարկումներ ու դասակարգումներ. «Գիտական շրջանաբաժանումը մեկընդմիջտ տրված բան չէ. այն կարող է փոփոխվել ու լրացվել տվյալ բնագավառում նորանոր փաստերի կուտակման, գիտական նոր, ավելի ճիշտ տեսությունների առաջացման հետ միասին» [1]:

Միջին հայերենի շրջանաբաժանման և պարբերացման խնդիրները, ունենալով պատմահասարակական տարբեր հենքեր, քննարկման նյութ են դարձել տարբեր ժամանակներում: Դրանց վերաբերող դիտարկումներն արդիական են մինչ օրս: Միջին հայերենի պարբերափուլերի մասին տեսակետները հիմնականում ներկայացվում են սուբյեկտիվ ու օբյեկտիվ, լեզվաբանական ու պատմահասարակական հայեցակետերով: Ըստ դրանց արժանահավատության, իրարամերժության և հակասությունների՝ այդ տեսակետներն ընդունված է համարել գիտական և ոչ գիտական:

Հայերենի զարգացման փուլերի հիմնախնդիրներով առաջինը զբաղվել են արևմտահայ և արևելահայ աշխարհաբարի ներկայացուցիչները՝ **Ա. Բագրատունին, Ղ. Հովնանյանը, Ա. Այտընյանը, Խ. Աբովյանը** և **Ս. Նազարյանը**¹, որոնց սկսած գործը հետագայում նոր հիմնավորումներով ընդլայնել են **Յոզեֆ Կարստը, Լ. Մսերյանցը**², **Հր. Աճառյանը, Գ. Մևակը, Հ. Կուսիկյանը** և **Գ. Ջահուկյանը**:

Մխիթարյան միաբանության հայրերից խնդրի քննարկման հիմնախնդիրներն են **Արսեն Բագրատունին, Արսեն Այտընյանը** և **Ղևոնդ Հովնանյանը**:

Հայոց լեզվի պատմության շրջափուլերն աշխարհաբարականներն ի սկզբանե ներկայացրել են հայ գրականության փուլերի զարգացմանը համընթաց: Դա պայմանավորված է եղել հայոց լեզվի պատմությունը հայ գրական լեզուների պատմության հետ նույնացնելու հանգամանքով: Կիրառվել են «համեմատական ծաղկման շրջան», «գրական ամլության և գրական լեզվի անկվածության շրջան» եզրույթները [2]: Լեզվի փոփոխությունն ընկալվել է գրաբարի աղավաղման պարզ գործընթաց: **Արսեն Բագրատունին** «*Հայերեն քերականություն ի պէտս զարգացելոց*» (Վենետիկ, 1852թ.) աշխատության մեջ մի այնպիսի դասակարգում է առաջարկում, համաձայն որի՝ հայոց լեզուն և հայ գրականությունն ունեն զարգացման *ոսկեդարյան, արծաթի, պղնձի, երկաթի, խեցիի* և այլ փուլեր: Լեզվի շրջանաբաժանման փորձերի այսպիսի բնութագրերը հետագայում հետադիմական են դիտվել և արժանացել քննադատության: Նրանցում բացակայում է օբյեկտիվությունը և լեզվի զարգացման բնական պատմականությունը:

¹ Արևելահայ աշխարհաբարի տեսաբանների՝ **Խ. Աբովյանի** և **Մտ. Նազարյանի** խնդրով երաբերող դիտարկումները հրապարակախոսական բնույթ ունեն և վերաբերում են հին և նոր հայերենների՝ գրաբարի և աշխարհաբարի տարանջատման հիմնախնդիրներին: Այս առումով հրապարակախոսական բացառիկ արժեք ունեն **Խ. Աբովյանի** «*Վերք Հայաստանի*» վեպի «*Յառաջաբանը*» և «*Դիտողություններ նոր հայերեն լեզվի տարրական գրքի նպատակների մասին*» հրապարակախոսությունը (Խ. Աբովյան, Երկեր, Եր., 1984թ.), **Ս. Նազարյանի** «*Հանդես նոր հայախոսութեան*» (Ա, Բ մասեր, Մոսկվա, 1857թ.) աշխատության աշխարհաբարին նվիրված հրապարակախոսությունները:

² **Լ. Մսերյանցը** հպանցիկորեն է խնդրին անդրադարձել (**Л. Мсериани**, Этюды по армянской диалектологии, часть 2, выпуск 1, М., Университетская типография, 1901, с. 5): Ըստ նրա, միջին հայերենը 12-ից 17-րդ դարերի լեզվական հուշարձանների լեզուն է: Նա այդ շրջաններից ավանդված գրականությանը տալիս է «վուզար» անվանումը:

Արսեն Այտընյանը հայոց լեզվի զարգացման խնդիրներին անդրադառնում է «Քննական քերականություն աշխարհաբար կամ արդի հայերեն լեզուի» (Վիեննա, 1866թ.) բացառիկ աշխատության մեջ: Հայ լեզվաբանության մեջ շրջադարձային հուն բացող այս աշխատությամբ Արսեն Այտընյանն առաջինն է գիտական շրջանառության մեջ դնում «գրաբար» և «աշխարհաբար» եզրույթները՝ դրանց հատկացնելով որոշակի ընդգծված գործածության տիրույթ: Հայոց լեզվի գրավոր պատմության բոլոր փուլերում մշակված գրական լեզուն, ըստ Ա. Այտընյանի, գրաբարն է, որից անջատ զարգացել է խոսակցական հայերենը՝ աշխարհաբարը: Ա. Այտընյանը էտալոնային «գրաբարին» որպես հակադրություն կիրառում է «աշխարհաբար», «ռամկօրեն», «գավառականներ» եզրույթները: «Գավառականները», ըստ նրա, առանձին տարածքային միավորներն են հանդիսանում, որոնք խոսակցական տարբերակ կարող են ունենալ կամ չունենալ: Ա. Այտընյանի տերմինավորմամբ՝ «աշխարհաբար» և «ռամկօրեն» գրական լեզուները «գրաբարի» նույնաբնույթ խոսակցականներն են, որոնք աստիճանաբար ներթափանցում են գրական լեզու և մատնանշում հետագա գրական լեզվի զարգացման ընթացքը: Այս համատեքստում «գրաբար» և «աշխարհաբար» եզրույթները, կարծեք թե, համարժեք միավորներ են հանդիսանում՝ դառնալով հայերենի տարբեր ժամանակների գրական առանձին տարբերակների տերմինային վերացարկումները: Գրական և խոսակցական լեզուների այսպիսի ընկալմամբ Ա. Այտընյանը կատարել է հայոց լեզվի պատմության իր գիտական արդիականությունը մինչ օրս չկորցրած շրջանաբաժանում:

Հայերենի պարբերացման համար նա զանազանում է «գրաբար» (4-րդ և 5-րդ դդ.), «միջին դարեր» (6-ից 10-րդ դդ.), «ստորին դարեր» (11-ից 14-րդ դդ.) և «նոր ժամանակներ» (15-ից 19-րդ դդ.): Ա. Այտընյանի տարբերակած այս փուլերը ցույց են տալիս գրական ու խոսակցական հայերենների զարգացման ընթացքը: Մեզ հետաքրքրող միջին հայերենը, որպես լեզվական որակ, Ա. Այտընյանի տերմինավորմամբ «կերպավորեալ աշխարհաբար հայերենը» գործող լեզու էր արդեն 8-ից 10-րդ դարերում՝ ներկայանալով որպես «միջին դարեր» ժամանակային ընդգրկման երկրորդ էտապ, իսկ գրաբարը՝ արդեն «մեռեալ լեզու» էր: 11-ից 14-րդ դարերի համար այտընյանական կիրառելի «ստորին» եզրույթը, կարծում ենք, պայմանավորված է այդ դարերում հայ գրականության զարգացման միտումներով՝ վայրէջքներով ու վերելքներով, որ Մխիթարյանների բանասիրական տերմինաբանության մեջ ներկայացվում էին «խեցիի դար», «երկաթի դար» ստորակարգային որակումներով: Հենց այս դարերում է, որ, ըստ

Ա. Այտընյանի, նոր հայերենը հնից առանձնանում է և ստեղծվում է մատենագրություն «նախնեաց ռամկօրէն» և «աշխարհաբար» հայերեններով, իսկ գրաբարը շարունակում էր մնալ «գիտնոց» և «եկեղեցականաց» լեզուն [3]: Այս շրջանի համար նրա կիրառած եզրույթները հայտնաբերում են տարընթերցումներ: Պարզ չեն դառնում նրա կիրառած «նախնեաց ռամկօրէն» և «աշխարհաբար» եզրույթների սահմանները: Այս առումով կարող ենք կատարել սուկ ենթադրություններ. «նախնեաց ռամկօրէնը» միջին գրական հայերենն է, իսկ «աշխարհաբարը» միջին խոսակցական հայերենը: Վիճարկման ենթակա չէ այն, որ Ա. Այտընյանի կատարած հայոց լեզվի պատմության շրջանաբաժանումը շրջադարձային է հայագիտության մեջ: Նա հստակ տարբերակում է գրական ու խոսակցական հայերենները, բայց նրանց միջև ճշգրիտ ժամանակային սահմաններ չի դնում: Ըստ ամենայնի, դրան խոչընդոտում են նրա կիրառած գիտական եզրույթների անհամակարգվածությունը և անհստակությունը:

Ղ. Հովնանյանը հայոց լեզվի պատմության պարբերացման խնդիրներին անդրադառնալիս հիմնվում է հայ մատենագրության հարուստ տվյալների վրա: Նրա դասակարգումը, ըստ էության, համակցվում է հայ գրականության զարգացման ընթացքին ու փուլերին: Ղ. Հովնանյանի տերմինավորմամբ՝ առանձնացվում է «միջին ճիւղի հայ գրականութիւն», որը «մեր հին (գրաբար) եւ նոր (արդի) լեզուին միջին օղակը կը կազմէ, բնական անցքն է միոյն առ միւսն» [4]: Միջին դարերի մատենագիտությունը նա բնորոշում է որպէս «ռամկօրէն» կամ «ռամկախառն» բարբառով ստեղծված «ռամկօրէն մատենագրութիւն»: Ղ. Յովնանյանը գրական և խոսակցական հայերենները տարբերակելիս ընդգծում է գրական հայերենի հիմքում խոսակցական հայերենի ընկած լինելը, որի համար կիրառում է «նախնեաց ռամկօրէն բարբառ» կամ «նախնեաց ռամկօրէն հայերէն» եզրույթները: Ըստ հայագետի «ռամկօրէնի» կամ «գաւառականների» հետքերը տեսանելի են 7-րդ դարից սկսած [3, 12]: Աստիճանաբար ավելի լայն գործածություններ ստացող հենց այդ «ռամկական բարբառով» են ամբողջապէս ստեղծվում ու թարգմանվում 12-րդ դարից մինչև 16-րդ դարի ստեղծագործությունները [5]:

Ղ. Հովնանյանը, այսպիսի ժամանակային սահմանագատում կատարելով, մոտավոր ակնարկում է, որ միջին շրջանի հայերենը հենց այս շրջանում է գրախոսակցական համընդհանուր համակարգ եղել: Ակադեմիկոս Գ. Զահուկյանը, ինչպէս կտեսնենք, նույնպէս բուն միջին հայերենի տիրապետման սկիզբը դնում է 12-րդ դարում, որը համընկնում է Ղ. Հովնանյանի անհամակարգ դասակարգմանը: Ղ. Հովնանյանը միջին հայերենի ժամանակագրության մասին գրում է. «...այսու կարող ենք ցրել այն ոչ

սակաւ մտաց մէջ արմատացեալ կարծիքն՝ թէ նախնեաց ռամկօրէնս յառաջ եկած է պարզապէս գրաբարէն, որ յընթացս դարուց ի բերան ժողովրդեան ապականելով հասած է յայն վիճակ՝ յոր կը գտնենք մոտ ի վախճան ԺԲ դարուն» [3, 1]: Նկատառելով, որ «յընթացս դարուց» ժամանակային ընդգրկումը վերաբերում է 5-րդ դարից հետո ընկած ժամանակահատվածին, նա զարգացնում է այն մտայնությունը, որ միջին հայերենի ժամանակագրությունը գրական լեզվի տեսքով իր կատարելությանն է հասել 12-րդ դարում, որից անկախ խոսակցականը, որպէս լեզվական որակ, ավելի վաղ է գործել: Ղ. Հովնանյանն այդ խոսակցականի համար որևէ ստույգ ժամանակ չի նշում:

Այս հարցով զբաղված օտարազգի միակ հայագետը գերմանացի **Յոզեֆ Կարստն** է: Նա միջին հայերենի գիտական ուսումնասիրության հիմնադիրն է «*Գիլիկյան հայերենի պատմական քերականություն*» (Historische grammatik Kilikisch-Armenischen, Strasburg, 1901թ.) արժեքավոր աշխատությամբ: Ըստ նրա, միջին հայերենի շրջանն ընդգրկում է «մոտավորապէս Ժ դարից մինչև ԺԵ դարը» [6]: Միջին հայերենի ժամանակային ընդգրկման շուրջ Յ. Կարստը ծավալուն վերլուծություններ չի կատարում և, ինչպէս երևում է նրա լեզվաբանական աշխարհայացքից, նա գրավոր հուշարձանների տրամադրած փաստացի տվյալներով է տարբերակում միջին հայերենի ժամանակաշրջանը՝ վկայակոչելով հետևյալ հեղինակներին, ինչպիսիք են՝ **Մխիթար Հեռացու** «*Ջերմանց Մխիթարությունը*» (1184թ.), «*Գիրք վաստակոց*» (ԺԳ դ.), *Ասորահռոմեական դատաստանագիրքը* (ԺԳ դ.), **Սմբատի** «*Ժամանակագրություն*» (ԺԳ դ.) և «*Անսիզ Անտիոքայ*» (ԺԳ դ.) աշխատությունները, **Մխիթար Գոշի** «*Դատաստանագիրքը*» (ԺԳ դ.) և այլ արժեքավոր աշխատություններ: Հատկանշական է, որ Յ. Կարստի ընտրյալ հեղինակները հենց այն շրջանի ներկայացուցիչներ են, երբ միջին հայերենն ամբողջապէս կազմավորվել էր և իր՝ որպէս գրական լեզվի ծաղկման բուն ընթացքի մեջ էր: Յ. Կարստը գրում է. «Ճիշտ է, դասական հայերենը Ժ դարից շատ առաջ էր դադարել կենդանի լեզու լինելուց, բայց այն հաստատել էր իրեն որպէս ընդհանուր, ավանդությամբ սրբագործված մի գրական լեզու, նաև որպէս հայ ազգի ժառանգություն» [7]: Ըստ Յ. Կարստի, հին հայերենին հաջորդող նոր լեզվավիճակը, որը ստանում է «միջին հայերեն» անվանումը, որպէս լեզվական որակ ավելի վաղ է ձևավորվել: Այդ սահմանը նա դնում է մոտավորապէս 10-րդ դարը: Յ. Կարստը «ժողովրդի բերանում ապրող ժամանակակից լեզվի» «ժողովրդական գրականության» մեջ արտացոլվելու դարաշրջանի սահմանագիծը տեսնում է 12-րդ դարում, որը, ինչպէս կտեսնենք, հետագայում Գ. Ջահուկյանն իր գիտական շրջանաբաժանման մեջ համարում

է միջին հայերենի նորմավորման առաջին բուն շրջանը: Յ. Կարստը, ըստ էության, չի կատարում հայերենի զարգացման միջին շրջանի գրական և խոսակցական հայերենների տարբերակում՝ այդ շրջանի գրավոր տեքստերի լեզուն համարելով ժամանակի խոսակցական հայերենի արտացոլանքը:

Ի դեպ, Յ. Կարստի կատարած հետազոտությունները ժամանակին շատ բարձր է գնահատել Մշո բարբառի առաջին հետազոտող Լ. Ստերյանցը [8]: Վերջինիս թողած ծավալուն գնահատականներից ենթադրում ենք, որ դեռևս 19-րդ դարի դարավերջին Յ. Կարստի՝ միջին հայերենին վերաբերող հետազոտությունները գիտական շրջանառության մեջ են եղել:

Յ. Կարստի շրջանաբաժանումը չնչին տարբերություններով համընկնում է խորհրդահայ լեզվաբանության ականավոր պատմահամեմատաբանների՝ **Հր. Աճառյանի** և **Ս. Ղազարյանի** կատարած շրջանաբաժանումներին: **Հր. Աճառյանը** խնդրին անդրադարձել է «*Հայոց լեզվի պատմության*» երկհատորյակում (1940թ., 1951թ.), իսկ **Ս. Ղազարյանը**՝ «*Հայոց լեզվի պատմություն*» (1954թ.), «*Միջին հայերեն*» (գիրք Ա, 1960թ.), «*Հայոց գրական լեզվի պատմություն*» (հատոր Ա, 1961թ.):

Հր. Աճառյանի ուսումնասիրություններում առաջին անգամ փորձ է արվում հակադրություն դնել հայերենի զարգացման միջին շրջանի գրական և խոսակցական տարբերակների միջև: Սա, կարծում ենք, պետք է համարել մեծագույն ներդրում: Հր. Աճառյանը, որը միջին հայերեն պարբերափուլերի համար որոշակի շրջանաբաժանում չի կատարել, փաստում է, որ «գրական և ժողովրդական լեզվի տարբերությունը մեծ չափերի է հասնում ԺԱ դարից հետո, որ գուզադիպում է թրքական արշավանքներին և տիրապետության և միևնույն ժամանակ հայ պետական կյանքի քայքայմանը Հայաստանում» [9]: Գրական լեզվի՝ («գրաբար») խոսակցական («գոեհիկ, մթին լեզու, գեղջուկ բան, ռամկօրեն, սովորական խօսք, աշխարհական խօսք, աշխարհաբար») լեզվից աստիճանաբար աճող տարբերությունը Հր. Աճառյանը պայմանավորում է թուրքերենի ազդեցությամբ: Սա, պետք է նկատել, այնքան էլ ճշգրիտ գնահատական չէ և հակասում է հայերենի զարգացման ներքին օրինաչափություններին և աճառյանական տերմինավորմամբ՝ բնական «բարեշրջությանը»: Հր. Աճառյանը նույնպես գործածում է այս շրջանի հայերենի համար «միջին հայերեն» եզրույթը՝ հավանաբար այն փոխառելով Յ. Կարստից, որի քերականությունից օգտվել է անձամբ:

Չնայած նրան, որ Հր. Աճառյանը 460թ. մինչև 11-րդ դարի հայերենը կոչում է «հետմետրոպյան հայերեն»՝ նրա համար առանձնացնելով առանձին էտապներ, միջին հայերենով ավանդված լեզվական առաջին նմուշ է համարում Վահրամ սպարապետի որդի Գրիգորի պատմական դեղագիրը՝ վկայված 1037 թվականից՝ ընդգծելով, որ հայտնաբերված հնագույն հիշատակարանը «պետք չէ բնավ հասկանալ միջին հայերեն բանավոր լեզուն, որի ծագումը շատ ավելի հին էր, քան գրավորը» [10]: Ըստ Հր. Աճառյանի՝ գրականության մեջ արտացոլվող լեզուները «խոսված ժողովրդական լեզվից են սկիզբ առնում և բնականաբար միշտ ավելի նոր են, քան այդ խոսակցական լեզուն»: Էական է այն, որ Հր. Աճառյանը նույնպես միջին հայերենի խոսակցական տարբերակի ծագումը տեսնում է ավելի վաղ դարերում, որը, սակայն, գրավոր արտահայտությունն ցայտուն դրսևորումներ չունի:

Հր. Աճառյանը 9-ից 10-րդ դարից հետո եկած շրջանը մոտավոր համարում է միջին հայերենի մատենագրական անկախ զարգացման և հայերենի բարբառների առաջացման շրջան: Կարծում ենք՝ նրա այս տեսակետը կարևոր գործոն է խոսակցական միջին հայերենի մոտավոր ժամանակը որոշելու համար: Համաձայն Հր. Աճառյանի՝ միջին հայերենով ավանդված գրականությունը մեծ զարկ է ստանում 12-րդ դարի երկրորդ կեսից, որի ներկայացուցիչներ են հանդիսանում **Ն. Շնորհալին, Մխիթար Հեթանցին, Սմբատ սպարապետը, Ներսես Լամբրոնացին, Վարդան Արևելցին, Գրիգոր կթ. Անավարզեցին, Հովհ. Երզնկացին** և այլք: Ինչպես տեսնում ենք, գրեթե բոլոր լեզվաբանների շրջանաբաժանումներում միջին հայերենի գրային-գրական արտահայտության բուն շրջան է համարվում 12-րդ դարը:

Հր. Աճառյանը հստակորեն չի սահմանազատում միջին հայերենը նոր հայերենից որևէ ժամանակակետով՝ աշխարհաբարի հնագույն նմուշ հիշատակելով Ա. Այուրնյանի վկայակոչած Բջնիի 1358թ. արձանագրությունը: Սա պայմանավորված է նրանով, որ Հր. Աճառյանը միջին դարերի համար տարբերակում է զանազան «միջին հայերեններ» կամ «աշխարհաբարներ», որոնցից միայն մեկը՝ Կիլիկյան հայերենն է բարձրանում գրական լեզվի աստիճանի Կիլիկյան հայկական թանգավորության գոյության ժամանակահատվածում: Մեծ լեզվաբանի այսպիսի մոտեցումից կարող ենք եզրակացնել, որ նրա ձգտումը՝ կատարել գրական և խոսակցական հայերենների հստակ տարբերակում, մնում է անկատար և չճշգրտված. միջին դարերում բազմաթիվ բարբառների առկայությունը և դրանց վերաբերյալ լեզվական փաստերի բացակայությունը, ժամանակակից բարբառներից քաղված վերականգնումների բացակայությունը

խոչընդոտել են այդ տարբերակումը կատարել: Հր. Աճառյանը լեզվի փոփոխություններում որակական, ներքին անցումների վրա չի կենտրոնանում: Մրա հետևանքով լեզվաբանը կենդանի խոսքը ստորադասել է գրավոր-գրական լեզվին և կարևորել է բացառապես գրական լեզվի մեջ ի հայտ եկած փոփոխությունները: Գ. Ջահուկյանը Հ. Աճառյանի դասակարգման մասին գրում է. «Հր. Աճառյանի գործածած անվանումները և լեզվի պատմության տարբեր փուլերի առանձնացման փորձը զգալի չափով առաջ են անցնում նախորդներից և համեմատաբար ճիշտ են արտացոլում իրերի վիճակը: Սակայն Աճառյանը լեզվի շրջանաբաժանման որոշակի սկզբունքներ չի տալիս, միաժամանակ, ինչպես տեսանք, նեղացնում է լեզվի պատմության առարկայի սահմանները և լեզվական պրոցեսի ըմբռնման հարցերում ունի որոշ խոցելի կողմեր» [11]:

Հր. Աճառյանի տեսություններից անմիջապես հետո հրապարակ են գալիս Ս. Ղազարյանի արժեքավոր դիտարկումները: Նա ևս հայերենի զարգացման միջին շրջանի համար կիրառում է «միջին հայերեն» եզրույթը: Խոսելով միջին հայերենի կազմավորման մասին՝ Ս. Ղազարյանը միջին հայերենի ժամանակաշրջան է համարում «10-ից 17-րդ դարերի հայ գրականությամբ ավանդված լեզվական այն բազմազան տարրերի ամբողջությունը, որը հասկանալի էր տարբեր բարբառներով խոսող հայ ժողովրդի տարբեր հատվածներին» [12]: Ըստ Ս. Ղազարյանի՝ հայ ժողովրդի կյանքում տեղի ունեցած պատմահասարակական տեղաշարժերը «նպաստում են նաև 10-րդ դարից արդեն անհասկանալի դարձած գրական հին լեզվի՝ գրաբարի ֆունկցիաների նեղացմանը և հասկանալի գրական լեզվի պահանջ են դնում: Հայոց լեզվի գրական այդ նոր տարբերակը ձևավորվում է ժամանակի համաժողովրդական խոսակցական լեզվի հիման վրա և դառնալով պաշտոնական լեզու՝ սկսում է մշակվել ու կատարելագործվել...» [13]: Ս. Ղազարյանի այսպիսի գնահատականից դժվար չէ կռահել, որ նա միասնաբար է ներկայացնում հայերենի գրական ու խոսակցական լեզուների ժամանակագրական պատմությունը: Նրա բոլոր աշխատություններում գրական և խոսակցական հայերենների միջև որոշակի սահմանազատում չկա. «միջին հայերեն» եզրույթով նա հասկացել է թե՛ ժամանակի գրական, թե՛ խոսակցական լեզուն՝ ուսումնասիրության շեշտը դնելով գրական լեզվի ամբարած փաստերի վրա [14]:

Այս համատեքստում ուշագրավ է, որ նա ընդլայնել է միջին հայերենի ժամանակի ընդգրկումը՝ հին հայերենի (գործածում է «գրաբար» տերմինը) և միջին հայերենի սահմանագիծը համարելով 10-րդ դարը, իսկ միջին հայերենինը և աշխարհաբարինը՝ 17-րդ դարը: Հատկանշական է,

որ նրա բոլոր աշխատություններում միջին հայերենի ժամանակագրության այս կառուցվածքը մնացել է անփոփոխ: Ըստ էության, Ս. Ղազարյանը, ընդունելով 10-րդ դարը որպես միջին հայերենի սկզբնավորման ժամանակաշրջան, միջին հայերենի կազմավորման գործընթացը պայմանավորում է հայ ժողովրդի կյանքում տեղի ունեցած պատմական գործընթացներով՝ արաբական տիրապետության վերացմամբ, հայ պետականության վերականգնմամբ և հայ ժողովրդի տնտեսական ու մշակութային կյանքի աշխուժացմամբ: Համարելով, որ «գրաբարը 10-րդ դարում արդեն սովորովի լեզու էր» [15], Ս. Ղազարյանը միջին հայերենն ընկալում է որպես գրախոսակցական միասնական որակ: Նկատենք, որ Գ. Ջահուկյանը քննադատում է Ս. Ղազարյանի՝ միջին հայերենի ժամանակագրական շրջանակների ընդլայնման այս մոտեցումը: Ըստ էության, Ս. Ղազարյանն ավելի լայն կտրվածքով է խնդիրը քննում՝ լեզվի զարգացումը և փոփոխությունը տեսնելով պատմական ու լեզվական գործընթացների մեջ: Մինչդեռ, Գ. Ջահուկյանը, ինչպես կտեսնենք, անում է գրեթե նույնը, բայց նեղացնում է պատմական գործոնի դերը, շեշտում է նախևառաջ լեզվականը՝ անտեսելով 10-րդ դարում Բագրատունիների թագավորության գոյությունը հայոց միջնաշխարհում, և կարևորում է միայն Կիլիկիայում հայկական թագավորության գոյության հանգամանքը: Սա խոսակցական լեզվի՝ գրականության և պաշտոնական գրաբարության լեզու դառնալու ընդունելի ժամանակահատվածն է:

Ժամանակակից հայոց լեզվի տեսաբաններից **Գուրգեն Սևակը** ծավալուն անդրադարձ չունի: Կատարելով նոր հայերենի պարբերափուլերի շրջանաբաժանումը՝ Գ. Սևակն իր կարևորագույն աշխատություններում («*Հայոց լեզվի համառոտ պատմություն*», Եր., 1948թ., «*Ժամանակակից հայոց լեզվի դասընթաց*», Եր., 1955թ.) իր տեսակետն է արտահայտել նաև միջին հայերեն լեզվավիճակի վերաբերյալ: Միջին հայերենը, ըստ նրա, առաջացել է 9-ից 13-րդ դարերում, որի ի հայտ գալու նախադրյալներ են հանդիսանում աշխարհիկ կյանքի ուժեղացումը, թափ առնող առևտրաշրջանառությունը և աճող քաղաքային բնակչության հոգևոր սնունդի պահանջները: Գ. Սևակը գրել է. «Այդ պահանջին չի կարողանում տալ գրաբար գրականությամբ, որի ոչ միայն լեզուն մատչելի չէր նրան, այլև բովանդակությունը մոտ չէր նրա սրտին: Այդ ժամանակ առաջ է գալիս աշխարհիկ գրականություն միանգամայն նոր բովանդակությամբ (առակներ, տաղեր, սիրային բանաստեղծություններ, ինչպես նաև գիտական-գործնական ձեռնարկներ): Այդ գրականությունը գրվում է նոր լեզվով, որ միջին հայերեն ընդհանուր անունն է կրում...» [16]: Ինչպես տեսանելի է, Գ. Սևակն իր նախորդների պես դարձյալ միասնաբար է

ներկայացնում գրական ու խոսակցական միջին հայերենները, բայց նրա առանձնացրած ժամանակային կտրվածքը՝ 9-ից 13-րդ դարերը, ուշագրավ է այնքանով, որ մոտավոր ընդգծվում են խոսակցական և գրական միջին հայերենների ի հայտ գալու սահմանները:

Երբ հրապարակ են գալիս ակադեմիկոս **Գ. Ջահուկյանի** ուսումնասիրությունները, վերոնշյալ շրջանաբաժանումները, անխոս պահպանում են իրենց գիտականությունը, բայց դադարում են հույժ արդիական համարվելուց: Ինչպես նշել ենք, ընդունված է գիտական համարել Գ. Ջահուկյանի տեսությունը. նա ի մի է բերել եղած բոլոր դասակարգումները, ամբողջացրել է դրանք և առաջ քաշել հայոց լեզվի պատմության դասակարգման նոր սկզբունքներ ու չափանիշներ:

Գ. Ջահուկյանի առաջադրած շրջանաբաժանումը մինչ օրս ընդունում են տեսական և կիրառական լեզվաբանության ներկայացուցիչները: 1956թ. լույս է տեսնում Գ. Ջահուկյանի «*Հայոց լեզվի պատմության պերիոդիզացիայի հարցերը*» ծավալուն հոդվածը, որում ականավոր գիտնականը ներկայացնում է իր տեսության հանգուցային դրույթները՝ հետագայում դրանք հղկելով ու ամբողջացնելով «*Հայոց լեզվի զարգացման փուլերը*» (Դասախոսություն, ԵՊՀ հրատ., Եր., 1964թ.), «*Очерки по истории дописьменного периода армянского языка*» (1967г.), «*Հայոց լեզվի զարգացումը և կառուցվածքը*» (1969թ.), «*Հայոց լեզվի պատմություն. նախագրային ժամանակաշրջան*» (1987թ.) աշխատություններում: Գ. Ջահուկյանը հայոց լեզվի պատմության շրջանաբաժանում կատարած վերջին հայագետն է:

Մեզ հետաքրքրող միջին հայերենի վերաբերյալ Գ. Ջահուկյանի դասակարգման արդյունքները հանգում են հետևյալին՝ «Միջին շրջան՝ ընդգրկում է 12–16-րդ դարերը: Այս շրջանում հանդես է գալիս միջին գրական հայերենը՝ խոսակցական լեզվի հիման վրա, բայց նրա կողքին գործառական որոշ տարբերակմամբ որպես գրական լեզու գործում է նաև գրաբարը. միջին շրջանի համար առանձնացնում է երկու ենթաշրջան. ա) վաղ միջին կամ կիլիկյան նորմավորման՝ 12–14-րդ դարեր, բ) ուշ միջին կամ աշխարհաբարացման՝ 15–16-րդ դարեր» [17]:

Կարևոր ենք նաև, որ Գ. Ջահուկյանը միջին հայերենի խնդրին անդրադարձել է նաև «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսում լույս տեսած «*Միջին հայերենը որպես լեզվական որակ*» (1993թ., համար 1) հոդվածում, որում ամրագրում և անփոփոխ է թողնում միջին հայերենի վերաբերյալ արտահայտած տեսական ու գործնական նշանակության բոլոր տեսակետները:

Հայոց լեզվի պատմության շրջանաբաժանման խնդիրներին անդրադարձել է նաև ռուսաստանաբնակ լեզվաբան **Հ. Կոսիկյանը** «*Գրական հայերենի պատմական շարահյուսության ուրվագծեր*» աշխատության մեջ [18]՝ գրեթե վերահաստատելով Գ. Ջահուկյանի դասակարգման սկզբունքները և ժամանակային պարբերացումները:

Նկատենք, որ հայոց լեզվի պատմության շրջանաբաժանման խնդիրներով զբաղված բոլոր հայագետները ձգտել են վերջնական խոսք ասել, բայց բոլորն էլ ընկել են որոշակի ծայրահեղությունների մեջ: Հայոց լեզվի պատմության գիտական շրջանաբաժանման համարում ունեցող Գ. Ջահուկյանի տեսությունն իր ժամանակի մեջ եղել է շրջադարձային, անմրցելի գիտական ձեռքբերում, սակայն, կարծում ենք, տերմինային կիսառություններում վերջնական արդյունքի չի հասնում: Գ. Ջահուկյանը հայոց լեզվի պատմության «միջին շրջանում» նեղացնում է միջին հայերենի ժամանակագրական ընգրկումը՝ ժամանակային որոշ շրջան տանելով հին շրջան, և ընդլայնում աշխարհաբարինը: Նա, ըստ էության, նույնպես հանգում է միջին գրախոսակցական տարբերակի միասնական թյուրըմբռնմանը՝ մոտավոր հստակեցնելով հայոց լեզվի գրախոսակցական համակարգերի սահմանները: Գ. Ջահուկյանը միջին շրջանի սկզբնավորման խոսակցական տարբերակի եզրային ժամանակաշրջանը հատկացնում է հին շրջանին՝ այդ ենթաշրջանը կոչելով «նախամիջին շրջան» (ընդգրկում է 8-ից 11-րդ դարերը), իսկ աշխարհաբարի սկզբնավորումը տեսնում է միջին շրջանում՝ այն կոչելով «ուշ միջին կամ աշխարհաբարացման» (ընդգրկում է 15-ից 16-րդ դարերը):

Բոլոր հայագետների, այդ թվում՝ Գ. Ջահուկյանի ձգտումն է եղել կատարել գրախոսակցական լեզվի միասնական շրջանաբաժանում: Եթե մինչ ջահուկյանական դասակարգումները դրանք անգիտակցաբար են կատարվել, ապա Գ. Ջահուկյանը՝ գիտակցաբար: Ըստ Գ. Ջահուկյանի՝ հայոց լեզվի իրական պատմությունը պետք է ընդգրկի հայոց լեզվի բոլոր տարատեսակների պատմությունը՝ «այն չպետք է վերածվի միայն գրական լեզվի կամ գրական լեզուների պատմության, որովհետև այդ դեպքում պարզ չի կարող լինել անցումը լեզվի մի փուլից մյուսին, և լեզվի պատմությունը չի կարող անհրաժեշտ չափով կապվել ժողովրդի պատմության հետ» [19]: Որքան էլ լեզվաբանի այս մոտեցումը հիմնավոր է, այդուհանդերձ, կարծում ենք՝ հայոց լեզվի պատմության գրավոր շրջանի, ներառյալ միջին հայերենի շրջանաբաժանման հակասությունները պայմանավորված են հենց գրավոր-գրական և բանավոր-խոսակցական տարբերակների մեկտեղմամբ ու նույնացմամբ: Կարծում ենք՝ գրական և խոսակցական լեզուների միասնականության սկզբունքը, որին տուրք են

տվել բոլորը, իսկ Գ. Ջահուկյանը գիտական բարձր նշաձողի վրա է դրել, արդարացված չէ: Հայոց լեզվի պատմության գիտական շրջանաբաժանումը կատարելիս պետք է խոսակցական և գրական լեզուները հստակորեն տարբերակվեն միմյանցից:

Խիստ շոշափելի հակասություն կարող ենք համարել հայերենի զարգացման հին շրջանում Գ. Ջահուկյանի առանձնացրած «նախամիջին շրջան» ենթափուլը: Այս շրջանի մասին խոսել են հայագետների մեծ մասը՝ այն համարելով միջին հայերենի մի առանձին շրջան: Եթե կա նախ «միջին» բնորոշումը, հետևապես դա չի կարող ընդգրկվել հնում, պետք է լինի «միջին հայերենի» տիրույթում: Ըստ էության, Գ. Ջահուկյանը «նախամիջին» եզրույթով ընկալում է հենց միջին հայերենի խոսակցական տարբերակը: Գ. Ջահուկյանի գործածած «նախամիջին շրջան» եզրույթը մոտավոր արտացոլում է միջին հայերենը հին շրջանի մեջ: Մեր տեսակետն այն է, որ միջին շրջանի բանավոր-խոսակցական փուլն ավելի վաղ է ժամանակագրվում, քան գրավորը: Գ. Ջահուկյանի կիրառած «նախամիջին շրջան» ենթափուլը պետք է հասկանալ հենց այս համատեքստում:

Կարծում ենք՝ հայերենի զարգացման փուլերի նոր շրջանաբաժանումը ենթադրում է բանավոր (խոսակցական) և գրավոր (գրական) լեզուների միջև հստակ տարբերակում: Այս պարագայում հստակորեն կտարբերակվեն նրանց ժամանակագրական սահմանները, որոնք ոչ այնքան մոտ են իրար, ոչ այնքան հեռու, իսկ եղած հակասությունները կկրճատվեն: Ակադեմիկոս Գ. Ջահուկյանի ձգտումը՝ դրանք միասնաբար ներկայացնել, գիտական ծանրակշիռ ներդրում է, սակայն դա, ենթադրում ենք, վերջնական չի արտացոլում հայոց լեզվի զարգացման պատմության դասակարգման բուն էությունը:

Որպեսզի հիմնավորենք մեր այս գնահատականը, անդրադառնանք Գ. Ջահուկյանի դիրքորոշումներից մի քանիսին: Նա գրել է. «Որևէ շրջանում ժողովուրդը կարող է գուրկ լինել ընդհանուր լեզվից, սակայն եթե բարբառային տարբերությունները լեզվականի չեն վերածվել, և եթե այդ բարբառներով խոսողների գիտակցության մեջ չի կորել միասնության գիտակցումը, ապա լեզուն, ինչպես նշվել է, չի դադարում գոյություն ունենալուց որպես մեկ ամբողջություն (մեկ լեզու), այլ շարունակում է հանդես գալ բարբառների ընդհանրության մեջ (գրեթե ինչպես հայերենը 15–16-րդ դդ.)» [20]: 15-ից 16-րդ դարերը նա ընգրկում է միջին շրջանի մեջ՝ «ուշ միջին կամ աշխարհաբարացման» շրջան եզրույթավորմամբ: Այս դարերը բնութագրելով որպես «բարբառների ընդհանրության մեջ» հանդես եկող հայերեն, մյուս կողմից՝ ձգտելով կատարել գրախոսակցական հայերենի միասնական դասակարգում, նրա դիրքորոշումը մնում է

հակասական, իսկ հայոց լեզվի խոսակցական և գրական զարգացման փուլերի հարցը չլուծված:

12-ից 14-րդ դարերի հայերենը Գ. Ջահուկյանը կոչել է «վաղ միջին կամ կիլիկյան նորմավորման»: Ակնհայտ է, որ լեզվաբանի այս գնահատականը հիմնվում է մեկ տարածքի լեզվական փաստերի հաշվառման վրա՝ հիմք ընդունելով, որ Կիլիկիայում Ռուբինյանների հայկական թագավորության և պատմական հանգամանքների պայմաններում հայերենը բարձրացել էր գրական լեզվի աստիճանի, իսկ ի՞նչ դրություն էր այլ տարածքներում մեկ-երկու դար առաջ, Բագրատունիների թագավորության գոյության հանգամանքը, մնում են առկախված: Կարծում ենք՝ հակասական են նաև «վաղ միջին...» կամ «ուշ միջին...» տերմինների կիրառությունները. հարց է առաջանում՝ իսկ ո՞րն է բուն միջին հայերենը, եթե վաղ շրջանին վերագրվում է կիլիկյան նորմավորման շրջանը, իսկ ուշ շրջանին՝ աշխարհաբարացմանը: Սրանք հարցեր են, որոնց պետք է տրվեն պատասխաններ:

Պետք է լինի հստակ տարբերակում՝ ա) բանավոր-խոսակցական միջին հայերենի զարգացման փուլեր (բանավոր-խոսակցական միջին հայերենի պատմության շրջանաբաժանում), և բ) գրավոր-գրական միջին հայերենի զարգացման փուլեր (գրավոր-գրական միջին հայերենի պատմության շրջանաբաժանում): Մեր այս տեսակետը, որ միջին հայերենի խոսակցականն ավելի վաղ շրջանի երևույթ է, քան գրական տարբերակը, պայմանավորված է տարբեր գործոններով ու հանգամանքներով: Գրա-խոսակցական լեզվի ժամանակագրային միասնականությունը գրեթե հնարավոր չէ: Բանավոր-խոսակցական և գրավոր-գրական հայերենների ժամանակագրական ընդգրկման սահմանները տարբեր են. խոսակցական-բանավոր լեզուն իր մշակված ու անմշակ համակարգերով միշտ նախորդում է գրավոր-գրականին: Խոսակցական լեզուն չի կարող ավելի նոր կամ համաժամանակակից լինել գրավոր-գրական լեզվին: Ըստ ամենայնի, միջին հայերենի խոսակցականն ավելի վաղ է իր ծագմամբ, քան գրական տարբերակը:

Ամբողջ խնդիրն այն է, որ տարբեր համակարգերի միավորումից խառնափնթոր լաբիրինթ է առաջանում այնպես, ինչպես բազմաժանր գրքերի մեկտեղումը մեկ արկղում: Կասկածից վեր է այն, որ որքան էլ գրավոր-գրական լեզուն արտացոլում է կենդանի լեզվի համակարգերը,

* Ի դեպ, մեր այս առաջադրած հիպոթեզը կարելի է կիրառել նաև հայերենի գրային զարգացման մյուս փուլերի համար: Այս դեպքում հնարավոր կլինի ստանալ ավելի համապարփակ, անխոցելի, մեծ հակասություններից զերծ շրջանաբաժանում:

կենդանի-խոսակցական լեզուն այլ համակարգ է, գրավոր-գրական լեզուն՝ այլ: Կարծում ենք՝ այս տարբեր համակարգերի հայեցակետից դիտելիս հստակ տարբերակում պետք է դրվի նրանց միջև: Միջին հայերենի բանավոր-խոսակցական շրջանը ժամանակագրական ընդգրկմամբ պետք է նախադասվի գրավոր-գրականին՝ ճշգրիտ կամ մոտավոր, պայմանական սահմանազատմամբ: Այս հարցում էական է այն, որ փոխվել է գիտական չափանիշը կենդանի-խոսակցական լեզվին վերաբերող հարցերի նկատմամբ: 20-րդ դարի լեզվաբանության մեջ խոսակցական-բանավոր լեզուներն ունեին այլ գիտական արժեք, միշտ երկրորդական պլանում էին, գրեթե՝ անտեսված: Հավանաբար դա է եղել պատճառը, որ Գ. Ջահուկյանը «*Հայոց լեզվի զարգացումը և կառուցվածքը*» աշխատության մեջ առաջ քաշելով գրական լեզվի պատմությունը լեզվի պատմությունից տարբերակելու պահանջ, խնդրին տվել է այլ լուծում. միավորել է դրանք ու ներկայացրել գրախոսակցական լեզվի միասնական դասակարգման սկզբունքը, որի հետևանքով էլ խոսակցական և գրական լեզվի սահմանները խառնվել են միմյանց, դարձել հակասական, տարբերացումներով լի: Մեր ժամանակներում փոխվել է վերաբերմունքը բանավոր-խոսակցական լեզվի նկատմամբ, հետևաբար այս ուղղությամբ կատարվող դասակարգման հարցերը պետք է ընդգրկեն ոչ միայն ժամանակակից կենդանի-խոսակցական լեզուն, այլև նախորդ դարաշրջանների համարժեք համակարգերը:

Գ. Ջահուկյանի շրջանաբաժանման սկզբունքներն ամբողջովին որդեգրում և պաշտպանում են «Ակնարկներ միջին գրական հայերենի պատմության» երկհատոր աշխատության հեղինակները: Միակ տարբերությունն այն է, որ այս աշխատության մեջ միջին հայերենի և նոր հայերենի սահմանաբաժանը համարվում է 17-րդ դարը, այսինքն՝ նշյալ դարը ևս դիտարկվում է միջին հայերենի տիրույթում: Այս հանգամանքը բացատրվում է նրանով, որ Գ. Ջահուկյանի առանձնացրած միջին հայերենի երկրորդ ենթաշրջանի «էտապի առանձնահատկությունները շարունակվում են ընդհուպ մինչև 17-րդ դարի վերջը» [21]: Հայոց լեզվի պատմության բոլոր շրջանաբաժանումները պայմանականությունների ամբողջություն համարող այս աշխատության հեղինակները, կարելի է ասել, միջին հայերենի ժամանակագրության մեջ ներառելով 17-րդ դարը, զգալիորեն ընդլայնում են միջին հայերենի սահմանները, իսկ նրա 12-րդ դարում սկզբնավորելը, ինչպես Գ. Ջահուկյանի դասակարգման մեջ է, բացատրում են այսպես. «Նախ (որ ամենակարևորն է)՝ այս ժամանակահատվածում է, որ հասարակայնորեն գիտակցվում է նոր գրական լեզվի անհրաժեշտությունը և հենց այս անհրաժեշտության գիտակցմամբ էլ

Ժամանակի խոսակցական լեզուն՝ իր ուրույն համակարգով ստանում է գրավոր արտահայտություն: Մյուս կողմից, նախորդ շրջանում այդ համակարգի տարրերը գրավոր լեզվում դեռևս որակ չեն կազմում. դրանք հանդես են գալիս որպես շեղումներ հին լեզվական ձևերից: Եվ չնայած այս հանգամանքին, որ 12-րդ դարում արձանագրվող լեզվի կառուցվածքի հիմնական տարրերը, անշուշտ, կային նախորդ դարի խոսակցական-բանավոր լեզվում, բայց քանի որ նրանք այդ ժամանակներում ամբողջությամբ՝ որպես համակարգ, չեն արձանագրվում և չեն ստանում ընդհանուր ճանաչում, ուստի և չեն կարող համարվել գրական լեզվի սկզբնավորության ժամանակի չափանիշներ»³: Վերոբերյալ ծավալուն մեջբերումը ևս ցույց է տալիս, որ թե՛ «Ակնարկների...» հեղինակները, թե՛ Գ. Ջահուկյանը իր շրջանաբաժանումների ժամանակային սահմանագծերն առանձնացնելիս կարևորել են բացառապես գրական լեզվի պատմական գործառնության հանգամանքը՝ բանավոր-խոսակցական միջին հայերենին տեղակայելով ժամանակային այլ միջավայրում:

Լեզվաբան Լ. Հովսեփյանը 2008 թվականի «Ջահուկյանական ընթերցումներ» ամենամյա գիտական նստաշրջանում ներկայացրել է «Հայոց լեզվի պատմության հիմնախնդիրներն ու սկզբունքները» (107–122 էջեր) զեկուցումը: Այստեղ հեղինակը, նույնպես ընդգծելով Գ. Ջահուկյանի շրջանաբաժանման բացառիկությունը, հույս է հայտնում, որ «հետագա ուսումնասիրությունները նույնպես կարող են բերել որոշ մանրամասներ ու հավելումներ հայերենի զարգացման ընթացքի ընդհանուր պատկերի մեջ»՝ ներկայացնելով այս ոլորտում առկա հիմնախնդիրները, ինչպիսիք են՝ գրական լեզվի պատմության՝ լեզվի պատմության հետ նույնացումը, բոլոր տեսակի շրջանաբաժանումների որոշակի պայմանական բնույթ ունենալը և այլն:

Մեր կատարած ուսումնասիրությունը, կարելի է ասել, լեզվի պատմության և գրական լեզվի պատմության արհեստական նույնացման խնդիրների լուծմանն ուղղված մի փորձ է՝ հայերենի զարգացման միջին շրջանի (այդ թվում՝ այլ շրջանների) բանավոր-խոսակցական և գրավոր-գրական զարգացման փուլերի և ենթափուլերի շուրջ մեր կատարելիք պայմանական դասակարգումը թողնելով ապագային:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Ջահուկյան Գ.* Հայոց լեզվի զարգացումը և կառուցվածքը: Եր., 1969թ.: էջ 25:
2. Նույն տեղում: էջ. 10–11:

³ Ակնարկներ միջին գրական հայերենի պատմության, էջ 43:

3. *Այտրնեան Ա.* Քննական քերականութիւն աշխարհաբար կամ արդի հայերէն լեզուի: Վիեննա, 1866թ.: էջ. 146–161:
4. *Յովնանեան Ղ.* Հետազոտութիւնք նախնեաց ռամկօրէնի վրայ: Մասն Ա, Վիեննա, 1987թ.: էջ 47:
5. Նույն տեղում: էջ 48:
6. *Կարստ Յ.* Գիլիկյան հայերենի պատմական քերականություն: Եր., 2002թ.: էջ 13:
7. Նույն տեղում: էջ 12:
8. *Мсерянц Л.* Этюды по армянской диалектологии: М., Ч. 2, вып. 1, Университетская типография, 1901. էջ. 5–6:
9. *Աճառչյան Հր.* Հայոց լեզվի պատմություն: Եր., մաս 2, 1951թ.: էջ 230:
10. Նույն տեղում: էջ 234:
11. *Ջահուկյան Գ.* Հայոց լեզվի զարգացումը և կառուցվածքը: Եր., 1969թ.: էջ 16:
12. *Ղազարյան Ս.* Հայոց լեզվի համառոտ պատմություն: Եր., 2006թ.: էջ 204:
13. Նույն տեղում: էջ 208:
14. *Ղազարյան Ս.* Միջին հայերեն: Գիրք Առաջին, Եր., 1960թ.: էջ. 91–93:
15. *Ղազարյան Ս.* Հայոց լեզվի համառոտ պատմություն: Եր., 2006թ.: էջ 200:
16. *Սևակ Գ.* Ժամանակակից հայոց լեզվի դասընթաց: Եր., 2009թ.: էջ. 51–52:
17. *Ջահուկյան Գ.* Հայոց լեզվի պատմություն. նախագրային ժամանակաշրջան: Եր., 1987թ.: էջ 26:
18. *Кусикян И.* Очерки исторического синтаксиса литературного армянского языка: М., 1959.
19. *Ջահուկյան Գ.* Հայոց լեզվի զարգացումը և կառուցվածքը: Եր., 1969թ.: էջ 27:
20. Նույն տեղում: էջ 30:
21. Ակնարկներ միջին գրական հայերենի պատմության: Հ. Ա, 1972թ.: էջ 44:

НАУЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ЦИКЛОВ (ПЕРИОДИЧНОСТЬ) СРЕДНЕАРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Գ.Գ. Մկրտչյան

Интернациональная школа города Фошань в Китае

АННОТАЦИЯ

Автором рассмотрены особенности циклов среднеармянского языка, подробно представив ненаучную литературу по данному вопросу в армянском языкознании (А. Багратуни, Г. Овнанян, А. Айтнян, Х. Абовян, С. Назарян, Й. Карст, Л. Мсерянц, Хр. Ачарян, Г. Севак, О. Кусикян) и в научной литературе имеющие разделения (Г. Джаукян). Подчеркивая достоинства существующих разделений, автор отмечает, что решающее слово пытались сказать арменоведы, занимавшиеся этим вопросом, но все они впадали в определенные крайности. Стремлением всех арменоведов было сделать единую периодизацию литературно-разговорного языка. По мнению автора, при научном разделении истории армянского языка следует четко отличать разговорный и литературный языки друг от друга. В этом случае будут определены их хронологические границы, не столь близкие друг к другу, не столь далекие, и существующие противоречия будут уменьшены. Автор приходит к выводу, что разговорный сред-

неармянский язык имеет более раннее происхождение, чем литературный вариант. Эту реальность нужно закрепить в новой версии разделения.

Ключевые слова: среднеармянский, провинциальный говор предков, цикл, периодичность, провинциальный, предпериод, хронология.

THE SCIENTIFIC UNDERSTANDING OF MIDDLE ARMENIAN PERIODS (PERIODICAL STAGES)

G. Mkrtchyan

Foshan international school of China

ABSTRACT

The author examined the characteristics of the Middle Armenian periods, presenting in detail the non-scientific literature on the issue in Armenian linguistics (A. Bagratuni, G. Hovnanyan, A. Aitnyan, Kh. Abovyan, S. Nazaryan, Y. Karst, L. Mseryants, Hr. Acharyan, G. Sevak, H. Kusikyan) and as well as scientifically known (G. Jahukyan) periodical divisions. Emphasizing the value of the existing divisions, the author noticed that Armenologists dealing with the issue tried to say the final word, but all of them fell into certain extremes. The main aim of all Armenologists has been to make a unified regionalization of the literary-spoken language. According to the author, while making a scientific division of the history of Armenian language, spoken and literary languages should be clearly distinguished from each other. In this case, their chronological boundaries will be clearly determined, which are not so close to each other, as well as not so far, and hereby the existing contradictions will be reduced. The author concludes that the spoken Middle Armenian has an earlier origin than the literary version. This phenomenon must be adopted by the newly differentiated division of period.

Keywords: Middle Armenian, ancestor's dialect, period, periodical stages, provincial, subperiod, chronology.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-162-171
УДК 821.161.1

Поступила: 16.05.2024г.
Сдана на рецензию: 29.05.2024г.
Подписана к печати: 24.06.2024г.

АВТОР И ГЕРОЙ: НАРРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В «ЖИЗНИ АРСЕНЬЕВА»

И.А. Мерангулян

Российско-Армянский (Славянский) университет
merangulyan.inessa@yandex.com
ORCID: 0009-0008-3228-1990

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается нарративная модель трансляции воспоминаний коллективной и индивидуальной памяти главных героев как повествовательная инстанция, неотделимая от семантического фундамента текста реципиента, по отношению к которому концепт «память» актуализирует первородную, исходную функцию воспоминаний с их нацеленностью на преодоление пространственно-временных ограничений. Через исследование нарративной организации текста выявляется проблематика субъективной трактовки временного континуума как инварианта фокализации глазами разных героев, выстраивающих исторические вехи сквозь селективную призму собственного опыта, деформированного и искаженного интеграцией в текст ностальгической ретроспекции, благодаря которой героям удается пережить канонически линейные установки памяти через «вспоминание» действительности, которую они фактически не застали. Анализ нарративной организации произведения позволяет детально исследовать модель реконструкции исторических событий посредством выявления интертекстуального диалога, в котором опирающиеся на прецедент литературоведческие феномены обретают символическую знаковую для течения истории.

Ключевые слова: эмигрантская проза, И. Бунин, нарративная организация, родовая память, мифологемы.

Говоря о ключевых акцентах нашего исследования, обратимся к вариативности повествовательных инстанций и их репрезентации художественного времени, лирическая стилистика которого формирует фундамент нарративной конструкции анализируемого произведения.

Слитность объекта и субъекта восприятия событийности в «Жизни Арсеньева», спаянных между собой в канонически неразделимом контексте, поз-

воляет детальнее рассмотреть авторскую точку сбора онтологического масштаба в художественной действительности, которая несмотря на первичную витиеватость изложения, присутствие ностальгической ретроспекции и избирательность ассоциативного ряда, тем не менее, хранит в себе узнаваемые типологические приметы бунинского текста.

Обращаясь к повествовательным перипетиям «Жизни Арсеньева», отметим смену фокализации как одну из разновидностей перехода от сиюминутного временного континуума к метафизическому вневременному кластеру трактовки бытия главным героем, перемещающимся в своих нарративных эго-состояниях из детства в отрочество, из молодости – в зрелость и старение. Так, недавнее прошлое семьи и рода, воспроизводимое с кинематографической точностью, нарративно соседствует с абсолютной отстраненностью от всего людского и социально-исторического, оборачиваясь бескровными размышлениями героя о неземных далях, повествовательно воссоздаваемых через череду риторических вопросов, формирующих своего рода текстуальную «бездну пространства и времени».

Увековеченное нарратором воспоминание об узнике в окне острога, фрагментарно выхваченное юношеской памятью Арсеньева, несмотря на четкие очертания эпизода, на повествовательном уровне соотносимо не с узкобиографическим подуровнем повествования, а с крупномасштабным метафизическим переосмыслением жизненного пути, где судьба упомянутого выше неизвестного узника, олицетворяющего собой случайность, перемежается с судьбой брата Арсеньева, что, в свою очередь, приоткрывает следующий текстуальный пласт, в котором физическая несвобода, воссозданная прутьями металлической решетки, становится тождественна несвободе метафизической, «манкуртизму» как явлению преломленной воли или обескровленности недолюбленностью. Художественное время текста условно и претерпевает многократные метаморфозы по расширению и сужению нарративной парадигмы. Таким образом, смысловая ниша художественного времени, трактуемого поочередно то автором, то героем, трансформируется из сюжетообразующей функции в функцию структурообразующую, модифицируясь из сути в фокус видения и интерпретаций художественной и внехудожественной действительности, что, в свою очередь, образует особую стилистическую и нарративную подоплеку, обнуляющую саму идею подчинения эстетики конечному замыслу произведения, уступая место идее слияния формы с содержанием и фактической реализации нарративной формы через сюжетно-фабульное содержание. Данный повествовательный прием позволяет текстуально транслировать прямое видение художественного мира нарратором не путем умозаключений об уже пережитом, свершенном, а через протяженное во времени и выхваченное из потока действительности непосредственное видение, явля-

ющее собой зоркость разума, воплощенное в тексте пересозданием уже имеющейся и сформированной реальности, а не поиском ее новых идей и форм, поскольку каждая из них априори меньше авторской трактовки замысла, и все они в совокупности также уступают ей по удельному весу.

При рассмотрении нарративной организации «Жизни Арсеньева» необходимо исследовать проблематику мифологизации повествовательно конструируемой автором модели «русского мира и русской жизни» [1], в ходе художественного изложения которых выборочной мифологизации подвергаются конкретные исторические реалии и персонажи, в частности, дооктябрьская российская действительность, романтизированная эмигрантской тоской Бунина, отдельной нарративной вехой интегрированной в квази-воспоминания Арсеньева о жизни, которую он «застал» лишь из уст родственников, рассказывающих о собственной юности, не позволяя минувшей эпохе лечь «в гроб людского беспамятства».

Для более детального исследования нарративной организации произведения обратимся к многократно актуализируемым автором лейтмотивам отцовской усадьбы и средней полосы России как эпицентра пространственного ядра, постепенно сужающегося до упомянутой выше отцовской усадьбы, выступающей одновременно как мифологемой дома, так и опредмеченной, обретшей физическую осязаемость семейной и родовой памятью, хранящей в себе ключевое травмирующее воспоминание о необратимой разлуке сына с отцом. Примечательно, что сакральная связь главного героя с его родословной нарративно подчеркивается автором не только через интеграцию в текст конкретных семейных воспоминаний, но и внедрением в текст слов Божественной литургии, воздающих дань уважения и благодарной памяти всем, ушедшим из жизни.

Конвенциональной бунинской пространственно-временной организации присуща нацеленность не на грядущее, а на минувшее, в ушедшие дни, в эту искусственно сконструированную колыбель мольбы о былом, вызывающую практически божественный пиетет от осознания невозвратимости утраченного рая, от которого остался только ореол красивой поэтизированной легенды о героической молодости отца. Примечательно, что через детскую фокализацию молодость отца текстуально демонстрируется как один очень длинный день, вязнувший в собственной затянувшейся вневременности, и каждая деталь в структуре прозы, прорисованная глазами отца: его родительская любовь к сыну-младенцу и огромные белые цветы на высоком холме, также увиденные главным героем именно через отцовские описания и рассказы, создающие своего рода феноменологически-неотделимое слияние видений героя-нарратора.

Развивая тему мифологем в «Жизни Арсеньева», к отцовской усадьбе необходимо добавить ещё одну знаковую локацию – водораздел, являющий

собой своего рода портал между минувшим и будущим, впрочем, не распространяющийся на главного героя, чье сознание на данном повествовательном витке не только не разграничивает временные реалии событий, но и не воспринимает чужой опыт вне отождествления с лично пережитыми явлениями. Нарративная модель трансляции воспоминаний в завершающей части «Жизни Арсеньева» вновь повествовательно сужается в лейтмотив отчего дома, как повторного возвращения в мифологизированное золотое детство, в небыль, ставшую былью через неразложимую надвое синхронную память отца и сына.

Конкретные мифологизируемые фрагменты эпохи раннего детства главного героя нарративно закольцовываются в формирование общего личностного мифа повествования как «экзистенциального зачина» [2].

В мифологему романтизированного детства и отцовства, являющегося рецептивной доминантой воспоминаний и вспоминований главного героя, текстуально вплетается идеализируемый портрет матери Арсеньева, демонстрируемый автором как часть самого главного героя, как его непосредственное присутствие в этом мире, побеждающее младенческую экзистенциальную тоску, изживаемую и убаюкиваемую материнским именем. Усиление значимости семейной памяти через материнский образ нарративно подчеркивается путем многократного упоминания в тексте материнской иконы Святой Троицы, ставшей для Арсеньева материнским благословением на жизненном пути, обретшем определенность, и предтечей собственного ухода из родительского дома во взрослую жизнь, ознаменовавшую своего рода «конец прекрасной эпохи» и сокровенной поры «заповедного» [3] детства, обращенного бегом времени в совершенно иное, отличное от исходного бытие, ставшее золотым мифом, оттолкнувшись от которого, как от берега, главный герой перемещается в фокализацию нарративной точки «зрелость».

Одно остается неизменным на протяжении всего повествования: тщетные поиски былого Севастополя, города-мифа, где осталась героическая молодость отца, застывшая в «янтаре ностальгической гиперфиксации» главного героя. Севастополь, увиденный Арсеньевым, не утоляет его жажду встречи с отцовской молодостью, нарративно тождественной Севастопольскому краю, поскольку новый, реконструированный город, утопающий в пестрых цветах и солнечном свете, не имел ничего общего с той сакральной воинской славой и доблестью отца из воспоминаний, как бы помятых и оскверненных праздничной нарядностью мирного, невоенного времени, раздавившего ключевой эпизод отцовской молодости, с которой себя так болезненно-неотменяемо не мог разотождествить главный герой, что демонстрируется нарратором через пространственно-временные искажения – приезд Арсеньева в Севастополь, в несуществующую молодость отца и его сотоварищей, в воронку небытия.

Говоря о нарративной модели внедрения в текст его ключевых мифологем, отметим, что сама внутренняя конструкция арсеньевского мифа тесно связана с восприятием собственного детства как исключительного, невозпроизводимого более опыта, как «легендарности» собственного рода, семьи, своей личности – как повествовательного зачина воспоминаний, что достигается автором путем лейтмотивного чередования отстраненных интерпретаций и трактовок главного героя с высшей степенью субъективной, граничащей с вымыслом, сроченности нарратора с автобиографическим героем; и в этом чередовании фокализаций крупномасштабный исторический фон, холодный и чужеродный в своей эмоциональной дистанцированности, перемежается с глубоко личным, с узко-ориентированным, с нутряным, из оболочки изложения фактов действительностью, высвобождая острую эмигрантскую тоску автора и его современников как коллективную печаль целой исторической эпохи. Именно на данном повествовательном витке деактуализируется сема проживания героем утраты собственной детскости, вновь подсвеченная другой двойственной утратой – развалом своей личной родины, метафизической гибелью былой России и физической разлученностью со страной, и в этой дуальности – повествовательный пласт отмирания всеобщего благодатного состояния общества, страны и мира, и из подобной авторской трактовки художественной реальности можно сделать вывод о модификации им внутренних будничных событий во внешнее мировое пространство.

Данная целостность авторской экзистенции предопределяет особенность повествовательного совмещения взаимоисключающих мотивов тотального младенческого одиночества и неутолимой тоски по ушедшему детству, отождествляемому с потерянным раем. Примечательно, что в обоих повествовательных витках нет лукавства, а между ними – противоборства; только ежесекундность, только конкретность момента с его абсолютно искренней эмоцией, текстуально транслируемой через зрительные и слуховые образы: через звон колоколов, аромат влажной скошенной травы и бутербродов с чаем, через скрежет по крышам и жужжание пчел в душный августовский полдень.

Таким образом, нарративно создается текстуальная воронка минувшего, единожды отсеченного от фокуса настоящего, но более от него не отдаляющегося.

Показательно, что две заключительные части третьей книги нарративно маркируются как пограничность между этим светом и тем, загробным. Амбивалентность этого порога передается нарратором через витиеватую топику прихожей, пещеры, лесных трущоб, самых разнообразных заброшенных темных пространств, символично вызывающих стойкий ассоциативный ряд с загробным миром, с которым главный герой повествовательно отождествляется через внедрение в текст повторяющегося эпизода внезапного ливня, настигающего героя в

каждом из указанных мест, как бы нарративно «растворяя» его в воде, делая органической частью пейзажа, срачивая с природными катаклизмами, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о лейтмотивной семантической заряженности столь детально прорисованных описаний ландшафта.

Говоря о загробном мире и пограничной смертности, выделим также внезапную кончину Писарева, нарративно демонстрируемую как нерасторжимое двуединство острого торжества жизни, витальности и необратимого умирания, что повествовательно передается через восклицание самого Арсеньева о бесцельности и немилости вечной жизни, о воздухе, в каждом вдохе содержащем в себе неумолимо надвигающуюся смерть, притягательную смерть, присутствующую во всем живом.

Смерть Писарева хрестоматийна также тем, что запускает процесс вглядывания в себя у Арсеньева, который, задув пламя свечи в ветхозаветную ночь, иррационально углядел самого себя в зале, лежащим возле покойного, что представляет собой лжереальность, искусственно конструируемую когнитивными искажениями главного героя в период острого стресса и пограничных трансформаций яви в потустороннее, и обратно.

При смене фокализации, когда ракурс перемещается нарратором из здания, где проходила панихида, на задний двор, видения с гробом не рассеиваются миражом, напротив, сопровождают Арсеньева, передвигаясь с ним по траектории к огню, мерцающему с противоположной стороны долины, как бы метафизически подсвечивая смертные галлюцинации главного героя.

Данный текстуальный виток повторно актуализируется при упоминании нарратором очеловеченной луны, будто бы преследующей главного героя, заглядывающей ему в лицо своей мертвенной бледностью, отражая своей нестатичностью самого главного героя и его мысли, создавая некий в высшей степени субъективный пространственно-временной континуум между ними, в котором в альтернативной последовательности томилась и свершались и грезы о будущем Арсеньева и сокрушения о былом. Особую значимость здесь играет само отождествление Арсеньева с преследующей его луной, размывающей границы, очерчивающей его индивидуальную память и воспоминания, делая луну своего рода хранительницей доверенной ей личной памяти. Так, главный герой повторно проживает уже пережитое в подсвеченном ему лунной качественно новом микропространстве, что, в свою очередь, ярко демонстрирует авторскую мифопоэтическую вольность трактовок.

Говоря о нарративных моделях изложения художественной действительности, отметим, что первая глава «Жизни Арсеньева» маркирована хронопом Вечного, расщепляющего узкоочерченный пространственно-временной континуум, теряющий исторические и культурные очертания и кодировки. Вторая глава «Жизни Арсеньева», напротив, по текстуальной конструкции

своей опирается на совокупность определенных исторических событий, знаковых для конкретной семьи и рода, субъективных, личных, трактуемых и излагаемых, в первую очередь, не в хронологическом порядке их свершения в «большом» мире, а в искаженной последовательности, в которой главный герой разгадывает и декодирует самого себя, познает мироздание и себя в нем, встроенного в своем младенческом обряде инициации во внешние трансформации и метаморфозы, обрастающие по мере его взросления все большим количеством акцентов и деталей, словно реальность набирается жизненного опыта вместе с ним, взрослеет и развивается сообща.

Так, на уровне синтаксического строения текста нарративно внедряются в повествовательный поток повторяющиеся риторические вопросы, которые по нарастающей становятся все более развернутыми, философскими, экзистенциальными.

Главный герой задается вопросами о дате собственного рождения, предначертанного, фаталистичного, о том, что было и что будет впредь, о жаворонках и людях, об одиночестве и свободе, о божественном и бытовом, обо всем, что вплетается в замысловатую вязь текстуального мироздания через поток воспоминаний Арсеньева.

Нарративная модель трансляции воспоминаний описательной воронкой разворачивает историю каждой вещи из детской комнаты главного героя: кровать, рукодельная оконная рама, маленький карманный бинокль для любования звездами и «вспоминание» воспоминаний, очеловеченных, зовущих за собой пульсирующими напоминаниями о детстве и поправленным отождествлением с вечностью, не подразумевающей фокус повествовательного внимания на конкретных людях и общечеловеческом. Диапазон пространственной вовлеченности воспоминаний расширяется, выходя за рамки детской спальни главного героя в сад, в котором Арсеньев коротал свой досуг в годы юности, что, в свою очередь, трансформирует устойчивую память вещи в память места: бездна неба, облака, всегда виднеющиеся лишь с одного ракурса через съехавшую наискосок соломенную крышу дворовой беседки, всегда слегка подернутая странной дымкой усадьба, на которую Арсеньев смотрит, щурясь от солнца и ностальгии.

Третья глава «Жизни Арсеньева» нарративно расширяет пространственную витиеватость воспоминаний главного героя еще на один дополнительный виток: путь от детской комнаты с памятными вещами до семейной усадьбы переступает метафизический порог, переходя в микрокосм города и его путей становления, и арсеньевских путей становления в нем, которые текстуально демонстрируются через внедрение прямой речи главного героя, обозначающего свою первую поездку в город как место, некогда показавшее ему великолепие мирского бытия.

Городское буйство жизни антонимически несходно сельской простоте просторов, оно противопоставляется Арсеньевым тому укладу, к которому привык его взор, и определенная ассоциативная связка одних и тех же событий, пережитых сначала в деревне, а потом в городе, трактуется и проживается главным героем совершенно несхожими путями, декодируется на доминирующий контекстуальный манер, образуя своего рода модель квазивоспоминания, в котором форма и пространство его проживания во многом переешивают удельный вес ядра и сути самого вспоминаемого эпизода.

Примечательно, что своеобразным зачином третьей главы выступают размышления главного героя о том, что именно детство стало связующим звеном с настоящей жизнью, и два нарративных якоря-воспоминания, ставших кочующим лейтмотивом – колокольный звон, впервые услышанный маленьким Алексеем, и здание тюрьмы, одновременно ужасающее и интригующее, вызывающее мощные амбивалентные эмоции, сама бескомпромиссная дуальность которых становится своего рода «шрамом памяти» для ребенка, зафиксировавшего этот ассоциативный ряд: «детская комната/родительская усадьба/деревня/город/тюрьма», и позднее, в зрелом возрасте не раз к нему возвращающегося как к модели закольцованного, цикличного человеческого пути, где утраченная свобода подобна потерянному раю: даже воспоминания неумолимо блекнут под гнетом времени, осознавая свое бесправие перечить, поскольку, как высказывается сам нарратор, приобретенное знание всегда проигрывает тому предчувствию бесконечного знания, с которым мы рождаемся.

Так выявляется проблематика субъективной трактовки временного промежутка как инварианта фокализации глазами разных романских героев, выстраивающих исторические вехи сквозь селективную призму собственного опыта, деформированного и искаженного интеграцией в текст ностальгической ретроспекции, что, в свою очередь, формирует зарождение качественно новой пространственно-временной организации произведения, в которой героям удастся фактически перехитрить установки памяти через «вспоминание» действительности, которую они в принципе не застали.

Отметим, что единой и лейтмотивной в «Жизни Арсеньева» выступает модель реконструкции исторических событий посредством выявления интертекстуального диалога, в котором опирающиеся на прецедент литературоведческие и искусствоведческие феномены обретают символическую знаковость для течения истории, а смысловая центростремительность концепта «память» конструируется посредством закономерной повторяемости уже случившихся эпизодов, рефреново актуализирующих спусковой механизм внедрения временных и вневременных воспоминаний как явлений, тождественных установке увековечивания памяти как одного из разветвлений привычной модели сохранения семейственности и разрастания кровных уз, как генетически заложенной необходимости быть сопричастным вековым фамильным устоям.

Модель нарративной памяти, как повествовательной инстанции и личной памяти главных героев в «Жизни Арсеньева», представляется опосредованно литературной и литературоцентричной, что подразумевает органическую неотделимость литературы от семантического фундамента текста-реципиента, по отношению к которому концепт «Память» одновременно вбирает в себя персонифицированную и коллективную память, актуализируя тем самым первородную, исходную функцию памяти и воспоминаний с их нацеленностью на преодоление пространственно-временных ограничений и текстуальные метаморфозы, когда по нарраторской интенции видоизменяется функциональная ниша, отведенная тому или иному персонажу, прошедшему модификацию из микросреды в среду, то есть из главенствующего героя во второстепенного, что формирует классические повествовательные мотивы «разрушения идиллии» и умерщвления, отмирания «отколовшихся» сюжетных вех.

Говоря о нарративной модели трансляции воспоминаний в «Жизни Арсеньева», важно подчеркнуть качественно новый ракурс трактовки терминологической конструкции – «память литературы», который интересен здесь тем, что демонстрируется не через интертекстуальность в ее классическом понимании, а посредством расщепления механизма памяти текста на пласт, представляющий литературу как явление, автономно обладающее способностью вспоминать предшествующий ей литературный контекст, и на пласт, «заточенный» на процесс «вспоминания» о литературе посредством разных модификаций феномена памяти, представленного не в роли лейтмотивной автономной единицы, а через рефлекссию о самом процессе образования и ознаменования памяти и постпамяти не в ее традиционной линейной трактовке «памяти о травме», а в значении алинеарной «памяти о памяти», что нарративно демонстрируется посредством внедрения в текст потока воспоминаний, кажущихся личными, персональными воспоминаниями Арсеньева, на самом же деле представляющими собой воспоминания известных исторических личностей и предков главного героя, живших задолго до его появления на свет.

Подводя итоги, отметим, что благодаря импрессионистической нераздельности и неразложимости нарративных трактовок формируется качественно новый феноменологический ракурс, являющий собой восприятие восприятия, что, в свою очередь, создает вневременное и внепространственное бытие с его мифопоэтическим кодированием и декодированием коллективной и индивидуальной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сливицкая О.* Сюжетное и описательное в новеллистике И.А. Бунина // «Русская литература», СПб., № 1, 1999. С. 101.
2. *Мальцев Ю.* Бунин. Франкфурт-на-Майне. М., 1994. С. 309.
3. *Бахтин М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // «Вопросы литературы», М., № 1, 1970. С. 103.

THE AUTHOR AND THE MAIN CHARACTER: NARRATORY ORGANIZATION IN “ARSENYEV’S LIFE”

I. Merangulyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article examines the narrative model of broadcasting memories of the collective and individual memory of the main characters as a narrative instance, inseparable from the semantic foundation of the recipient’s text, in relation to which the concept of “memory” actualizes the original function of memories with their focus on overcoming spatio-temporal limitations. Through the study of the narrative organization of the text, the problems of the subjective interpretation of the time continuum as an invariant of focalization through the eyes of different heroes are revealed, building historical milestones through the selective prism of their own experience, deformed and distorted by the integration of nostalgic retrospection into the text, thanks to which the heroes manage to outwit the canonically linear settings of memory through “remembering” reality, which they actually didn’t live through. Analysis of the narrative organization of a composition allows us to study in detail the model of reconstruction of historical events by identifying an intertextual dialogue in which literary phenomena based on precedent acquire symbolic significance for the course of history.

Keywords: emigrant prose, I. Bunin, narrative organization, ancestral memory, mythologems.

ЖУРНАЛИСТИКА

DOI 10.24412/1829-0450-2024-3-172-182
УДК 070

Поступила: 11.09.2024г.
Сдана на рецензию: 12.09.2024г.
Подписана к печати: 27.09.2024г.

СНИЖЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ СМИ АРМЕНИИ

М.Э. Авакян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
marvolskaya@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8648-6918*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются проблемы современной культуры речи в контексте журналистской деятельности в Армении. Ставится акцент на падении речевой культуры в условиях новой информационно-коммуникационной реальности. В статье показано, что массовая коммуникация по-прежнему – процесс довольно сложный и что СМИ должны способствовать достижению своих прямых целей согласно определенным приоритетам и потребностям развития общества в целом, что слово и культура речи в журналистике являются важными показателями речевой культуры; а также вопрос изучения эволюции изменений средств и предмета средств массовой коммуникации в условиях «информационного общества», при этом подчеркивая роль своеобразной модели транснационального языка, который сегодня активно воздействует на литературную норму, языковые вкусы и предпочтения, и многое другое.

Ключевые слова: язык СМИ Армении, речевая культура, информационно-коммуникационная среда.

Язык журналистики, как феномен любой национальной культуры, и сегодня является наиболее важным инструментом, который отражает интеллектуально-креативное состояние культуры нации. Не вызывает сомнения, что и сейчас главным оружием и орудием журналиста является слово, и, в первую очередь, – культура речи¹. Язык средств массовой информации является, безусловно, важнейшим фактором формирования не только речевой, но и мыслительной культуры. Для профессионального журналиста необычайно важны

¹ Передача информации и пр.

показатели речевой культуры: правильность речи – соответствие ее языковой структуры действующим языковым нормам; точность – качество речи, связанное с умением мыслить, со знанием предмета речи (или, говоря иначе, предметно-вещной действительностью), с точным знанием значения слов; логичностью речи, которая характеризует структуру и организацию речевой семантики.

Данная статья посвящена анализу функциональных и структурно-содержательных особенностей коммуникативного взаимодействия русского языка в армянском сегменте русскоязычной прессы на примере печатных и иных СМИ.

Объектом статьи является русский язык, употребляемый в русскоязычной прессе Армении, а также изучение функциональных и структурно-содержательных особенностей русского языка и их коммуникативного использования, осуществляемого в рамках журналистики, некоторых интернет-изданий и др.

Предметом исследования являются новые и формирующиеся модели языковых средств массовой коммуникации, их предметная реализация и сферы распространения.

Вопросы, связанные с этими задачами, в той или иной мере затрагивались в работах ученых-языковедов и коммуникативистов (см., например: [Головин, Б.Н.1988]; [Ипполитова, Н.А., Князева, О.Ю., Саввова, М.Р. Кривоносов, А.Д. 2010]; [Корконосенко, С.Г. 2004]; [Лазутина, Г.В. 2010]; [Лотман, Ю.М. 1992]; [Мартыненко, Н.Г., Печетова, Н.Ю., 2007]; [Матвеева, Л.В.1996]; [Луман, Н. 1995]; [Л. Прохоров, Е.П. 2002]; [Самарцев, О.Р. 2017]; [Самусевич, О.М. 2012]; [Тертычный, А.А. 1998]; [Федотова, Л. 2004]; [Фомичева, 1976] и др.).

При этом стремительное технологическое развитие виртуального пространства, продолжающееся и по сей день, приводит к возникновению новых форм и методов использования русского языка, внося значительные изменения в современную прессу и, вообще, во весь коммуникативный процесс и его содержание.

Гипотезой исследования является то, что, согласно изменению геополитических реалий и трансформации средств массовой коммуникации и прессы, возник новый «язык» журналистики, используемый в коммуникативной сфере, подразумевающей сейчас как бы инновационное комплексное явление, которое на содержательном уровне и на стадии функционирования его ключевых элементов ведет к изменению всего коммуникационного процесса.

Таким образом, *научная новизна* данного исследования определяется тем, что в нем впервые рассматривается в качестве объекта исследования сегмент русского языка в русскоязычной прессе Армении, а также его новых форм в сфере новых медиа как формирующегося типа интернет-изданий и иных изданий, который, изменяя функциональные и стилистические характеристики всего коммуникативного процесса, его создателей и потребителей, изменяет

и структурно-содержательные характеристики СМИ относительно коммуникативного взаимодействия в современной журналистике.

Постановка проблемы. Чистота речи, подразумевающая отсутствие чуждых литературному языку элементов, отвергаемых нормами языка, и даже нравственности, сегодня становится особо актуальной. Многие исследователи настаивают на выразительности речи, воплощаемой в особенностях ее структуры, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя. Богатство речи часто отождествляется с разнообразием речи: считается, что чем реже повторяются в ней одни и те же знаки и цепочки знаков, тем она богаче, чем и отождествляются понятия богатства и разнообразия речи. «Важным критерием культуры речи является ее уместность – такой подбор, такая организация средств языка, которые делают речь отвечающей целям и условиям общения. Уместная речь соответствует теме сообщения, его логическому и эмоциональному содержанию, составу слушателей или читателей, информационным, воспитательным, эстетическим и иным задачам письменного или устного выступления. Таким образом, сфера культуры речи – это сфера взаимодействия языка и культуры, языка и неязыковой деятельности, применение языка с учетом требований отечественной культуры и обстоятельств общения» [1].

В наше время, в век стремительного развития информационного общества, так называемой «информационно-коммуникационной революции», не только возросла роль информации, но и изменились требования к современному журналисту (трудно сказать, к более высокому качеству его работы и уровню культуры, или наоборот), что стало серьезной проблемой во многих странах, в том числе и в Армении. Не ставя перед собой основной целью анализ всего сложного и разнообразного процесса трансформации общеизвестного литературного русского языка в современные формы языковых структур журналистских материалов, хотелось бы отметить, что значимые изменения в различных СМИ и в разных странах происходят по-разному, особенно это относится к странам постсоветского пространства².

Эмпирическая база и научное обоснование темы

В современном обществе наблюдается общая тенденция падения речевой культуры. Причины этой ситуации – так называемая «свобода слова», воспринимаемая сегодня в прямом, отнюдь не в переносном значении этого слова, вербальная небрежность, изъятие этических табу, многообразные проявления речевой агрессии, вульгаризация и варваризация, связанные с экспан-

² По этой причине мы решили проанализировать сравнительно небольшой временной отрезок в печатных СМИ Армении, а именно, начиная с середины 2000-х гг.

сией жаргонов, повседневного слэнга, смешения разговорного и литературного стилей. Все эти проявления низкопробной культуры, а вернее, бескультурья, стали почти «регулярными» в современных средствах массовой информации. В этом «языковом» бедствии ученые прямо обвиняют современные СМИ, утверждая, что под их влиянием речь становится грубой и шаблонной. Из привычного эталона правильной речи средства массовой информации, по мнению многих исследователей, превратились в тиражирование ошибок. Исследователь языка СМИ О.Б. Сиротина заявляет, что именно СМИ «с их непродуманной стратегией демократизации языка прессы... и открыли шлюзы для снижения речи любой ценой, одновременно создавая моду на иностранные слова и нарушая русские коммуникативные нормы» [2].

Журналисты стали слишком вольно обращаться с языком, забывая о своем влиянии на речь и поведение населения. Забыли они и о том, что профессиональные журналисты должны обладать элитарной речевой культурой, которая, по мнению ученых, определяется следующими признаками: владение всеми стилями литературного языка, уместное использование языковых средств в разных речевых ситуациях, осуществление самоконтроля, соблюдение этических норм общения и ортологических норм. Ушло в прошлое доверие к средствам массовой информации как образцу литературного языка. «Языковая норма – наша языковая конституция, – отмечает В.В. Славкин. – Источником нормы всегда считались художественная литература, речь образованных людей, язык средств массовой информации. Сейчас они “не работают”, не выполняют этой роли» [3]. Многочисленные факты свидетельствуют не только о недостаточном владении нормами литературного языка, но и об элементарном нежелании их соблюдать. В журналистских текстах допускаются нарушения языковых и коммуникативных норм, что ведет к непониманию или неверному восприятию текста. По своей воздействующей силе современный журналистский текст становится более интенсивно-насыщенным, часто агрессивным. Это, в первую очередь, связано с тем, что в своей текстовой деятельности журналисты предпочитают частые заимствования, несмотря на наличие русских эквивалентов, используют жаргонную лексику, часто с агрессивной коннотацией, только потому, как они сами отмечают, что это сейчас модно, так сказать «креативно», потому что таков языковой вкус у современного общества. Однако такую языковую моду создают в первую очередь сами журналисты. Предостерегать от слепого следования языковой моде – это задача лингвиста, и именно в этом должна проявляться забота о высоком уровне национальной речевой культуры. В программе «Ничего личного» (ТВЦ, понедельник, 12 марта 2007, 22.05) для обсуждения темы «Ненормативная лексика в искусстве» были приглашены актеры, режиссеры, поэты, лингвисты и юристы. Для голосования зрителям был задан вопрос «Допустим ли мат в искусстве?» [4]. Результаты голосования показали, что

больше 1/3 зрителей (38%), согласились с тем, что мат вполне допустим. Удивило зрителей и то, что люди, которые должны радеть за чистоту речи, высказывались в защиту матерщины. Заявления авторитетных людей, звучавшие в этой передаче, типа «Мат должен использоваться осторожно и аккуратно, если мы хотим сохранить его силу», «Мат становится публичным и теряет свою непристойность по мере его частоты» или «Мат – это часть языка. И есть люди, которые разговаривают на этом языке. Уважайте этих людей!», формируют языковой вкус аудитории, влияя на речемыслительную деятельность носителей культуры и – тем самым на национальную речемыслительную культуру. Как отмечал председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов, д.филол.н. М.В. Горбаневский: «Если люди говорят на языке зоны – значит, они исповедуют ту систему ценностей и ту систему понятий, которые пришли оттуда же» [5].

Иногда в материалах СМИ или рекламе используются слова, которые не являются нецензурными, однако носят на себе печать разговорного стиля. Согласно статистике, за последние несколько лет в России, после введения специальной статьи закона «О средствах массовой информации», касающейся запрета публикации материалов, содержащих нецензурную брань» (2015г.) подобные материалы стали встречаться почти в 5 раз реже³.

Безусловно, профессиональная журналистская деятельность – это, прежде всего, речевая деятельность. И специализированная культура журналистов зависит от того, насколько хорошо они владеют словом. Профессор Н.А. Ипполитова констатирует: «Культура предполагает высокую степень мастерства, поэтому культура речи должна оцениваться с точки зрения мастерства как устной, так и письменной речи с учетом их особенностей» [6].

Однако современные СМИ стали образчиком нравственного беспредела и оскудения речевой культуры, утверждает М.В. Горбаневский. Теперь абсолютная вседозволенность и безнаказанное использование в публичной речи бранной, нецензурной, обиходной лексики, хуления становится нормой языкового поведения, влияет на формирование языковой культуры молодого поколения и, соответственно, жизненной этики. Тем самым, по его мнению (с которым нельзя не согласиться), тормозится развитие журналистики и падает корпоративная репутация профессии журналиста в обществе. «Журналист должен помнить, что его основной инструмент – родной язык. И именно журналист, в конечном счете, за него отвечает. Хотя бы потому, что говорит и пишет чаще других. Да еще публично!» [7].

³Об сообщили ТАСС в пресс-службе Роскомнадзора.

* * *

На рубеже 90-х гг., когда ломались все привычные стереотипы и методы советской прессы⁴, в Республике Армения стало больше печатных изданий на русском языке⁵, которые пытались внести в свою журналистскую «перестройку» новые методы («внецензурные») и совершенно иные стилистические особенности, смешивая порой «свободу» выражения своего мнения со «свободой слова», когда дозволялись практически все способы реализации для привлечения читателей – от пресловутой «клубнички» до «раскрытия истинного облика» и «вмешательства в личную жизнь» известных лиц и политиков и др. Некоторые печатные издания ориентировались исключительно на «журналистскую изюминку», вначале очень привлекательную и совершенно отличную от «официоза» советской журналистики. Но прошло несколько десятилетий, и языковая трансформация постепенно вошла в свою «лингвистическую» колею, стала придерживаться определенных принципов, закрепленных в законах «О языке»⁶ и «О массовой информации»⁷. Конечно, действующие журналисты продолжали свою профессиональную деятельность, по инерции придерживаясь тех навыков и средств воплощения, которые они приобрели еще в эпоху советской прессы. Но так или иначе происходило формирование определенного «пограничного» стиля, который затем перерос в т.н. «транснациональный» язык. Сейчас реализация транснациональных средств массовой коммуникации регулярно осуществляется для обеспечения информационных потребностей населения в широком масштабе, выходящих за территориальные и иные рамки, особенно в условиях глобальных изменений и распространения Интернета и интернет-журналистики. Классическая

⁴ В советский период в Арм. ССР публиковались официальные издания: «Коммунист» и «Комсомолец» (для молодежи), многотражки заводов или фабрик, еще было более 40 различных журналов (тиражом в среднем по 3,2 тыс. экз.) и газет (тиражом в среднем по 12 тыс. экз.).

⁵ Появились: «Республика Армения», «Зеркало», «Эпоха», «Урарту», «Новое время», действующее до сих пор, «Афиша» и др.

⁶ Статья 1. Политика Республики Армения в области языка: государственный язык Республики Армения – армянский, который обслуживает все сферы жизни республики. Официальный язык Республики Армения – литературный армянский язык; Республика Армения содействует сохранению и распространению армянского языка среди армян, проживающих вне ее границ; Республика Армения способствует унификации правописания армянского языка. Республика Армения на своей территории гарантирует свободное использование языков национальных меньшинств.

⁷ Статья 7. 2. Запрещается распространение информации, полученной путем видео-, аудио записи, если она получена без предупреждения лица о произведении видео-, аудио записи, и это лицо предполагало, что находится вне поля зрения, вне слышимости лица, проводящего видео-, аудио запись, и для этого предприняты достаточные меры, за исключением того, когда меры, предпринятые для нахождения вне поля зрения и вне слышимости лица, проведенного видео-, аудио запись, были явно недостаточными.

модель русского языка, конечно, за годы независимости в Армении претерпела кардинальные изменения и трансформацию из «советской модели» в «национальный вариант» русского языка. По мнению многих ученых-лингвистов, положение русского языка в Армении, хоть и претерпело множество изменений и трудностей, но по-прежнему не сдает своих позиций, оставаясь средством международного общения. Так, д.филол.н., профессор Л.Б. Матевосян пишет: «Русский язык – средство общения не только между специалистами, но и людьми разных стран. Сегодня все чаще говорят о консолидирующей роли русского языка в развитии межкультурных отношений не только между Российской Федерацией и странами ближнего и дальнего зарубежья, но и во всем евразийском пространстве, – так что реальный статус русского языка в Армении гораздо выше его правового статуса» [8].

В начале 90-х гг. в Армении русский язык продолжал довольно широко использоваться в официальном делопроизводстве, действовали русские школы и профессионально-технические училища, русскоязычные факультеты в вузах. Но после принятия закона «О языке» в 1993 году, русский язык стал иностранным, система образования и делопроизводство были переведены на армянский язык. Обучение почти во всех учебных заведениях теперь стало вестись на армянском языке, даже на факультетах русистики. К сожалению, многие квалифицированные русскоязычные специалисты уехали в Россию. Общее число русскоязычных студентов также значительно сократилось. Все это не могло не отразиться на русскоязычной прессе. Проблема ответственности журналистов перед своим читателем и сейчас чрезвычайно актуальна. Как мы уже отмечали, и речевая, и профессиональная культура журналиста предполагает мастерское владение словом. Даже известные армянские журналисты порой грешат словесной неудобоваримостью, понимаемой как «свобода стиля»: «Теперь выключаем “Машину времени” и включаем мозги. Все названные господа и еще многие другие остались в истории человечества не потому, что входили в конфликт с налоговыми службами, а потому как следовали Библейской заповеди: “Богат не тот, кто имеет, а тот, кто отдает”» [9]. Или с целью привлечения всеобщего внимания душераздирающие заголовки: «Умер – отдай орган! Не согласен – закрепи нотариально!»; «Полицейские, они ведь тоже люди»; «Соседи страшнее персов» и др. [10].

Наряду с неоправданным использованием нелитературных элементов, о невысокой культуре комментаторов свидетельствуют и многочисленные грамматические, лексические, логические и смысловые ошибки. Например, «сейчас Грайсу после желтой майки лидера зачета ничего не угрожает»; «промахнулся опять все пять выстрелов»; «проследим там за динамикой отставания ...»; «Следующим пунктом в биографии нашей собеседницы стала панель»; «Реш поближе переложился в плане своей позиции»; «немецкие спортсменки вновь оккупировали весь пьедестал почета»; «мол, парсики едут

в Армению за армянками, значит надо им ломать коленки»; «лыжная подготовка подтянулась, но испортилась меткость»; «пока она сейчас думает, сердечко уже бухает и не только в голове, но и во всех других конечностях»; «Главным образом из-за этого армянские проститутки массово мигрируют с улиц в интернет – в маленькой стране сложно сохранять анонимность, если стоишь на виду. Тем временем знакомого, который стучится к тебе в профиль, можно сразу отсечь и не быть раскрытой» и др. [11]. Все выше приведенные примеры свидетельствуют о том, что и армянские журналисты, несмотря на наличие высшего образования и достаточного уровня владения русским языком, зачастую намеренно позволяют себе совершать стилистические и иные огрехи с целью привлечения бо́льшего количества читателей. Здесь вполне уместно констатировать такое неопределенное пока в лингвистике явление, как адаптация старых языковых стилей к новым журналистским реалиям, когда происходит смешение различных стилей и даже языков, когда в «речи» СМИ используются прямые «заимствования» из национального языка или терминов из местных реалий и ситуаций, понятных и воспринимаемых исключительно в локальном контексте.

Результаты исследования

Издаваемая наряду с национальными СМИ русскоязычная пресса Армении способна наглядно продемонстрировать особенности, имеющиеся в каждом национальном варианте русского языка, поскольку является одной из форм воплощения такого варианта языка. Конечно, пресса использует стандартные языковые средства русского языка и потому имеет много общих многоуровневых признаков соприкосновения с российскими СМИ, но в то же время во многом отличается, так как на формирование языка русскоязычной массовой прессы РА влияют различные обстоятельства: особенности родного языка, специфические термины и названия, национальные традиции, экстралингвистические факторы и т.д. Основным экстралингвистическим фактором, определяющим особенности армянской русскоязычной прессы, конечно, является геополитическое положение Армении в мире. Территориальные характеристики и национальное своеобразие, предполагая древность нации и несклонность к адаптации, определяют особенности выбора тематики прессы, векторность оценочности происходящих событий или явлений, содержание принимаемых или резко отвергаемых категорий, нежелание использования невербальных средств, даже размеры статей и другие показатели.

Исследование языковых средств, используемых в современных армянских русскоязычных изданиях, свидетельствует о спонтанном размежевании материалов – как информационных, так других жанров – в четкой реализации двух основных функций прессы – информационной и воздействующей, так

как в них значительно меньше внимания уделяется точности и четкости информации, о чем свидетельствуют и рубрики изданий, и постоянная тематика, и жанровое однообразие. Наблюдается процесс игнорирования второй функции – воздействия, которая не является основной для национальных русскоязычных газет: данный факт обусловлен отсутствием конкретного (т.е. по возрасту, социальной прослойке, образовательной принадлежности, интересам и другим показателям) адресатов публикаций, что было характерным признаком армянских СМИ советского периода. Как известно, тогда было множество многопрофильных изданий, однако почти всех – подцензурных. Сегодня наблюдается стремление к универсализации языка изданий, когда элементы материалов современного языкового наполнения подчас сочетаются со сложными и насыщенными терминами текстами, когда исторический анализ перемежается армянскими или латинскими специфическими вставками и пр.

На наш взгляд, основной функцией армянских русскоязычных газет является функция самовыражения авторов, то есть демонстрации уровня своих языковых и фоновых знаний, осуществляемых при помощи публичной «языковой плоскости», выражающей интересы довольно ограниченной аудитории. Может поэтому национальные русскоязычные тексты отличаются от российских не только по характеру лексико-грамматических, текстовых и стилистических характеристик, но и по формам использования средств речевого воздействия, чаще всего это – прямые, эксплицитные средства, которые имеют однонаправленную характеристику и, так сказать, «отяжеляют» сам текст прецедентными элементами, слоговыми аббревиатурами и пр. Все используемые средства выражения показывают эмоциональное отношение авторов (не всегда это может быть журналист) к обсуждаемым проблемам, и особенно к персоналиям (например, политикам, депутатам, их семьям и личной жизни и т.п.). В армянских русскоязычных текстах СМИ присутствует усиление содержательно-концептуальной стороны публикации, уменьшается фактор информационной фактографичности. Чаще всего используется модель аналитических жанров, так как сама публикация несет в себе субъективно-авторскую трактовку описываемых событий.

Итак, можно сделать основной вывод: форма и содержание языковых особенностей русскоязычной прессы Армении показывает, что они обусловлены не только стандартами русского языка, но и воздействием моделей армянского языка, исторически состоявшихся национальных стереотипов, воплощением конкретных целей и мнений авторов, в рамках которых и создаются журналистские тексты.

Заключение

Одним из феноменов национальной культуры, безусловно, является язык, ведь именно он отражает интеллектуально-креативное состояние культуры нации. Каждый язык отражает национально-специфический способ восприятия и концептуализации действительности, а также когнитивную деятельность носителей культуры. Отличие в культурах отражается в языке и ментальности человека. В нашем случае речь идет о транснациональной модели русского языка, педалирующего в русскоязычной прессе Республики Армения. Речь и мышление являются основными параметрами логосферы как речемыслительной сферы национальной культуры, на развитие которой оказывают влияние средства массовой информации. Именно они влияют на речемыслительную деятельность общества, выражают так называемый «речевой вкус» эпохи, формируют речевой «идеал» современности. Одним из аспектов описания национальной культуры является культура речи, которая одобряется и культивируется данным обществом. Ученые и исследователи требуют уделять особое внимание культурной компетентности языковой личности журналиста, в данном случае – это знание того, как можно или нельзя говорить (принято/не принято) в той или иной ситуации и в рамках конкретной культуры.

Таким образом, язык СМИ является важнейшим фактором формирования не только речевой, но и мыслительной культуры. Речь, адресованная многомиллионной аудитории, в значительной степени влияет на речемыслительную деятельность людей, формирует их языковой вкус, что в условиях армянского билингвизма приводит к синкретизму культурных и этнопсихологических ценностей общества, а значит, к трансформации ментальных категорий национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сержант Ю.В.* Культура речи журналиста как показатель его профессионализма. URL: www.rusnauka.com/26_WP_2012/Philologia/7_116486.doc.htm
2. *Сиротина О.Б.* От кого зависит судьба русского языка? // «Русская речь», № 1, 2007. С. 291.
3. *Славкин В.В.* Язык и культура. Круглый стол // «Русская речь», 2007. №1. С.5.
4. *Самусевич О.М.* Речевая культура журналиста как основа профессиональной компетенции (лингвокультурологический аспект) // «Культура народов Причерноморья», № 101, 2012. СС. 111–113.
5. *Самусевич О.М.* Феномен речевой агрессии в белорусской прессе // «Медиалингвистика», СПб., 2007. СС. 41–45.
6. *Ипполитова Н.А., Князева, О.Ю., Саввова М.Р.* Русский язык и культура речи. М., 2005. С. 1.
7. *Горбаневский М.В.* Об ответственности за слово // «Русская речь», № 1, 3, 2007. С. 10.
8. *Матевосян Л.Б.* Русский язык в образовательном пространстве Армении: вчера, сегодня, завтра // «Русский язык в Армении», № 3 (100), 2016. С.19.

9. Баблумян С. Как вытряхнуть карманы крутых армян // «Новое время», 04.04.2019г.
10. Статьи из газеты «Новое время», 02/05/2019г. и др.
11. Там же.

**THE FALL OF THE SPEECH CULTURE
OF THE JOURNALISTIC TEXT: THE FEATURES
OF THE USE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE MODERN
MEDIA OF ARMENIA**

M. Avakyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The present article deals with the problems of modern culture of speech in the frame of journalistic activity in Armenia. The recession of the speech culture in the new information and communication reality is stressed out. The article points out that mass communication is still a rather complicated process and that the media should contribute to the achievement of their direct goals in accordance with certain priorities and needs of the development of society as a whole; the word and the culture of speech in journalism are important indicators of speech culture; the evolution of changes in the mass media and the subject of mass communication in the conditions of the “information society” should be studied, at the same time emphasizing the role of a kind of model of a transnational language, which currently influences the literary norm, language tastes and preferences, and much more.

Keywords: mass media language in Armenia, speech culture, information and communication environment.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авакян М.Э – к.филол.н., доцент, главный специалист по организации редактирования и рецензирования Редакции Научных Изданий Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Аванесян М.Г. – к.п.н., ст. преподаватель Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Аветисян Д.П. – аспирант Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Вардгесян Э.М.Г. – магистрант по направлению «Менеджмент» в Американском университете Армении

Восканян М.А. – д.э.н., доцент, заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Галстян А.Г. – к.э.н., доцент Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Есаян А.В. – аспирант Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Манукян М.А. – к.ю.н., преподаватель Кафедры юридического факультета Ереванского университета «Гладзор», член Палаты адвокатов РА

Мерангулян И.А. – аспирант Кафедры русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Мирумян Р.А. – д.филол.н., профессор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН РА, профессор Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Мкртчян Г.Г. – к.филол.н., учитель Интернациональной школы города Фошань (Китай)

Полежаев Д.В. – д.ф.н., профессор, заведующий Кафедрой педагогики и воспитательной деятельности Волгоградской государственной академии последипломного образования (ГАУ ДПО «ВГАПО»)

Сандоян Э.М. – д.э.н., профессор, ректор Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Степанян И.К. – ст. преподаватель Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Тер-Варданян А.А. – соискатель Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

**ВЕСТНИК РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ,
№3 (50) 2024г.**

**VESTNIK OF RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY. SERIES:
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES, No. 3 (50)/2024.**

*Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Специалист РНИ корректор – А.С. Есяян
Компьютерная верстка – А.С. Бжикян*

*Editor-in-Chief of the EOSP – M.E. Avakyan
EOSP specialist proofreader – A.S. Yesayan
Computer layout – A.S. Bzhikyan*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр. 392)
e-mail maria.avakian@rau.am

Address of the Editorial Board of Scientific
Publications of the Russian-Armenian University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Заказ № 27
Подписано к печати 26.06.2024г.
Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем 11.5 усл. п.л. Тираж 100 экз.

Order No. 27
Signed for publication on June 26, 2024
Format 70x100¹/₁₆. Offset paper No. 1.
Volume 11.5 conv. p.l. Circulation 100 copies